Над горящей землей

Николай Николаевич Штучкин

SHOUT
SHARE
IT

- Штучкин Николай Николаевич

Штучкин Николай Николаевич
Над горящей землей

Штучкин Николай Николаевич
Над горящей землей
{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Аннотация издательства: В книге рассказывается о славных боевых делах в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны летчиков брата и сестры Владимира и Тамары Константиновых, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза. Для широкого круга читателей.

С о д е р ж а н и е

Предисловие
Первые шаги в небо
Отбоя тревоги не будет
Курс на восток
Легкие ночные бомбардировщики
Закалка характеров
На горизонте - фронт
Крещение огнем
В сердце - горе и гнев
В большой излучине Дона
Полет в Мало-Ивановку
Сталинград
Фронтовые дороги
Миус-фронт
На боевом курсе
В небе Донбасса
На "летающем танке"
Сиваш, Крым
Полк Домущея
В небе Прибалтики
Огонь на себя
Верочка
Над Восточной Пруссией
Над крышами фольварков
Завершающие удары
Отцы и дети (вместо эпилога)

Предисловие

В мае 1975 года в знаменательный день 30-летия Победы прославленные фронтовые летчики, Герои Советского Союза

старший лейтенант в отставке Тамара Федоровна Константинова и полковник Владимир Федорович Константинов, сестра и брат, были на приеме в ЦК ВЛКСМ. Затем по приглашению руководителей партии и правительства Тамара Федоровна, член Комитета советских женщин, была на приеме в Кремле. Позже выступала перед работниками Московского метростроя, с которыми у нее давняя дружба. В тот же день брата и сестру, ветеранов, проводящих большую военно-патриотическую работу среди молодежи, пригласил к себе председатель ЦК ДОСААФ СССР трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин и вручил им Почетные знаки и грамоты.

Между летчиками-фронтовиками, героями состоялась теплая, дружеская беседа. Им, участникам Великой Отечественной, было что вспомнить, было о чем поговорить. Тем более, что воевали они в разных родах авиации, сражались с врагом на самолетах разных типов: Александр Иванович Покрышкин - на истребителях, Тамара Федоровна Константинова - на штурмовиках, Владимир Федорович - на легких ночных бомбардировщиках. У каждого было что-то свое, особенно интересное для собеседников: и техника, и тактика, и способы боевых действий.

Не частое это явление, когда брат и сестра - оба и летчики, и Герои Советского Союза. Вот почему Александра Ивановича, пригласившего к себе фронтовиков-авиаторов, интересовали не только их боевые дела в годы войны, но и биография Константиновых. Шел живой разговор о местах, где брат и сестра росли и учились, о пионерских лагерях под Калинином, где обретали чувство коллективизма и товарищества, об авиамодельных кружках оборонного Общества и полетах в аэроклубе, где крепли любовь к небу, чувство взаимовыручки, ответственность за порученное дело.

Всякое бывало на трудном жизненном пути - и невзгоды, и неудачи. Но разве это могло остановить одержимых крылатой мечтой, наметивших единственную цель - быть военными летчиками, защитниками Родины!

- Вот ведь как получается, - говорил им, улыбаясь, Александр Иванович, - родились в лесной деревушке сестра и братишка, росли, как и многие, ничем не приметные, а стали героями, известными людьми. Ваша преданность авиации, самоотверженность, умение защищать свою Родину - пример для настоящих и будущих воинов-патриотов. О вашей боевой жизни, о подвигах, совершенных в годы войны, должна знать молодежь, все советские люди.

Первые шаги в небо

Скопинский аэроклуб, 1937 год. Ровное, поросшее густой травой летное поле, длинная самолетная стоянка - два ряда машин.

В небе гудят моторы. Это летает второй отряд. В первом идет подготовка к полетам. К группе курсантов, собравшихся близ тренажера - старого, списанного самолета У-2, укрепленного на штыре-шарнире, подходит летчик-инструктор Сергей Чугунов, молодой, среднего роста, неторопливый. Задержав взгляд на высокой светловолосой девушке, командует:

- Курсант Константинова, в кабину!

Тамара садится, надевает шлем, застегивает привязные ремни - все как в полете. Двое курсантов встают у плоскостей самолета, третий - у хвоста. Инструктор, наблюдая со стороны, командует:

- Набор высоты! Разворот влево! Снижение! Разворот на снижении!..

Тамара, выполняя команды, отклоняет рули. Курсанты, наблюдая за их положением, то опускают хвост самолета, то поднимают его, накреняют машину то влево, то вправо...

Тренажи, полеты по кругу, полеты в зону. Инструктор в передней кабине, Константинова - в задней. Тамара постоянно чувствует его взгляд, видит его лицо в контрольном зеркальце, укрепленном на стойке крыла правее и выше передней кабины. И инструктор, глядя в это зеркальце, постоянно видит лицо курсанта, видит его работу.

...Ветер гудит в лентах-расчалках, ровно стрекочет мотор, впереди слева, в прозрачном ореоле винта, клубится далекая облачность.

- Облачность приподнятого тумана,- поясняет инструктор,- с подъемом солнца растает.

Следя за впереди идущим У-2, Тамара уверенно ведет самолет от третьего к четвертому развороту. Высота четыреста метров, скорость сто километров в час, визуальное удаление консоли крыла от оси посадочных знаков около метра. Все вроде нормально, все "как учили". И вдруг голос инструктора:

- Мне надоело возить вас, Константинова!

Она смешалась от неожиданности, сжалась от обиды. За что же он так? Никогда не бранился, всегда был доволен, говорил, что все у нее хорошо, все, дескать, идет по плану. Тамара недоуменно глянула вправо и вверх, на стойку, где зеркальце. Глянула и все поняла. Инструктор смеялся. Она кивнула, слегка улыбнулась в ответ. Он подтвердил ее догадку: "После этого полета представлю тебя командиру отряда. На проверку. Пора, Константинова, летать самостоятельно".

Первый самостоятельный!.. Тамара смотрит на зеркальце - и нет в нем знакомого лица инструктора. Ни улыбки его, ни сурового взгляда. Тамара смеется, вдыхает свежий утренний воздух и что-то поет. А что, и сама не знает. Просто песню без слов. Так ей легко и радостно. И делает все, что положено, что нужно в полете. Самолет послушно идет туда, куда она его направляет.

Вот и последняя прямая. С высоты полета старт как на ладони. Около посадочного знака виден финишер, курсант в синем комбинезоне. Прямо перед собой он держит белый флажок - посадка разрешена. Красный, запрещающий посадку, опущен к ноге. Тамара плавно подводит машину к земле, выводит ее из угла, приземляет.

s Товарищ инструктор! Первый самостоятельный выполнен,- докладывает Тамара Чугунову,- разрешите получить замечания.

Инструктор радушно пожимает девушке руку:

- Отлично, Константинова! Молодец!

Все поздравляют Тамару, все пожимают ей руки, желают мягких посадок. И только один из курсантов, Василий Лазарев, улыбаясь, стоит в стороне. Высокий, статный. Ее муж, отец ее дочери, Верочки, Она знает, чего он ждет, почему не торопится. Он подойдет к ней в последнюю очередь. Чтобы им никто не мешал, чтобы они могли поговорить один на один, вместе порадоваться успеху Тамары.

В тот же день Тамара написала в Калинин своему младшему брату Владимиру, поделилась радостью и с ним. "Ты знаешь, Володя, как это приятно - летать. Какая это красота, если на землю смотреть сверху! Описала бы, но не могу, не умею, слов таких не знаю. И нет, наверное, таких слов. Это самому надо увидеть, самому все почувствовать. Иди, Вовка, в летчики. В аэроклуб или в военную школу..."

Человек, по-настоящему влюбленный в небо, на полпути не остановится. Окончив аэроклуб, Василий уехал в Батайскую авиашколу, он решил стать военным летчиком. Из Скопина, где Тамара училась в техникуме, а затем работала, она возвратилась в Калинин, в родную семью - к матери, брату, сестренке. Но брата уже на застала, Владимир уехал в Оренбург, поступил в училище штурманов. В это время в Калинине, как и во многих других городах, тоже действовал аэроклуб. И первым желанием Тамары было летать и работать, стать летчиком-инструктором.

В аэроклубе - специальный набор: готовят для военных училищ. Там, в Скопине, командиры отрядов - люди гражданские, здесь - военные.

Капитан Мельников, слетав с Тамарой в зону, убедившись,

что пилотирует она хорошо, уверенно, теперь беседует с ней, думает, как ей помочь. Чтобы стать инструктором, Тамаре надо окончить специальную школу в Херсоне, полетать, обучиться методике. Но как быть с ребенком? Командир понимает, что это значит для молодой матери.

- Ладно, обойдемся своими силами,- решает Мельников.- Дадим вам инструкторскую программу, годик полетаете общественником, обретете опыт, потом зачислим в штат. И работать будете здесь же, в аэроклубе, делопроизводителем.

- Спасибо, - благодарит Тамара, - о лучшем я и мечтать не могла.

Как быстро летит время! Тамара уже летчик-инструктор. В группе десять курсантов. Нелегко с ними работать: ведь у каждого свой характер, свои особенности.

Тамара знает: изучать курсантов надо еще до полетов, до начала летной практики, когда они проходят теорию. И вот встречи, беседы, разговоры по душам. Постепенно Тамара выявляет способности, склонности, душевный настрой каждого. Николай Воронин - сентиментальный, мечтательный юноша, любит стихи и даже пытается сочинять; Владимир Гусев - шумливый, не прочь поспорить по любому поводу; Семен Обухов - немногословный, настойчивый; Михаил Беляков... Короче, у каждого есть свое. Но есть и общее: все они из рабочих семей и сами рабочие. И все мечтают летать, все хотят быть военными летчиками. И только истребителями. Почему? В аэроклуб дважды приезжали герои испанских событий летчики-истребители, много рассказывали о воздушных боях.

Из Обухова истребитель получится, это Тамара знает заранее. Он даже чем-то похож на одного из "испанцев". С Гусевым придется повозиться, уж очень он несобранный. Нелегко придется и с Ворониным - впечатлителен, обидчив... Словом, работы - непочатый край.

Весна. Недавно сошел снег, аэродром подсох, зазеленел - и на старте вновь загудели моторы. Настроение у всех бодрое, приподнятое. И все же... Первые полеты с курсантами обеспокоили Тамару. Простое, элементарное - и то у ребят не получается. И команды воспринимают с запозданием, и за приборами не следят, и спешат неоправданно. "Тренировать надо больше, - решает Тамара.- С имитацией полета по кругу, с детальным докладом каждого курсанта обо всем, что положено делать в полете от взлета до посадки".

За работой Тамары зорко следит командир отряда капитан Мельников. Как-то в конце летного дня предложил:

- Полетим, Константинова, в зону. Условие: вы - курсант, я

инструктор.

Двадцать минут - и полет выполнен. Самолет на стоянке, мотор выключен.

- Скажите, Константинова, какую я, как инструктор, допустил ошибку в полете?

Интересно, вместо того, чтобы разобрать ошибки "курсанта" в полете, он спрашивает о допущенных им ошибках. Ну что ж, пусть будет так.

- Вы зажимали управление. Не очень заметно, но зажимали, мешали мне. А левый боевой разворот выполняли вместе со мной, и я затрудняюсь сказать, кто его выполнял, вы или я...

- Все верно, Константинова, спасибо за откровенность, - благодарит Мельников.- А ведь иные инструкторы грешат этим, лишают курсантов самостоятельности, - и, усевшись на лежащий рядом с крылом самолета чехол, предложил: - Устраивайтесь поудобнее да расскажите, как обучаете курсантов, какие трудности, в чем надо помочь.

Незаметно пролетело лето. В работе, заботах по дому, в ожидании писем от Василия из Батайской авиашколы. Все у него хорошо, учится, постигает теорию. Скучает, конечно, о дочке, беспокоится, как она там, не болеет ли, хорошо ли растет. Завидует Тамаре. Она и с Верочкой, она и летает. Он же лишь занимается в классе и летать будет не скоро, пока не закончит теорию. Но зато на каком самолете он будет летать! На истребителе И-16! Том самом, что прославился в небе Испании, Китая, Монголии. "Жду не дождусь, когда подниму его в небо. Вижу, как летают наши инструкторы. На днях звеном пронеслись над самыми крышами. Дух захватило!.."

На государственных экзаменах по летной практике из группы Тамары лишь трое получили оценку "хорошо", остальные "отлично". Но это не удовлетворило ее. "Значит, не сумела, - думала она, - своевременно разглядеть своих подопечных, найти в каждом свою, только ему присущую "летную черточку". А сумей - они бы и раньше вылетели самостоятельно, и лучше летали. И еще: не сумела довести ребят до "нормальной кондиции", укрепить их волю, характер. Поэтому Гусев, "перегорев" до полета, допустил ошибку во время посадки и вместо пятерки получил только четверку. Выдержки не хватило, силы воли. Воронин тоже мог бы получить отличную оценку. И Беляков..."

Так она и доложила командиру отряда. Но он ее успокоил. Сказал, что сколько лет она будет инструктором, столько лет у нее будут ошибки. И каждый раз новые. Потому что дело имеет не с механизмами, а с людьми. А работать с людьми всегда трудно. Попробуй разгляди его, человека, душу его пойми,

ключик к ней подбери. Нет, это не просто.

Отбоя тревоги не будет

Апрель 1941 года. Скоростной бомбардировочный полк расположился на аэродроме под Шепетовкой. Но летать еще не на чем. Полк только что сформировался, имеет пока семь самолетов СБ, и летают на них лишь старослужащие летчики и штурманы - лейтенанты, старшие лейтенанты, капитаны.

Молодежь - пилоты и стрелки-бомбардиры, сержанты - ждут своей очереди, одновременно сдают зачеты по различным теоретическим дисциплинам: аэродинамике, самолетовождению, а также по инструкциям и наставлениям, определяющим летную службу.

Вместе с Владимиром Константиновым в полк прибыли Рудин, Михеев и Марченко. Все они стрелки-бомбардиры из Оренбургского училища. Василий Марченко и Василий Михеев - друзья Константинова. Тихий, скромный Владимир тянулся к таким же, как сам. С Марченко подружился с первых же дней. Вместе сидели в классе, вместе готовились к занятиям. С Михеевым сошлись не сразу. Все вначале не нравилось: угловатость, медвежья походка, резкий с хрипотцой голос. Но Михеев оказался прямым, честным, бесхитростным, готовым отдать последнее. А когда начались полеты, -умелым летчиком-наблюдателем. Он уверенно ориентировался, точно проводил самолет по маршруту. И Владимира потянуло к умному, толковому парню. Всегда был с ними и Марченко.

Весна... Темно-зеленым бархатом к аэродрому подступают поля. Белые мазанки утопают в белой кипени цветущих садов. Виднеются только крыши. Из местечка Судилков вечерами доносятся песни. Хорошо бы отдохнуть, погулять, да нельзя, заниматься надо, к зачетам готовиться, и сержанты засели за конспекты, учебники.

Но вот зачеты сданы, получен допуск к полетам. Результаты зачетной сессии объявили в приказе. Приказ зачитал заместитель командира полка капитан Хорошилов, Владимир Александрович Хорошилсв - отважный летчик, участник боев на Карельском перешейке. Летал там на СБ, был командиром звена, награжден. Все в нем гармонирует: высокий рост, светлые волнистые волосы, голубые глаза, улыбка на смуглом обветренном лице.

Красив он и своей простотой, сердечностью, скромностью. Редкость орденоносец до сорок первого года, а Хорошилов больше того - Герой Советского Союза. Константинов не сразу поверил, что он имеет такую награду - уж очень доступен, - а подумав, решил, что именно такими и должны быть герои: человек, какой бы знаменитостью он ни стал, прежде всего

должен быть человеком.

- Зачеты сданы, допуск получен, а летать пока еще не на чем, - с сожалением сказал капитан.- Понимаю, нет ничего хуже, если летчик сидит на земле, утрачивает свои навыки. Но время терять не будем, организуем тренаж в кабинах. Не мне вам доказывать, как это нужно, сами знаете: чем больше сидишь в кабине, тем больше к ней привыкаешь, тем увереннее чувствуешь себя в воздухе.- Капитан вопросительно посмотрел на стоявших в строю летчиков и штурманов - нет ли, дескать, здесь сомневающихся. И продолжил:-Кроме того, будем работать, оборудуем спортгородок, расчистим площадку для стадиона. Станем играть в футбол, в волейбол. Для летчиков спорт - дело необходимое.

И вот идут тренажи в кабинах, кипит работа в спорт-городке. Не с нуля, конечно, начали. До прибытия полка здесь стояла эскадрилья истребителей. Они улетели, а семьи живут пока еще здесь, в трех небольших кирпичных домах. По городку гуляют их ребятишки. Те, что повзрослев, помогают летчикам, сажают деревья, расчищают площадку.

А самолеты летают. И свои полковые бомбардировщики, и истребители, расположенные на соседнем аэродроме. В основном это "Чайки" и И-16, короткие, лобастые самолеты с глухо рокочущими моторами. Изредка появляются "яки" - длинные, сигарообразные. Вот, звеня мотором, один пронесся над самыми крышами городка, стрелой ушел в высоту.

- Кто-то из бывших местных, родных приветствует...- протянул Михеев мечтательно, улыбнулся и позавидовал: - Были бы мы лейтенантами, летали бы в первую очередь.

Обидно Михееву: хотел стать штурманом, а стал стрелком-бомбардиром. Собирался стать лейтенантом, а стал сержантом. Ничего не поделаешь, повлияла международная обстановка, училище пришлось заканчивать по сокращенной программе. Суть одна, все равно летать будешь в качестве штурмана, а положение совершенно иное: сержант - это срочнослужащий. Жить ему надо в казарме, стричься наголо. И зарплата в два раза меньше. И так, пока не пройдут четыре года, срок срочной службы.

Когда прибыли в полк и узнали, что в нем всего семь самолетов, Михеев повторил крылатую фразу: "Командиры летают, а рядовые лишь смотрят да ходят в наряд".

А Владимир смотрит на все это проще. Он мечтал быть военным и стал им. Мечтал научиться летать и научился. Срочная служба? Казарма? Ничего страшного. Полтора года прошло, осталось два с половиной. За это время он станет настоящим, опытным штурманом, воздушным бойцом. К тому времени ему будет только двадцать два года, впереди - целая жизнь, полеты,

работа.

...Подошел капитан Хорошилов. На нем серый летный комбинезон. Через плечо планшет с картой, за поясом перчатки с раструбами, в руке - шлем с очками. Стоит, улыбается, смотрит на работу пилотов и штурманов. Взлохматил вихор одного из крутившихся здесь ребятишек, за плечи обнял другого. Сел на скамейку.

- Товарищ капитан, рассказали бы нам, как воевали, поделились бы опытом, - просит Владимир.

Капитан ответил не сразу. Достал папиросу, покатал между пальцами, чиркнул спичкой.

- Вы это правильно, Константинов, опытом делиться нужно, - Хорошилов затянулся, окутался сизым дымком.- Не просто рассказать, а именно поделиться, чтобы польза была. Но я это сделаю несколько позже, а вначале устрою вам встречу со старшим лейтенантом Курбатовым и лейтенантом Панкратовым. Они тоже воевали на Карельском перешейке, тоже награждены. Но они не летчики, как я, а штурманы. Встреча со штурманами будет для вас полезней, чем с летчиком.

И вот встреча. Панкратов сидит за столом, Курбатов стоит, рассказывает, рисует картину боевых дел экипажа бомбардировщика. Владимир слушает, боясь пропустить слово.

...Экипаж, получив боевое задание, идет к цели. Штурман смотрит на карту, пытается сличить ее с местностью. А местность плотно покрыта снегом. И лишь присмотревшись, можно увидеть озера - огромные белые площади. Можно увидеть и болота. В отличие от озер, они нескончаемы и чуть потемнее - от пожелтевшей травы, тростника, редких кустарников. Штурман смотрит, пытается их различить. Одновременно смотрит на карту. И в этом его беда. Местность надо знать без карты, на память, изучив ее до полета. Уткнувшись в карту, не увидишь, как к тебе подойдет истребитель противника...

- Штурман, где мы находимся? - кричит летчик.- Действительно, где мы находимся? Где наша цель? Какой на нее курс? Сколько туда лететь? У меня сжимается сердце, - вспоминает Курбатов и делает вывод: - Какой бы ни была обстановка, что бы ни делал штурман в полете, он всегда должен знать место своего самолета, в любую минуту выдать курс командиру экипажа. А для этого ориентировку надо вести всегда, даже во время воздушного боя. Ведь потеря ориентировки - это в конечном итоге срыв боевого задания, а то и гибель экипажа.

- На цель надо выходить точно и безошибочно, - наставляет штурман Курбатов.- Чтобы ударить по ней с первого захода. И выходить надо так, чтобы солнце слепило не тебя, не твоего

командира, а вражеских зенитчиков, которые будут стараться сбить твой самолет. Изучение цели, подходов к ней, расположения зенитных средств врага, поражение военного объекта - дело штурмана.

- Разницы здесь нет: в составе одного экипажа штурман совершает полет или в составе группы, он постоянно должен знать место своего самолета и в сохранении ориентировки должен надеяться лишь на себя. Это закон. Представьте, - говорит Панкратов, - флагман подбит. Вам приказали выйти вперед и вести группу, а вы, надеясь на штурмана флагманского самолета, ориентировку и счисление пути не вели, не знаете даже, где находитесь. И подобное однажды случилось. Заблудилось звено СБ. Запас горючего иссякал, и командир принял решение идти на посадку. Выбрали место - лед Ладожского озера. Что может быть лучше, ровнее? Так звеном и пошли. Да только лед оказался неровным...

Чаще других с молодыми штурманами и пилотами бывает заместитель командира эскадрильи по политической части старший политрук Василий Овечкин. Летчик, участник боев на Карельском перешейке, он награжден орденом Красного Знамени. Человек веселый, общительный, обаятельный. Он всегда среди людей: на полетах, в штабе, на спортивной площадке. Добросовестно, с любовью и знанием исполняет свою нелегкую должность комиссара.

Ему действительно нелегко. Командиру проще: приказал - выполняй. А замполит не приказывает, он убеждает, воспитывает людей так, чтобы они с готовностью, с душой выполняли приказ командира.

- Хочу вас спросить, - обращается замполит к молодому пилоту старшему сержанту Цимбалюку, - что для вас может явиться помехой в бою, если вдруг начнется война? Лично для вас.

Цимбалюк - командир экипажа бомбардировщиков, в состав которого входит стрелок-бомбардир Константинов. Вопрос необычный. И хоть задан Цимбалюку, все понимают, что это касается всех. И неспроста: с Германией заключен пакт о ненападении, но немецкие самолеты-разведчики все чаще нарушают наши воздушные границы, летают над нашей территорией. Припоминалось и старое: из уст в уста передаются рассказы советских летчиков, воевавших с фашистами в небе Испании, познавших их волчьи повадки.

Задумался Цимбалюк: что же может явиться помехой в бою, если вдруг начнется война? И вдруг мысль: неподготовленность. Личная неподготовленность к бою.

Может ли он, молодой пилот Николай Цимбалюк, встретить врага во всеоружии? Едва ли. Сколько времени он не летает? Месяц? А летчик должен летать систематически. Только в постоянных тренировках он обретает умение и опыт. Не тренируясь, не летая, он быстро теряет летные навыки.

- Самое страшное, - говорит Цимбалюк, - не знать свое оружие, не уметь применить его против врага, оказаться небоеготовым...

Правильно сказал Цимбалюк. И за себя сказал, и за товарищей. И комиссар его понял. Улыбнулся, спрашивает:

- Жалуетесь?

- Да, - кивает пилот, ободренный улыбкой Овечкина. Понятно ему, для чего комиссар завел такой разговор: предупреждает, настораживает о возможности нападения немцев. И всем это понятно.

- Все будет нормально, друзья, - говорит Овечкин, - на днях начнутся полеты. Завтра получим еще несколько самолетов. Затем и зашел, чтобы порадовать...

"Приятно услышать такое сообщение, но почему, - думает про себя Константинов, - мы получаем по семь, по пять самолетов? Почему же не сразу, не все, что положено?"

Чуткий человек Василий Овечкин, понятливый. Ничего не сказал Константинов, лишь на секунду задумался, но Овечкин заметил и это, поясняет:

- Лучше, конечно, если в полк приходят сразу все самолеты. Распределил их по экипажам, и - летай на здоровье. Но идет перевооружение армии, в том числе авиации. Полки, в которых имеется опытный летный состав, вместо СБ получают пикирующий бомбардировщик Пе-2. Но переучивание на новую технику идет постепенно, сначала самолеты получает одна эскадрилья, затем другая: нельзя выводить из строя сразу весь полк, нельзя подрывать боеготовность. Вот так-то, товарищи!

Теперь многое стало понятно. Жаль только, что стало понятно не сразу, не с первых же дней.

"...Из училища я сообщал, что буду стрелком-бомбардиром, а не штурманом, но по прибытии в часть узнал, что летать все равно буду в качестве штурмана. Очень рад. В бомбардировочной авиации это личность значительная. Летчик есть летчик, командир экипажа, но полет рассчитывает штурман, он же выдает летчику курс самолета, ведет ориентировку, он же производит бомбометание, - пишет Владимир Тамаре. Почувствовав, что хвалится чуть излишне, делает шаг назад: - Правда, все это еще впереди и, наверное, будет не скоро. Летают пока настоящие штурманы, лейтенанты.

Полк у нас очень хороший, имеет боевой опыт. Орденоносцев здесь!.. А заместитель командира полка - Герой Советского Союза. Нам столько всего рассказывают! Особенна замполит эскадрильи. Он тоже летчик, награжден орденом, но рассказывает больше всего о войне с фашистами в небе Испании, о немецких фашистах. Предупреждает нас, настораживает... Имей в виду, обстановка сейчас сложная, особенно близ границы".

22 июня полк подняли по тревоге. Люди бегут к самолетам. В утренней тишине гулко раздается топот сапог. Механики бегут с полной выкладкой: винтовками, скатками, противогазами. Все это хранится при них, в казарме. Летчики и штурманы пока налегке, оружие и снаряжение им привезут из штаба полка.

За последнее время тревоги участились, и люди, прибежав на стоянку, действуют, как и обычно: расчехляют машины, проверяют заправку бензина, масла и воздуха, начинают подвешивать бомбы. Но вдруг поступает команда: самолеты рассредоточить, подготовить к вылету и замаскировать. Это уже что-то новое...

А время идет. Солнце поднимается все выше. Уже теплым ветром осушило росу, разогнало туманную дымку. Когда все было закончено, все подготовлено к вылету, на стоянку пришел капитан Хорошилов, приказал построить людей и объявил:

- Отбоя тревоги не будет. Война. Войска фашистской Германии нарушили нашу границу.

Владимир посмотрел в сторону Шепетовки и увидел самолеты, несколько "Чаек" и И-16. Они летали звеньями на разных высотах. Увидев их еще полчаса назад, он удивился; какие в воскресенье полеты? Тревога - дело обычное, но полеты... В течение этого времени самолеты менялись: одни уходили на посадку, другие взлетали. "Патрулируют, - понял теперь Владимир, - несут боевое дежурство, охраняют Шепетовку".

- Руководящий состав ко мне! - приказал Хорошилов.- Получить боевое задание!..

Из строя вышли командиры и штурманы эскадрилий, их заместители. Хорошилов развернул планшет с уложенной в нем картой...

- Они и будут ходить на задание, - недовольно ворчит Михеев, - помяни мое слово, Володя, нам, сержантам, и во время войны летать не придется.

Но летать в этот день не пришлось никому. С проложенными на картах маршрутами экипажи прождали весь день понапрасну, И второй день, и третий...

А другие полки летали. Мимо аэродрома проходили группы СБ и Су-2. Девятки, шестерки, звенья. Непрерывный моторный

гул, висевший над аэродромом, поднимал настроение, вызывал гордость. "Ох и дадут фашистам!" восхищался Владимир, задирая голову вверх, а потом поутих, призадумался. С боевого задания самолеты возвращались меньшими группами, боевого порядка не соблюдали, шли вразброд, на разных высотах...

Четвертый день войны. Экипажи, выделенные для боевой работы, по-прежнему сидят у машин, дежурят, ждут команды на вылет. Сержанты тоже заняты делом.

Ходят в наряд, в караул, охраняют склады, самолеты. Михеев возмущается. Константинов его успокаивает: каждому, дескать, свое, подойдет время, и они будут летать, и они будут фашистов бить... "Пока оно подойдет, война кончится", - упорствует Михеев.

А война все разгорается. На запад одна за другой идут группы бомбардировщиков. Девятки, шестерки, звенья... Возвращаются иногда одиночно. Вот и сейчас оттуда летит один самолет. Уже видны его очертания. Это СБ. Довернув в сторону аэродрома, летчик строит заход на посадку. Но идет почему-то левее посадочной. Не выпуская шасси, приземлился, тяжело, поднимая облако пыли, прополз на животе и, развернувшись носом к стоянке, замер, упершись в землю загнутыми лопастями винта. К нему понеслась "санитарка", побежали люди. Из кабины выскочил летчик, замахал руками:

- Остановитесь! Бомбы могут взорваться!..

- Теперь уже не взорвутся, - успокоил его Овечкин. Он хотел было отвести летчика в сторону, поговорить, но подошла командирская эмка и увезла экипаж в штаб.

Вскоре выяснилось, что девять СБ летали бомбить фашистский аэродром. В районе цели их обстреляли зенитки, затем атаковали истребители. Их было много. Они сумели расчленить группу, и экипажи, уходя на свою территорию, вели бой в одиночку. На аэродром Судилков летчик вышел случайно...

Пока экипаж находился в штабе полка, техники занимались самолетом. Они подложили под крылья огромные резиновые мешки, накачали их воздухом, и таким образом подняли его. "Почему не выпустил шасси?" - спросил инженер подошедшего летчика. Тот промолчал, только пожал плечами. Ничего не говоря, инженер поднялся в кабину, перевел кран уборки и выпуска в нужное положение, и шасси выпустилось.

- Все нормально, вот только снимем бомбы, выправим винт, и можете лететь восвояси, - как можно спокойнее сказал он пилоту.

Когда самолет улетел, капитан Хорошилов собрал молодых штурманов и пилотов, сказал:

- Вот вам пример неправильных действий экипажа. Отбиваясь от истребителей, летчик и штурман потеряли ориентировку, до

цели не дошли, бомбы не сбросили. Возвращаясь обратно, сели на первый попавшийся аэродром, в спешке забыли выпустить шасси. Нельзя, товарищи, оказавшись в сложной обстановке, теряться, отсюда и все беды...

"Но почему они растерялись? - думает Владимир.- Почему? А потому что непросто, наверное, выдержать, сохранить присутствие духа, когда тебя атакуют, когда по тебе стреляют.- Спросил сам себя: - А я бы выдержал? Я бы не растерялся? - Ответил: - Выдержу. Но к этому надо готовиться".

Курс на восток

27 июня - шестой день войны. Летчики, штурманы и стрелки собрались в столовой - большом кирпичном доме невдалеке от летного поля, "Ниночка, принеси побыстрее", - просит официантку Курбатов. Девушка знает, почему Курбатов торопится - выполняет указание капитана Хорошилова не собираться большими группами, держаться рассредоточенно. Противник бомбил соседние аэродромы: Славуты, Полонная, Староконстантинов. Там погибло немало механиков, летчиков. Нина понимает, поторапливается: "Не беспокойтесь, товарищ старший лейтенант, наш аэродром заговоренный, его не тронут..." И вдруг раздается крик:

- Воздух!

Столовая опустела мгновенно. Выскочив на крыльцо, Владимир услышал гул самолетов. С северо-запада на высоте пятьсот метров подходят две девятки "хейнкелей". Идут в плотном строю. Огромные, неуклюжие. Они будто плывут. Люди бросились врассыпную. Владимир не побежал, растерялся, будто завороженный смотрит на небо.

Бомбардировщики приближаются. Уже виден их камуфляж серовато-желтого цвета, на крыльях чернеют кресты. Кажется, фашисты идут прямо на здание столовой и будто им некуда больше идти, и нет никакого дела до самолетов на стоянках, до аэродрома. Владимир вжался в теплую кирпичную стену, замер. От ведущей машины отделились темные каплеобразные точки, послышался резкий, все нарастающий свист. "Бомбы!" - дошло до сознания.

От взрывов под ногами качнулась земля. Фашисты сделали два захода. После первого, когда они пошли на разворот, Владимир отметил, что из атаки они выходили не вправо, не в сторону своей территории, а в сторону нашей, туда, откуда удобнее сделать новый заход. "Действуют будто на полигоне", зло подумал Владимир, и страх пропал, улетучился, а сердце наполнилось ненавистью: "Сволочи!.."

Конец июня. Вечером, перед самым отбоем, в казарму зашел

Хорошилов, окинул всех взглядом, объявил:

- Пребывание в Судилкове закончилось. Перебазируемся на восток. Куда именно - скажут перед отъездом. Самолеты приказано передать другому полку. Вещи с собой не брать, иметь небольшой чемоданчик.

Кто-то спросил: "Это что, отступление?"

- Пожалуй, что так, - ответил капитан, - но надо смотреть вперед: где-то мы закрепимся, получим новую технику, освоим ее и будем сражаться.

Узин - аэродром под городом Белая Церковь. До него ехали сутки. Прибыли утром. Вернувшись из штаба авиачасти, Хорошилов предупредил:

- Долго здесь не задержимся. Команда на отъезд может поступить в любую минуту. Не разбредайтесь, держитесь поближе к штабу...

3 июля. Все собрались в столовой. Сидят в тишине, следят за часами, глядят на динамик. Ждут выступления товарища Сталина. Наконец в динамике послышался шорох, затем негромкий приглушенный размеренный

голос...

Сталин говорил о вероломном нападении гитлеровской Германии, о реальной угрозе первому в мире социалистическому государству, призвал советский народ к самоотверженной борьбе, стойкости и мужеству в боях с ненавистными захватчиками.

Динамик умолк, и Владимиру показалось, будто он слышит отдаленный грохот орудий. Все еще не верилось в реальность происходящего, думалось, что все это бред, чепуха - и жизненное пространство для "великой Германии", и мировое господство для Гитлера, думалось, что наши войска вот-вот остановятся, сконцентрируют силы и сами пойдут в наступление. И вдруг стало понятно, что сделать это не просто. Военная обстановка требует напряжения всех сил, исключительной четкости и организованности в действиях. Нужно не только собрать силы, но и научить людей воевать, чтобы ударить умело, наверняка.

Вот и им - Константинову, Михееву, Марченко - тоже еще надо учиться. И тому летчику, что второпях садился без шасси в Судилкове. Хоть он и ходил на задание, но воевать, если говорить откровенно, по-настоящему еще не умел. И сколько еще было таких, возвращавшихся с боевого задания по одному, на разных высотах, разными курсами...

Быть или не быть Советскому государству - так поставлен вопрос. Жить или не жить ему, Владимиру Константинову, его родным и близким. Всему народу советскому.

За столом вместе с Михеевым и Константиновым сидит

Василий Овечкин. Он хмур, утомлен и подавлен. Владимир впервые видит его в таком состоянии.

- Сталин сказал: отступая, уничтожайте все, ничего не оставляйте врагу. Это установка партии и правительства, и мы будем ее выполнять, негромко говорит Овечкин.- Но вы только вдумайтесь в смысл сказанного. Уезжая с аэродрома Судилков, мы должны были взорвать наш городок. Рабочие будут взрывать заводы и фабрики, затоплять шахты. Колхозники - сжигать посевы, усадьбы своих колхозов. Свое - своими руками!..

После взлета, не делая традиционного круга, Ли-2 лег на курс и пошел на восток на малой высоте. Владимир прильнул к иллюминатору, наслаждаясь скоростью, ощутимой так остро лишь у земли. Рокочут моторы, самолет подрагивает от восходящих воздушных потоков, под крыло убегают зеленые рощи, желтые нивы, белые украинские деревушки.

"Ух здорово!" - восхищается Михеев и возбужденно толкает Владимира в бок. Но Владимир молчит. Хорошилов, Овечкин, Курбатов тоже молча прильнули к иллюминаторам. Они понимают: не радостная горячность бреющего полета заставляет пилота вести самолет у самой земли. Нет, это маскировка. Пилот знает, что немецким истребителям труднее обнаружить их "Дуглас" на фоне земли, нежели на фоне светлого неба.

Спустя какое-то время, когда фронт остался далеко позади, Ли-2 наконец пошел вверх.

Владимир смотрит на горизонт, далекую белую гряду облаков. Судя по времени, самолет пока еще летит над Украиной. Об этом же говорят и уплывающие назад белые мазанки, пышные сады, пирамидальные тополя. Но Киев уже позади...

Так и кочевали из Узина в Киев, затем - в Липецк. Липецкий аэродром стал центром переучивания на новую технику, центром формирования полков. Все, казалось, складывается так, как должно, как хотелось Владимиру и его товарищам. Полк вскоре должен был получить самолеты Пе-2, освоить их и начать наконец сражаться с фашистами.

Но это только так казалось. Вскоре Хорошилов построил сержантов и сказал: "Извините, товарищи, вы опять не у дел. Летчиков много, а самолетов мало". И пытаясь их обнадежить, стал говорить о том, что это дескать, неплохо, если летчиков много, хуже, когда их не хватает. А самолетов настроят. "Будет и на вашей улице праздник, - подбодрил питомцев капитан, так что голов не вешать и духом не падать!"

"Выходит, самолетов у нас до войны было мало?" - спросит после этого Владимир комиссара Овечкина. "Да, нет, дело не в этом, - ответит ему комиссар, - самолетов было достаточно.

Велики наши потери в первые дни войны, и прежде всего от ударов вражеской авиации по аэродромам".

И вот - снова перелет, теперь уже на ТБ-3, четырехмоторной громадине. Приземлились под Куйбышевом. Изучали Пе-2. Но больше приходилось работать. Везде, где только прикажут: на колхозных полях, железнодорожной станции, элеваторе. А время идет, уже наступил октябрь. Как-то раз, приставив к стенке лопату, Михеев зло зашептал:

- Тебя совесть не мучает?.. А я уже не могу. Люди воюют, Родину защищают, а мы по тылам шастаем, Сколько можно? Давай, Володька, на фронт подаваться.

- А как это сделать? - спрашивает Константинов.

- Очень просто, пристанем к какой-нибудь части.

- Но это же бегство...

- Ты, может, скажешь дезертирство? Ошибаешься, друг, на фронт убегают не дезертиры, а патриоты.

Обстановка, однако, изменилась. На следующий день, после завтрака, прозвучала команда: "Приготовиться к построению!" Команда как команда, обычная. Но вслед за тем разнеслось:

- "Купцы" приехали!

Это уже новость! "Купцов", посланцев авиационных частей, дожидались давно и с нетерпением. Вот и первый из них. Невысокого роста, в черном видавшем виды летном реглане, на петлицах три малиновых "кубика". Через плечо на длинном желтом ремне - маузер. На голове черная каракулевая кубанка, нависшая над левой бровью. Быстрым наметанным взглядом окинул казарму, сержантов, замерших в ожидании и надежде на своих местах, приказал:

- Старшина, построить людей!

Постоял перед строем, внимательно глядя на стоящих перед ним авиаторов, и объявил:

- Согласно распоряжению штаба ВВС Московского военного округа десять штурманов поедут со мной для подготовки на фронт.

Константинов, Михеев, Рудин и Марченко оказались в числе десятки счастливчиков.

Они ехали долго. Сутками просиживали на промежуточных станциях. Везде надо было ждать поезда, везде с боем пробиваться в вагоны. "Купцом" оказался штурман Слепов. Он был волевым военачальником, предприимчивым человеком, умеющим применяться к обстоятельствам. Каждый из штурманов скомплектованной им группы имел теперь свою конкретную задачу, знал, за что отвечает. Один за доставку кипятка, другой за снабжение продуктами, третий за сохранность личных вещей...

Стучат колеса на стыках. Мимо окон вагонов проплывают голые рощи, заснеженные поля, осиротевшие без мужиков деревеньки. Слепов, сидя напротив Константинова, философствует:

- Курс у нас верный, на фронт. Чувствую, сделают из нас особую группу. В чем будет заключаться эта ее особость, сказать пока не могу, но чувствую, что так будет.

Постукивают на стыках колеса. Владимир смотрит в окно, думает о матери, младшей сестренке Августе, о Тамаре. Что с ней, где она? До войны Тамара жила в Батайске, ей хотелось быть рядом с мужем, Василием. Да и он того же хотел. Поэтому и позвал ее. "Вот что значит любовь, - думает, улыбаясь, Владимир, - ни на шаг друг от друга".

В одном из писем Тамара сообщала, что она поступила на курсы медицинских сестер. "Чтобы времени не терять..." Но Владимиру ясно, что дело вовсе не в этом. Василий так решил. Решил, что жене летчика лучше быть медсестрой, а не летчиком. А может, он прав? Где она будет летать, если его место службы - полк, а ее - аэроклуб? Аэродромы же разные. И, как правило, на большом удалении один от другого.

Последнюю весточку о Тамаре Владимир получил уже из Калинина, от матери. Она сообщала, что Василий, досрочно, в первые дни войны, окончив авиашколу, откомандирован под Ленинград. А Тамара пока еще учится. После окончания курсов ее куда-то назначат...

Письмо из родного дома долго искало своего адресата. За это время учебу Тамара, конечно, закончила и куда-то назначена. Но куда? Может, на фронт? Владимир закрыл глаза и ясно представил себе задымленный, избитый участок земли и на нем Тамару. Тяжело, медленно ползет она от воронки к воронке и тянет за собой раненого. Владимир открыл глаза, и видение исчезло. Нет, не может этого быть, чтобы пилота, инструктора послали в наземные части. Где-то она летает. Но где? Мать сообщила, что Калининский аэроклубный аэродром опустел, самолетов У-2 почему-то не видно...

Легкие ночные бомбардировщики

Тыловой городок в Чувашии. Небольшой, тихий, но и здесь чувствуется война. Чтобы убедиться в этом, достаточно увидеть станцию, забитую эшелонами, воинскими командами. И над всем этим стоит неумолчный, нестихающий гул голосов, который заглушается лишь паровозными гудками и грохотом проходящих составов.

Учебно-тренировочный авиаполк (УТАП) расположен на окраине города. Это шесть длинных бараков, обнесенных

деревянным забором. Все рядом - и штаб, и учебные классы, и казармы. Здесь живет постоянный состав полка и переменный - летчики и штурманы, техники, приезжающие сюда для переучивания. В тридцати минутах езды от города - аэродром. Но кроме двукрылых тихоходных У-2, летавших невдалеке от города, Владимир пока ничего "более существенного" не увидел.

На второй или третий день в казарму зашел авиатор в черном летном реглане, в белых, с большими отворотами, бурках. Летчик, конечно, но петлиц на реглане не видно, они под меховым воротником, на гимнастерке тоже не видно - закрыты воротом свитера. Завел разговор: где учились, откуда прибыли, всем ли довольны. Вежлив, приятен в разговоре, обходителен. Сержанты обступили его, незаметно для себя обо всем рассказали, на беды свои пожаловались. Тот лишь улыбался.

- Значит, летать хотите, воевать? Ну что ж, стремление, как говорится, законное. А что, если вам предложат летать и воевать на У-2?

Кто-то усмехнулся. Кто-то подосадовал. В училище летали на Р-5, СБ, даже на ТБ-3, четырехмоторной громадине. Бомбили, стреляли, выполняли маршрутные полеты.

Потом изучали Пе-2, новейший пикирующий бомбардировщик, и вдруг предлагают У-2, легкомоторный тихоходный самолетик...

Летчик в реглане молчит, улыбается: давайте, дескать, ребятки, выступайте, возмущайтесь, но я ведь еще не кончил, я ведь только предложил, но ничего еще не рассказал.

- Как же на них воевать? - недоумевает Владимир.- Что на них можно делать? Да и скорость у них... Сто километров, разве это скорость? Не самолет, а летающая мишень.

- Вот это уже разговор, - летчик больше не улыбается.- Это уже вопрос: как на них воевать? Представьте, уже воюют, и довольно успешно. Используют У-2 как разведчик и легкий ночной бомбардировщик. Конечно, У-2 не сравнишь с пикировщиком, который вы изучали, но ведь пикировщика здесь нет, и никто его вам не предлагает, а У-2 - пожалуйста. Согласен, применение учебного самолета в качестве боевого не лучший выход из положения, мера, как говорится, вынужденная, но что делать, таковы обстоятельства, с ними надо мириться. И надо смотреть глубже: все средства хороши, если их можно направить против врага...

Летчик достал записную книжку, авторучку, спросил:

- Так что, решили? Будем летать на У-2?

- Будем, - сказал Константинов и попросил записать его фамилию. За ним - Михеев, Рудин, Марченко...

На следующий день их вызвали в штаб учебно-тренировочного полка. По небольшой комнате неспешно расхаживал среднего роста, плотный, грузноватый майор с темным, будто обожженным, лицом. Когда сержанты вошли, он остановился, окинул их внимательным и доброжелательным взглядом. "Командир 709-го полка, - представил его начальник штаба, - майор Хороших Михаил Гаврилович". Здесь же сидел вчерашний военный, только теперь он был без реглана и свитера. На петлицах гимнастерки поблескивали по две темно-вишневых "шпалы", на рукаве алела звезда политработника, "Комиссар 709-го полка батальонный комиссар Бурмистров Константин Федорович", представил и его начальник штаба.

- Предлагаю вам служить в полку легких ночных бомбардировщиков, сказал, обращаясь к сержантам, майор. Видно, он привык говорить только о деле, по существу.- До конца декабря занятия в классах, затем будем летать. Полеты по кругу, в зону. Потом полетим на фронт. Согласны?

Они молчат, не верят своим ушам. Им предлагают служить в полку, следовательно, у них будет свой, родной коллектив, своя боевая семья. Им предлагают летать, значит, они восстановят свой штурманский уровень, снова почувствуют себя нужными людьми. Им предлагают воевать, значит, встанут они в общий армейский строй, в строй борьбы всего советского народа против фашистской Германии. Они молчат, недоверчиво улыбаясь.

- Да согласны они! - говорит комиссар.- Вчера же еще договорились...

Утром, прямо в казарме, майор Хороших построил свой новый полк. Личный состав в нем - москвичи, летчики и техники Октябрьского аэроклуба. Штурманы пришли из запаса, давно не летавшие, давно потерявшие свои навыки; некоторые успели пройти краткосрочные курсы, но только теоретические. Здесь, в процессе полетов, обретут опыт, мастерство. Есть штурманы и из частей фронтовой авиации, вроде Слепова, пришедшие в полк для усиления. В сравнении с "запасными" сержанты Константинов, Михеев и их товарищи, окончившие училище в этом году, - настоящие мастера своего дела. Старший лейтенант Слепов, назначенный штурманом эскадрильи, не шутя называет их корифеями, своей опорой в обучении штурманов, пришедших из запаса.

В самом деле, обучаясь на стрелка-бомбардира, Константинов водил самолет по маршруту. Изучил теорию бомбометания с горизонтального полета и с пикирования применительно к самолету Пе-2. Изучил бомбо-стрелковое вооружение. Умеет работать с прицелом и другими приборами. Выполнил пятнадцать

бомбометаний с самолета Р-5 бомбами-болванками, снабженными дымовыми патронами, которые при ударе о землю взрываются. Видя дымный вулканчик в середине зачетного круга, Владимир всегда испытывал радостное чувство. А главное, он получил хороший опыт в самолетовождении, и это теперь ему пригодится. Ведь каждый полет на полигон сочетался с маршрутным полетом. Кроме того, были полеты на отработку визуальной ориентировки, полеты с выходом на цель в заданное время. Их было много - большая часть учебной программы.

Первую эскадрилью возглавил старший лейтенант Николай Бекаревич. Ему далеко за тридцать. Полный, выше среднего роста. В аэроклубе был командиром отряда. Командиром звена, в состав которого вошел сержант Константинов, назначен младший лейтенант Иван Ломовцев, бывший командир звена в аэроклубе. Штурманом звена - лейтенант Косарев, призванный из запаса. Командирами экипажей - сержант Жуков и старший сержант Ананьев, бывшие инструкторы аэроклуба. Штурманами на самолеты их звена - сержант Константинов и "запасник" лейтенант Голованов.

Перед строем - штурман полка капитан Александр Максимович Морковкин. Статный, подтянутый, в хорошо подогнанном обмундировании. Смуглость шеи подчеркивает белоснежный подворотничок. Белокурые гладкие волосы зачесаны набок. Говорит четким, хорошо поставленным голосом преподавателя, методиста:

- Заниматься будем по десять часов в день. Изучаем самолетовождение применительно к самолету У-2, район аэродрома в радиусе трехсот километров, авиационную метеорологию, тактику Военно-Воздушных Сил, бомбометание, наставления по штурманской службе и производству полетов, материальную часть самолета У-2, мотора М-11, вооружение....

Идут занятия в группе штурманов. Проводит их капитан Морковкин. Он строг, и прежде всего к себе. Занятия начинает минута в минуту. Заканчивает их так же пунктуально. Услышав звонок, может прервать себя, не закончив фразы. Но после перерыва с нее и начнет. Для проверки внимательности штурманов обязательно спросит:

- Итак, товарищи штурманы, на чем я остановился? Ответит товарищ...Окинув взглядом сидящих, Морковкин обязательно назовет того, кому одновременно надо сделать и замечание. Указывая пальцем, скажет: - Вот вы, сержант, в неглаженой гимнастерке.

Такой вопрос он задал в первый же день, на первом же занятии. Но разве мог кто-нибудь, еще на зная Морковкина,

запомнить, на чем он остановился. Не мог, конечно. Подняв одного за другим трех штурманов, смерив критическим взглядом их помятое обмундирование, недовольно произнес:

- М...м...мудрецы!..

Мудрецами он будет называть всех слабоуспевающих, как на земле, так и в воздухе, независимо от их воинских званий. Бывало, что даже начальников из дивизии, присылающих в полк недостаточно понятные ему, Морковкину, распоряжения.

- Прошу запомнить, - говорит Морковкин, - что штурманское дело - это прежде всего точность, четкость и ясность. Без этого нет штурмана. Четкость, точность, ясность должны проявляться в характере штурмана, в его повседневной жизни, в работе. Запомните, не летчик ведет самолет, а штурман, летчик только его пилотирует. И бомбит тоже штурман.

Бывший преподаватель авиашколы, прекрасный методист, капитан Морковкин учит штурманов подготовке полетной карты, прокладке и расчету маршрута, порядку изучения района полетов, района цели, по которой надо нанести бомбовый удар. "Запомните, - говорит капитан, - это не просто, закрыть глаза и мысленно представить себе район в радиусе трехсот километров со всеми его площадными и линейными ориентирами, их конфигурацией, их особенностями. Представить, а потом изобразить это все на листе бумаги. Это, скажу вам, искусство, и этому надо учиться".

Штурман полка Морковкин - теоретик. А вот штурман эскадрильи Слепов практик. Он уже успел повоевать, в упор видел фашистов. Познал и горечь боевых неудач - потерь, отступления. Было не раз: прилетал бомбить мотоколонну на шоссе в районе одного населенного пункта, а находил ее уже в районе другого, восточное. Направление дороги уже было иное. Направление ветра относительно этой дороги тоже не то. Следовательно, и заход на бомбометание тоже должен быть иным. Предыдущие расчеты, как говорится, насмарку. Нужны новые. Но попробуй их подготовить, если рядом рвутся снаряды зениток. И Слепов научился бомбить на глазок. Теперь делится опытом.

- Предварительные расчеты на бомбометание надо уточнять исходя из обстоятельств, - поучает Слепов.- Поэтому, идя к цели, всегда смотрите, не изменился ли ветер. Его направление можно определить по дымам от пожаров, костров, из печных труб над деревнями...

Поговорив об обычных, тренировочных полетах, Слепов снова переходит к фронтовым. Рассказывает, спрашивает.

- Осколок снаряда разбил вам компас, а вы над целью, за

линией фронта. Ночь. Как возьмете курс на свою территорию?

Поставив вводную, Слепов какое-то время молчит, дает возможность подумать, вникнуть в ситуацию. Он мог бы вначале назвать фамилию штурмана, которому надо будет ответить на этот вопрос, но он не называет, причем преднамеренно: чтобы над вводной думали все, а не кто-то один. Проходит несколько секунд, и Слепов называет фамилию:

- Лейтенант Косарев...

- Курс на свою территорию беру по луне, а если ночь безлунная, то по Полярной звезде, - отвечает Косарев.- Для этого, идя по маршруту к цели, я должен постоянно знать положение луны относительно моего самолета.

- Правильно, - подтверждает Слепов.- А если ночь пасмурная, темная и нет ни луны, ни звезд? На этот вопрос ответит сержант Константинов.

- Вы говорили уже, что линия фронта, как место соприкосновения войск характерна пожарами, вспышками огня артиллерии, огнями сигнальных ракет с нашей стороны и со стороны противника. Если видимость хорошая и линия фронта заметна, то на нее и надо разворачиваться и идти под углом девяносто...

- А вдруг не видно? - усложняет задачу Слепов.- В самом начале войны, когда враг наступал, а мы отходили, настоящей, четко видимой линии фронта, можно сказать, и не было. Как же вы возьмете курс на свою территорию?

- Спрошу, может быть, цел компас в кабине летчика, да кроме того, у меня есть наручный компас, - улыбаясь, отвечает Владимир.

- Хвалю! - восторгается Слепов. Подмигнув, смеется:- Ты, брат, меня перещеголял. Ключ от вагонных замков вещь неплохая, но компас, конечно, нужнее. У кого еще есть компасы? Ни у кого? Жаль. Попрошу начальника штаба, чтобы он заказал для всех. Перед тем как лететь на фронт, раздадим.

Декабрь. Полк приступил к полетам, Работа не прекращается и ночью. Экипажи летают по кругу и в зону, ходят по маршруту, отрабатывают полеты строем.

Трудно летать зимой. Все вокруг бело и туманно, не за что зацепиться глазом. Полевые дороги занесены снегом. Единственный надежный ориентир железная дорога, секущая район полетов под углом сорок пять градусов.

Боевые самолеты еще до войны начали оснащаться радиостанциями. Сначала для связи с землей, а потом и между собой в полете. Но еще важнее этого использование бомбардировщиками приводных радиостанций. В любую погоду

вне видимости земли можно выйти на свой аэродром. Полет же без связи с землей теперь просто немыслим. Даже учебный. Таково требование времени.

На У-2 нет ничего. Ни радиостанции, ни аппаратуры для выхода на свою точку. Не предусмотрено. Есть лишь переговорное устройство для внутренней связи между летчиком и штурманом. Устройство простейшее. Два резиновых шланга, укрепленных на борту самолета. Вот и все. С такой "аппаратурой" в плохую погоду заблудиться - дважды два. И уж никто тебе не поможет, никто не подскажет.

Но У-2 тоже имеет свои преимущества, и прежде всего легкокрылость, позволяющую работать с малых площадок. Малый расход горючего позволяет держаться в воздухе почти пять часов! И еще - лыжи. В зимнее время их устанавливают вместо колес. Имея лыжи, экипажу не надо беспокоиться о запасном аэродроме на случай вынужденной посадки. Для этого подойдет любая площадка - поле, лужок, опушка леса. Потерял ориентировку - садись у любой деревни, спрашивай, как она называется, сличай это место с картой и считай, что ориентировка восстановлена. Этим преимущества, наверное, и кончаются. А дальше...

Морозы мешают работать на технике, руки прилипают к металлу. Застывшие за ночь моторы не запускаются, требуют подогрева. Но не горячей водой, а воздухом. Его согревают в специальных печах. От печи отходят три-четыре трубы-рукава. Длина их - несколько метров. Самолеты устанавливают вокруг печи, к нижней части моторов прикрепляют трубы с горячим воздухом. К каждому по одной. Чтобы воздух не расходовался понапрасну, моторы закрывают чехлами. Дело это капризное и хлопотливое.

На осмотр самолетов перед полетами, на расстановку их вокруг печи, на подогрев, запуск и пробу моторов уходит около трех часов. Техники и механики, а за ними и летчики прибывают к самолетам до рассвета. В конце рабочего дня, после десяти часов напряженного труда, люди валятся с ног от усталости. Слепов никого не успокаивает, говорит, что на фронте будет еще труднее. Возможны обстрелы вражеской артиллерии, бомбежки.

Морозы мешают и в полете. Чтобы не обморозиться на воздушном потоке в открытой кабине У-2, летчики надевают маски. Кожаные, на кротовом меху, с разрезами для глаз и рта. Маски мешают смотреть, до предела сокращают обзор, особенно при надетых очках. Но иначе летать невозможно.

Морозы мешают и на земле - при посадке, рулении, перед взлетом. Попробуй, закончив пробег после посадки, остановиться на пару минут. Лыжи примерзнут к снегу немедленно. То же во

время руления. Что в таких случаях делает летчик? Кричит штурману: "Давай качни!" Штурман вылезает из кабины, взявшись за крыло, начинает раскачивать самолет, помогает ему стронуться с места. В кабину прыгает уже на ходу.

Самолетов не хватает, и полеты идут не в составе полка, а поэскадрильно и только по графику. Эскадрилье надо летать, а погоды нет, время, значит, упущено. Теряется время и в процессе полетов. Причина неустойчивость ветра. То с юга подует, то с севера. А так как самолеты садятся и взлетают только против ветра, то хочешь не хочешь, а старт надо менять. На это уходит двадцать - тридцать минут, и так два-три раза в течение летного дня, ночи.

Но время работает на нас. Наши войска, перейдя под Москвой в контрнаступление, освободили Московскую и Тульскую области, часть Калининской и Смоленской. Освобожден и Калинин, родной город Константиновых. Не надеясь получить ответ, Владимир написал матери. Но ответ пришел: дома все живы. Возобновив переписку с матерью, брат и сестра наконец отыскали друг друга. Владимир написал Тамаре, рассказал о себе. И вот получил ответ.

Фронтовой треугольничек... Развернешь - обычный листок бумаги. На одной стороне - текст, на другой - адреса. Судя по всему, Тамара пока еще не на фронте. Где находится часть - неизвестно. Место базирования зачеркнуто. Многое зачеркнуто, но главное можно понять. Василий на фронте, сражается за Ленинград. Тамара гордится им. Рада и за него, Владимира, что он снова летает, готовится к фронту. А она не летает. Она даже не служит, а просто работает. "Обидно, - пишет Тамара, - летчица, учившая летать других, и вдруг оказалась в наземном эшелоне в качестве медсестры".

"Война требует честного выполнения долга, - пишет она далее, - и я честно тружусь: слежу за здоровьем летчиков, лечу механиков, техников. Но мечтаю быть летчиком. Не знаю, как это может случиться, но сплю и вижу: я снова на самолете. Переучиться бы мне на истребитель и летать вместе с Василием. Понимаю, что это очень трудно, но кто его знает... А вдруг".

Этот абзац не вычеркнут, оставлен дословно. "Не поднялась рука у цензора, - думает Владимир.- А впрочем... Чего здесь зачеркивать? Нечего. Секретов здесь нет. Мечтает попасть на фронт? Так об этом мечтает каждый. И я тоже, и все мои товарищи, вся молодежь. Только каждый по-разному хочет на фронт попасть: один на самолете, другой на танке, а третий в составе взвода пехоты".

Владимир достал из планшета листочек бумаги и написал:

"Дорогая сестрица! Правильно делаешь, что решила снова летать. Добивайся! А как, тебе виднее. Помни нашу довоенную песню:

Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет".

Закалка характеров

В авиации заведено: с кем летают, с тем и дружат. Если летают на истребителях в паре, так парой и дружат - ведущий с ведомым. На У-2 - тоже парой - летчик со штурманом. И это естественно, от их дружбы, взаимопонимания зависит успех боевого полета, зависит жизнь.

Пока Константинов и Жуков не входили в один экипаж, они, хотя и жили в одной казарме, друг друга не знали. Виделись, только и всего. Теперь же все по-иному. "Мой летчик", - думает Константинов, видя сержанта Жукова. Ему нравится простое открытое лицо Алексея, темные, откинутые назад короткие волосы, легкая походка, чуть глуховатый голос. Они одногодки, обоим по двадцать. И это по душе Константинову: летчик не будет смотреть на него как на мальчишку.

Несколько позже Владимир узнает о том, что Жуков не сразу стал летчиком, на летное отделение его почему-то не приняли. Аэроклуб он окончил механиком, работал техником самолета, тогда и переучился на летчика. Уже будучи инструктором, он допустил однажды ошибку во время посадки и поломал самолет. Это была большая душевная травма, урок на всю жизнь. Алексей стал до жестокости требователен к себе в отношении летного мастерства. И это тоже импонировало Константинову: каждый штурман мечтает летать с хорошим, надежным летчиком.

Они сразу стали на "ты". Но Владимир не забывает, что летчик командир экипажа, он, штурман, - его подчиненный, и идти напролом к сближению, к дружбе считает недопустимым, да и ненужным. Дружбу надо завоевать делом. Делом, это значит полетами. "Вот когда начнутся полеты, тогда командир меня и оценит", - думал Владимир, когда они еще не летали, занимались теорией. Командир тоже думал о штурмане, только иначе. И даже поделился однажды с одним из товарищей-летчиков: "Никак его не пойму... Или действительно очень серьезен - даже не улыбнется! - или ему не до улыбок, не уверен в себе, боится предстоящих полетов".

И вот пришло время их совместных полетов. По-иному теперь смотрит на штурмана Жуков: к полету готовится тщательно, летает уверенно, ориентировку ведет безошибочно. А штурман, как бы ненароком, вдруг спрашивает:

- Представь, Алеша, летим по маршруту, а у меня вдруг

вырвало карту...

- Как это вырвало? - удивляется летчик.

- А так, ветром. А впереди еще один поворотный пункт и только после него - курс на свою точку. Что будешь делать?

- Накажу тебя, взыскание наложу, - смеется Жуков, разгадав замысел Константинова.

- Согласен, накажешь, но только после посадки. А условно мы пока еще в воздухе, и у меня вырвало карту. Что будешь делать? - не унимается Владимир.

За последнее время летчик Жуков, уверовав в штурмана, перестал прокладывать маршрут на своей карте. Перестал следить за ориентировкой в полете, механически летает по курсам, заданным штурманом, механически вводит поправки в скорость. Только иногда спросит: "Наше место? Далеко ли до поворотного? Сколько находимся в воздухе?"

"Разбаловался. Ох и разбаловался! - подумал однажды Константинов о своем командире. -И чем это кончится? Привыкнув летать по подсказкам в тылу, так же будет летать и на фронте. А это недопустимо. Но как об этом сказать, как упрекнуть? Еще, чего доброго, обидится: не указывай, дескать, начальству. И не возразишь. А отношения испортишь". Так думал Владимир. Может, и правильно думал. А дни шли, совместные полеты все больше и больше сближали пилота и штурмана. "Мы уже друзья, - решил наконец Константинов, а другу можно сказать все, что думаешь, если это нужно для дела". И вот этот разговор.

- Так что будешь делать? - повторяет Владимир.

И Алексей уступает: "Ладно, буду маршрут прокладывать, буду его изучать. Только не ворчи".

Это уже хорошо. Но Владимир старается довести дело до конца.

- Отныне будет так: изучаем маршрут вместе. Путевые углы, расчетное время, поправки на боковые уклонения - все на память. Ты проверяешь меня, я проверяю тебя. Характерные ориентиры тоже на память. И называть, и вычерчивать, понял, Алеша, каждый ориентир чертить на листе бумаги. Схему. Чтобы лучше запомнить. Курс на аэродром знать с любой точки маршрута. Приблизительно. Спрашивать буду в воздухе...

- Ладно, ладно, только не ворчи.

Идут ночные полеты. Самолеты рулят, взлетают, садятся, экипажи ходят в пилотажные зоны, выполняют маршрутные полеты. Хорошо, если бы каждому свой самолет. Тогда летай хоть всю ночь. Но самолетов мало, на один четыре-пять экипажей. И каждый, уйдя в полет, старается прихватить хотя бы пять - десять

лишних минут. Командир полка на это не сердится, понимает: для летчика, штурмана дорога каждая минута полета.

- Леша, сходи на стартовый командный пункт, - просит Константинов летчика Жукова, - узнай, за кем мы должны лететь.

- Какая разница, за кем, - упирается Жуков, - мы знаем номер самолета и отведенное нам время...

- Иди, Леша, узнай, - настаивает Владимир.- Если знаешь, за кем летишь, легче следить за очередью. Я бы сходил, но комэск прогонит меня, спроси, скажет, у своего летчика. А тебя не прогонит, ты - командир экипажа. Иди, Леша. А то как вчера получится, тридцать минут на морозе торчали, самолет дожидались.

- Иду, иду. Не ворчи...

Жуков и Константинов идут к самолету.

- Видишь, Леша, как хорошо получается. Экипаж прилетел, нас предупредил, минута - и мы уже у машины. Двадцать минут сэкономили, поговорили, подумали.

- Вижу. Ты всегда прав.

Алексей улыбается. Владимир не видит улыбку, он слышит ее по голосу друга. И чувствует, что "всегда прав" сказано хоть и с улыбкой, но вполне серьезно, и ему это приятно..

- Леша, что надо делать летчику, если он при заходе на цель попал под огонь зениток? - спросил Владимир, когда они, сидя в тепляке, поджидали свою машину.

- Маневрировать надо.

- А что надо делать сейчас, чтобы лучше маневрировать там, на фронте?

- Надо энергичнее пилотировать в зоне. Но ночью пилотаж ограничен.

Действительно, что они делают в зоне? Выполняют мелкие виражи, планирование с малыми углами, выход на заданный курс. Единственной настоящей фигурой можно назвать боевой разворот, но разве по-боевому он выполняется, если допустимый крен всего тридцать градусов? Глубокие виражи, петли, перевороты просто не входят в программу обучения.

- Жаль, Алеша.

- Мне тоже, - сказал Алексей. Он помолчал, подумал и твердо решил: Попрошу командира полка... Мы же воевать готовимся.

Командир полка разрешил, и вот они в воздухе. Набирая высоту, прошли по большому кругу, прибыли в зону, на северную окраину города. "Начинаем!" Поставив в известность штурмана, летчик кладет машину в левый вираж. Рокочет мотор. Выхлопные огни из патрубков мельтешат перед глазами, синими искрами мечутся по плоскостям, серебрят стальные ленты-расчалки.

Вираж выполнен.

Теперь вираж в обратную сторону - вправо. Огни наверху - звездное небо. Огни внизу, под крылом, - незатемненный город. А вокруг чернота такая темная ночь. Выхлопные огни ослепляют, мешают смотреть.

Выполнив виражи, летчик увеличил обороты мотора, на снижении разогнал скорость, плавным боевым разворотом снова полез в высоту. Опять снижение, опять набор высоты боевым разворотом. Остались еще два маневра - выход на курс сто сорок и двести семьдесят

... И вдруг:

- Петельнем, Володя?

Нет, разговоры о подготовке к боям не прошли мимо сознания Жукова, он решил пилотировать по-настоящему. Но сам он, бывший летчик-инструктор, привычен к сложному пилотажу, а каково Владимиру? Он же летел в основном на бомбардировщиках, тяжелых непилотажных машинах, и только здесь, в запасном полку, стал привыкать к боевым разворотам, другим энергичным маневрам. Но надо - значит надо.

- Давай, Алеша! - крикнул Владимир и крепко вцепился в боковины сиденья. Знал, что в верхней точке петли перегрузка ослабнет, что его оторвет от холодного жесткого кресла, что какое-то время он будет висеть на ремнях вниз головой...

Потом они выполняли штопор. Вращаясь, самолет снижался на город, Владимира мотало по кабине, прижимало то к одному, то к другому борту. Он терпеливо молчал. Знал: имитируя падение штопором, летчики-фронтовики уходили из-под огня зениток противника, вырывались из цепких лучей прожекторов.

Как это здорово, когда научишься читать карту, сличать ее с местностью, над которой летишь по маршруту. Какое получаешь удовлетворение, когда, выскочив из-за леса, увидишь ожидаемый ориентир: деревню в изгибе речушки, мост через нее, купол церквушки. По условным знакам на карте Владимир заранее знает, что овраг за церквушкой, над которым он полетит, с севера круче, а с юга положе, а за оврагом начнется болото.

Освоив это искусство, он приобщает к нему и летчика Жукова. "Леша, видишь тригонометрический пункт? На бугре, за деревней, видишь?"

- Вижу!

- Хорошо. Теперь ищи его на карте. Нашел? Хорошо. А куда ведет эта дорога, что проходит южнее этого пункта? Правильно, в деревню, но ее не видно за лесом. А чем характерна эта деревня?

- В ней церковь.

- Правильно. Набери высоту, Леша. Как зачем? Чтобы увидеть

деревню. Убедиться же надо.

Самолет поднимается. Триста метров. Четыреста. Пятьсот. Вдали, в сине-оранжевой дымке, высится церковь. "Точно, Володя! До чего же все точно, - восторгается Жуков.- Предлагаю, Володя, ты меня делаешь штурманом, я тебя - летчиком".

- Согласен, Алеша. Может, и пригодится. Мало ли что случится на фронте...

После посадки Владимир говорит Алексею:

- Уговор дороже денег. В следующий летный день к маршруту готовимся так, чтобы можно было лететь без карт. На память. Карты, конечно, возьмем, но смотреть в них не будем. От взлета до посадки.

Договориться нетрудно, а вот выполнить... Жуков и Константинов летят по маршруту. Высота сто метров. С малой высоты и так обзор ограничен, а тут вдобавок снегопад. Негустой, неплотный, но видеть мешает. Летчик забеспокоился. То вперед посмотрит, то в стороны, то вниз. А что с такой высоты можно увидеть? Ничего. Снег только да верхушки деревьев. А штурман уверен в себе, спокойно смотрит вперед. Там, невдалеке друг от друга, лежат три деревушки. Одна из них - поворотный пункт маршрута.

- Летим, летим, а поворотного пункта почему-то не видим? - спрашивает Жуков.- Где он, Володя?

- Впереди, - отвечает Владимир.- Одна из трех деревушек.

- Из каких еще трех? Я вижу только одну...- В голосе нотки нетерпения, просьбы: - Посмотри, Володя, на карту.

Нагнувшись, штурман сличает карту с местностью. Ему очень мешает маска. Не только смотреть, даже дышать. Владимир срывает ее. Мороз обжигает лицо.

- Ты отморозил щеку! - кричит Жуков, повернувшись к задней кабине.

- Ерунда! - отмахивается штурман. - Успокойся, поворотный пункт впереди, летим точно.

Но летчик уже не слышит его. Убрав обороты мотора, он идет на посадку. Впереди и немного левее - стог сена. Рядом подводы, люди. Туда и планирует Жуков. Потеряв ориентировку, он решил восстановить ее опросом местных жителей. Способом, который предусмотрен наставлением по штурманской службе. Но это крайний способ, как говорят, на худой конец. Ибо связан с вынужденной посадкой. А за нее не похвалят. Вынужденная посадка из-за потери ориентировки - позор для экипажа, и прежде всего для штурмана. И хуже всего, что летчик принял решение сам. Даже не посоветовался, не предупредил. А он обязан был это сделать. По закону. По наставлению.

Пробег закончился около стога...
- Чего ты сел? - закипает от гнева Владимир.

- Надо же тебе щеку оттереть... Заодно спросим, какая это деревня.

- Я же тебе сказал. Зачем спрашивать?

- Для надежности.

Люди обступили машину. На вопрос Жукова: "Какая это деревня?" сказали, что здесь не одна, а три. Ближняя к лугу - Колосово. То, что и говорил Константинов. Пряча глаза, Жуков шагнул на плоскость, снял с руки меховую крагу, оставил шерстяную, наклонился к Владимиру.

- Не ворчи... Я сейчас разотру...

Обида подступила к горлу, обожгла глаза. Владимир отвел от лица руку летчика.

- Не доверяешь... Уйди.- И добавил: - Не теряй времени.

Жуков правильно понял последнюю фразу. Надо срочно взлетать. Надо, чтобы об этой позорной для экипажа посадке не узнали товарищи и командиры. Сзади, с пятиминутным интервалом, идет другой экипаж, он будет здесь через три минуты, надо взлететь до этого. И Жуков взлетел.

"Скрыть, не доложить о вынужденной посадке - плохой, недостойный комсомольцев поступок, - думал Владимир.- Но лучше пережить его внутренне, чем выносить на суд товарищей, говорить о вине летчика, не доверившего в сложной обстановке своему штурману. Как бы там ни было, но все-таки лучше, если отношения останутся прежними, хорошими. Тем более, что посадка для восстановления ориентировки разрешается наставлением. Главное - им вместе воевать. А разве можно воевать, вместе летать на боевые задания, если отношения испорчены, если между ними пробежала черная кошка? Можно, конечно, долг есть долг, но все-таки лучше, если и долг, и дружба". Так, колеблясь, терзаясь, думал Владимир.

- Что будем делать? - спросил Алексей после посадки.

"Будешь ли докладывать?" - прочитал в этом вопросе Владимир. Ответил:

- Я? Ничего. А ты?

- Верить тебе всецело...

И действительно верил и доверял. А с Бушуевым, другом своим, летчиком второй эскадрильи, поделился: "Сильный Володька штурман, настоящий". И рассказал ему о посадке. А Бушуев через год - Константинову. После гибели Жукова они стали летать в одном экипаже.

Летчик батальонный комиссар Бурмистров и штурман младший лейтенант Сергей Сорокин потерпели аварию. Днем маршруты большие, расчетное время два, два с половиной часа. На удалении пятидесяти километров от аэродрома погода начала

ухудшаться. Понизилась облачность, пошел снег. Самолет все больше и больше прижимало к земле. Кругом белая мгла, и земля тоже белая. Идя над полем, не заметили, как потеряли высоту и врезались в бугор.

Штурман очнулся в снегу, при ударе его выбросило из самолета. Очень сильно ушибся. С летчиком этого не случилось, он был крепко затянут привязными ремнями. Они помогли друг другу, затем отдохнули, после чего осмотрели свой самолет. "Ремонту не подлежит", - сказал комиссар, и Сергей пошел в деревню, надеясь найти телефон и сообщить в полк о случившемся.

Бурмистров оказался в очень тяжелом положении: комиссар, старый летчик, и вдруг разбил самолет. Как людям в глаза смотреть? Командиру полка, подчиненным. Никто ничего не скажет, но каждый подумает: ну и комиссар! Он нашел в себе силы, пришел на стоянку и вот, собрав волю в кулак, выступает, разбирает свои ошибки.

- Я неправильно действовал. При ухудшении погоды надо было вернуться, но не смог. Поддался ложному стыду. Подумал: как это так, задание не выполнить. Понадеялся, что погода улучшится. И вот...

"Я с вами куда хотите, товарищ комиссар, хоть в самое пекло, только ведите", - думал Владимир, потрясенный и бедой комиссара, и его суровой честностью.

События одно радостнее другого... Победа под Москвой - первая крупная победа, одержанная советскими войсками над гитлеровской захватнической армией. Полк собрался на митинг. Выступает Бурмистров.

- Наши войска, оборонявшие столицу, перешли в наступление. Фашистская армия, направленная Гитлером на Москву, разбита, дезорганизована и отходит, оставляя на поле боя танки, орудия, автомашины, тысячи убитых, раненых и обмороженных. Победа наших войск под Москвой -начало разгрома гитлеровской Германии.

Из строя выходит Слепов. Он тоже намерен выступить. "Но что он может сказать, - думает Константинов, - если мы пока что сидим в тылу, пока еще учимся. Когда говорит комиссар - это понятно, но летчик, штурман..."

- Товарищи! - раздается глуховатый простуженный бас. Как и обычно, Слепов в своем видавшем виды реглане, в унтах, над левым глазом нависла кубанка. Но сегодня Слепов особо торжествен, подтянут, и от этого кажется вроде бы даже выше, стройнее. - Нам, товарищи, не довелось внести свою лепту в эту победу. Но там, под Москвой, вместе с наземными войсками

воевали и авиаторы, наши друзья, наши небесные братья. И воевали отважно, мастерски. Их боевые дела - пример для нас. Война разгорается. Нам предстоят большие дела и суровые испытания, и чтобы добиться успеха в будущем, надо упорно и кропотливо работать сейчас. У нас не должно быть отказов техники по вике личного состава, потерь ориентировки из-за плохой подготовки к полету, предпосылок к летным происшествиям по причине нарушений летных законов. На фронте учиться некогда, там надо воевать, и время, отведенное нам на учебу, надо ценить. Каждый час, каждую минуту.

Жуков, стоявший в строю рядом с Константиновым, толкает его локтем:

- Хорошо Слепов сказал, правда?

- Молодец! - согласно кивает Владимир.

Еще одна новость, приятная, радостная. Полк получил четыре самолета У-2. Об этом сообщили из штаба, и командир полка, понимая, какая для всех это радость, разрешил прекратить классные занятия и отправить экипажи на аэродром. И сам прибыл первым.

- Посмотрите, понюхайте, - говорит он, расхаживая около самолетов, Не часто можно почувствовать это: настоящей авиационный запах!

Стоит безветренная оттепель, и самолеты благоухают сладким эмалитовым ароматом. Свеже-зеленые, они лаково сверкают на солнце.

Командир - суровый, немногословный человек, он радуется открыто и шумно:

- Представляете! Теперь у нас шестнадцать машин. Еще бы шестерку, пусть даже не новых, и полк в полном составе. Оснащенный, полнокровный, боеспособный! - Он вдруг умолк и смутился. Все заулыбались, поняли: последняя фраза - это мечта майора Хороших. Когда она сбудется, он так и доложит командованию: "... боеспособный!"

Еще одна новость: в полк прилетел майор Троян, бывший командир эскадрильи 2-го Чкаловского военного авиационного училища летнабов, где обучался Владимир. С началом войны Троян сформировал полк Р-5 и увел его на фронт, успешно сражался с врагом. И вот он снова летит в училище, будет формировать еще один полк. По заданию командования он приземлился здесь, чтобы встретиться с летчиками и штурманами, поделиться боевым опытом, рассказать, как воюют полки, вооруженные самолетами У-2 и Р-5.

Вечером собрались в казарме. Троян невысокого роста, плотный, энергичный, стоит у стола, улыбается, узнавая то

одного, то другого из бывших своих воспитанников. К тем, кто сидит поближе, подходит, пожимает им руки. Непривычно видеть его простым, улыбчивым. Непривычно и приятно. Но вот он сосредоточился и снова стал прежним Трояном, суровым, строгим.

- Сначала отвечу на неоднократно задаваемый мне вопрос: возможно ли по-настоящему воевать на тихоходном У-2, учебном, не приспособленном для войны самолете? - Глянув поверх голов сидевших людей, помолчал секунду-другую и твердо ответил: - Да, возможно. Экипажи воюют мастерски. Самолет У-2 зарекомендовал себя настоящим легкомоторным ночным бомбардировщиком. - Троян опять выжидающе помолчал, готовый ответить тому, кто вдруг усомнится, и, не дождавшись вопросов, продолжил:-А теперь расскажу о тактике легких ночных бомбардировщиков...

От Тамары пришло письмо. "Друзья улетели на фронт, - пишет она, - а я осталась в тылу. Утешает только одно: еду домой, к Верочке, дочке. Обо всех соскучилась, а по ней больше всего..."

Что же случилось? Почему Тамару не взяли на фронт? Большая часть письма перечеркнута, и понять невозможно. Но надо ей написать, ободрить. Не время падать духом. Пусть добивается. Пусть узнает, куда улетел Калининский аэроклуб, и едет туда же.

И вдруг мысль: а может и нет его, аэроклуба? Вполне вероятно. Война. Одели пилотов в военную форму, отряды свели в один коллектив, присвоили номер, и вот тебе - полк. Так же, как полк майора Хороших...

Тем более, думает Владимир, если аэроклуб стал полком, его и надо искать. Так он и напишет Тамаре.

- Какой ты вывод сделал, Алеша, после беседы с Трояном и после летного происшествия, в котором оказались Бурмистров с Сорокиным? - на следующий день спрашивает Константинов у Жукова.

- Лучше поясни, что имеешь в виду, - хмурится тот, - а загадки здесь ни к чему.

- Надо нам, Алеша, учиться летать по приборам, - убежденно говорит Владимир.- Нас прижимает к земле и низкая облачность, и ограниченная видимость. Снежок пошел, видимость уменьшилась - и мы сразу к земле. Жмемся к ней, боимся взгляд оторвать. А если бы умели летать по приборам? Тогда все иначе. И смелости прибавится, и уверенности. Кругом белая муть, а мы летим, и только на той высоте, какую нам задали. Мы же воевать готовимся, Леша, а чтобы воевать, надо уметь летать во всех погодных условиях.

- Правильно, - согласно кивает Жуков.- Тренировку начнем в простых метеоусловиях. Я буду летать по приборам, а ты меня контролировать, смотреть за землей. Договорились?

На горизонте - фронт

Все, тренировка закончилась. Командир полка объявил:

- Готовимся к перелету в Подмосковье, аэродром назначения - полевая площадка под Солнечногорском.

Солнечногорск - это еще не фронт, вернее, уже не фронт. Немцев оттуда прогнали. Но главное - сдвинуться с точки. И вот сдвинулись. Назначен день перелета - 17 марта 1942 года. Рассчитан маршрут. Общее время полета восемь часов. Два промежуточных аэродрома - для дозаправки горючим, осмотра матчасти и отдыха экипажей. Объявили порядок перелета. Если день будет ясным, безоблачным - в составе полка или по-эскадрильно; если пасмурным, с ограниченной видимостью - одиночными экипажами.

Владимир ждал этого перелета, жил им. И потому что это шаг к фронту, и потому что можно было проверить себя, свою подготовленность. На такие большие расстояния - восемьсот километров - он еще не летал. Он проложил маршрут на двух разномасштабных картах, хотя можно было и на одной. "Десятикилометровку" он решил использовать для ведения общей ориентировки, "пятикилометровку", карту более крупного масштаба, - для ведения детальной ориентировки. Сделал расчет по этапам. Приступил к изучению. К концу второго дня подготовки он знал на память магнитные путевые углы, расстояния и время полета между пунктами. Ясно представлял себе конфигурацию и особенности всех характерных ориентиров, на память мог начертить их на бумаге, знал расположение запасных аэродромов...

- Зачем тебе все это? - удивился Жуков, проверив подготовку своего штурмана по его же просьбе.- Ведь можно лететь и сличать карту с местностью, и все будет видно, понятно. Зачем же на память? Боишься заблудиться?

Владимир признался:

- Дело не в этом, Алеша. Дело в другом. Представь, поднялись мы в составе полка, летим. А погода все хуже и хуже. И вдруг ведущий дает сигнал, требует, чтобы кто-то вышел вперед и встал на его место. Думаешь, это просто, выйти вперед? Не просто, Леша. Не всякий захочет взять на себя такую ответственность. А мы возьмем, мы выйдем...

Ночь. Последняя ночь на старом, обжитом аэродроме. Владимир долго не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами, думал. Как-то сложится его фронтовая судьба. Всякое может

случиться. И погибнуть можно, и вернуться домой искалеченным. Содрогнулся, представив себя слепым и безногим. Лучше погибнуть...

Проснулся задолго до рассвета. Тишина. Может, товарищи спят, а может, и нет, просто молчат, думают. А вот Бибиков спит. Штурман. А до армии был учителем. Худощавый, живой, остроносый. Ему поручили выпускать стенную газету. Выпускает. Хорошо делает, с душой. И все он делает хорошо, добросовестно. Владимиру захотелось поговорить с Бибиковым, он уже протянул было руку, тронуть хотел. А тот вдруг застонал, и со всхлипами:

- Доченьки мои, родные мои, милые...

Нелегко Бибикову. Как хорошо, что у Владимира ни жены, ни детей. Но есть друзья, целый полк. А полк - это тоже семья. У многих боевых друзей есть жены и дети. Что ж, Владимир будет их защищать, сражаться за них, за их настоящее и будущее. За детей Бурмистрова, Ломовцева, Бибикова, за их семьи. А за семью майора Хороших не будет... Ее уже нет в живых - все погибли при бомбежке. Вот почему командир полка так часто бывает задумчивым, грустным.

Так думал Владимир, не подозревая, что первым в полку погибнет Бибиков. "Значит, он что-то чувствовал, если звал во сне своих девочек", подумает он тогда.

Дана команда на взлет. Идя к самолету, Жуков глядит на синее небо, смеется.

- Мечта не сбылась. В такую погоду даже при отказе компаса Морковкин не уступит нам место ведущего.

- Ничего, - в тон ему отвечает Владимир, - будем ведомыми. Главное, что мы полетим к фронту.

...Летели полком. Временной интервал между эскадрильями - три минуты. Строй эскадрильи - колонна звеньев. В каждом звене вместо штурмана летело по одному технику, чтобы было кому осмотреть и подготовить самолеты на промежуточных точках. В одном из звеньев летел и инженер полка Александр Александрович Федоров. Шли на высоте сто пятьдесят метров. Владимир приподнимался на сиденье, смотрел поверх козырька, хотелось все видеть, запомнить. Сличал карту с местностью. Покрыв трехчасовой путь, приземлились. Заночевали. Спали уже по-фронтовому - в землянках.

Утром взлетели. После трехчасового полета вышли в район аэродрома посадки. А самого аэродрома не видно. Стали искать, просматривать местность: луга, лесные поляны. Кружились около четверти часа, и все бесполезно. И вдруг с окраины леса взмыл истребитель. Оказалось, взлетел специально, чтобы полк увидел наконец, куда ему надо садиться.

- Ну как у нас маскировочка? - спрашивал после посадки летчик, показывая упрятанные в лесу истребители.- Над нами прошли и не увидели. Учтите, на фронте это самое главное. Не спрячешь самолеты, - разбомбят и пожгут.

Высокий, статный, улыбающийся, он стоял окруженный летчиками. Из-под борта летной куртки виднелся орден Красного Знамени. Оказалось, сбил фашистский разведчик, пытавшийся проникнуть к городу Горькому. "Отсюда я и взлетал, - поясняет пилот, - по зрячему, как из засады..."

- Борисов! Ты ли это? - воскликнул подошедший Бушуев.

- Товарищ инструктор!

Аэроклубный инструктор старший сержант Бушуев и бывший его курсант, ныне лейтенант, Борисов крепко обнялись.

- Ну молодец, ну орел! - восторгался Бушуев, похлопывая по плечу Борисова.- Горжусь. И знаешь, не удивлен. Помню, первый раз в зону с тобой пришли и я показал тебе глубокий вираж. Самую сложную фигуру. А ты ведь его ну прямо скопировал! С первого раза! Чувствую, далеко пойдешь!

Прев оказался Бушуев, Владимир услышал потом о 9-м гвардейском полку истребителей, командиром которого был прославленный ас полковник Лев Шестаков, а воевали в нем такие славные воины, как Амет-хан Султан, Алексей Алелюхин, Павел Головачев и многие другие. Среди них был и Иван Борисов, Герой Советского Союза.

Последний отрезок маршрута. Уже видна Москва. Линия пути проходит по северо-восточной окраине города. За Химками видны следы боев: разбитая техника, остовы вагонов на станции, сожженные деревни. Облачность понижается, прижимает самолеты к земле. Пошел снег. К Солнечногорску подошли на высоте сто метров. Справа от полковой колонны промчались два истребителя МиГ-3. Ушли на запад. Мгновение - и нет их. "Видел?" - кричит Владимир пилоту. Жуков кивает, не оборачиваясь. Сердце полнится гордостью. Вот это машины!

Полет закончен. Самолеты укрыли в лесу, тщательно замаскировали ветками. Построились. Командир полка поставил задачу на дальнейшее.

- Осталось немного, - заверил он личный состав, - пройти бомбометание. Каждому экипажу два бомбометания днем и два ночью. А начнем, как и обычно: с изучения района аэродрома, со сдачи зачетов. Неудобство, на мой взгляд, только одно: полигон далеко расположен. Бомбить три минуты, а лететь туда и обратно более часа.

Бомбометание - последний шаг к фронту. "Пора, - думает Владимир, давно пора". Не просто так думает, обоснованно. Зима,

полеты в сложных условиях - непогода, морозы, трудность ведения ориентировки - закалили его, многому научили. И его, и командира. Жуков стал опытным летчиком.

Вместе с ними обретал и новые качества их самолет. Конечно, скорость сто километров - не скорость; потолок две тысячи метров - не потолок; фанера вперемежку с перкалью - не броня. Но простейший учебный самолет, небесный тихоход, летающая парта многих довоенных авиаторов постепенно "оброс" оружием - пулеметом и бомбами.

Под крылья У-2 можно подвесить две бомбы весом по сто килограммов, фугасные и осколочные. Вместо бомб можно подвесить кассеты с листовками. Листовки - тоже оружие.

Пулемет установлен на фюзеляже сзади кабины штурмана. Он стреляет только назад и в стороны и предназначен для обороны от вражеских истребителей. Но опыт покажет, что против У-2, летающих ночью, фашисты будут задействовать, в основном, зенитные средства и пулемет переставят на борт задней кабины. И штурман, выполняя боевое задание, будет стрелять по наземным целям: прожекторам, зенитным установкам, по живой силе и технике.

Полигон - поляна в лесу - расположен невдалеке от

железнодорожной станции. Штурман эскадрильи Слепов летал туда с кем-то из летчиков. Походил, посмотрел, составил схему, на ней изобразил расположение целей, направление заходов для бомбометания. Целей всего две: круг диаметром пятнадцать метров и квадрат двадцать на двадцать. Днем круг и квадрат обозначены еловыми ветками, ночью - горящими плошками.

Изучили расположение целей. По шаропилотным данным рассчитали углы прицеливания для скорости сто километров и высоты четыреста метров. Это минимальная безопасная высота бомбометания. Ниже спускаться нельзя, осколки взорвавшейся бомбы могут поразить свой же самолет. Изучили условные знаки-сигналы, разрешающие и запрещающие бомбометание.

Жуков и Константинов летят на задание. Идут правее шоссейной дороги. Справа и слеза, в кюветах, - разбитая техника: легковые и грузовые машины, штабные фургоны, танки и самоходки с черно-белыми крестами на корпусе, пушки. Недавно все это стреляло, извергало огонь, теперь же лежит ржавым ломом.

Вот и Клин. Полуразрушенный, полусгоревший. И опять разбитая техника. И в городе, и на станции. Невдалеке от станции, на пустыре, стоит фашистский танк. Он виден издали.

Еще до прилета сюда, в Подмосковье, Владимир получил

письмо из Калинина. "Не узнаешь родного города, - писала мать, - и меня не узнаешь". Владимир не понял тогда страшной сути сказанного, а теперь понимает. Понял после того, как увидел Солнечногорск, походил по нему, поговорил с людьми. Недолго пробыли в городе фашисты, но след оставили страшный. Жгли, убивали, грабили.

Ну а в родном Калинине он побывает в самое ближайшее время, примерно через неделю: майор Хороших отпустит его на денек. Он увидит разбитую станцию, разрушенные фабрики "Пролетарку" и "Вагжановку", сожженные и снесенные с лица земли дома и служебные здания. Увидит больную, надломленную горем и страданиями мать...

Рокочет мотор, свистит встречный ветер. Вот и полигон. Там сейчас находится Слепов, руководитель полетов на полигоне. Смелый человек Слепов. Смелый и находчивый. Во время бомбометания он должен находиться в окопе или каком-то другом укрытии. Для безопасности. Потом, когда экипаж отбомбится, он должен бежать к мишеням, проверять результаты работы. А это немного-немало метров сто пятьдесят. Туда и обратно - триста. По глубокому снегу, да в тяжелых унтах с галошами бегать довольно трудно. Но дело не только в трудности, оно и в потере времени: туда и обратно - десять минут. А чтобы руководитель полетов не попал под бомбы своих же товарищей, временной интервал между самолетами, приходящими на полигон, должен быть не менее десяти минут.

Чтобы сэкономить время, Слепов оборудовал себе не окоп, не укрытие, а наблюдательный пункт. Причем на дереве, высоко от земли. Сделал веревочную лестницу, пристроил у самой вершины сосны щит из крепких досок, а на нем табурет. Помогал ему Константинов. И тоже наверх поднимался. Обзор - лучше не надо. Мишени видны как на ладони. Сиди и записывай, отмечай результаты бомбометаний. А к мишеням, если надо их подновить или подправить, можно ходить на лыжах. Но это не часто, два-три раза в течение дня.

Константинов смотрит вниз. В створе захода на цель, невдалеке от мишеней, на снегу чернеет полотняное "Т", знак, разрешающий работу на полигоне.

- Леша, ты не забыл, что сейчас самое главное? - кричит в переговорную трубку Владимир. - Помнишь, что Троян говорил?

- Помню.

Майор Троян говорил, что основная задача пилота при бомбометании - это выдержать курс в момент приближения к цели. Так называемый боевой курс. Не выдержишь, отклонишься хотя бы на полградуса, бомбы пойдут мимо цели. И работа

штурмана - расчет курса, уточнение курса, прицеливание - все насмарку. Но одно дело выдержать курс, высоту и скорость, когда бомбишь на полигоне, и другое - на фронте, когда по тебе бьют зенитки. А идти все равно надо. И ты, летчик, не можешь не только вернуться назад, маневрировать даже не можешь. Права на то не имеешь! И если ты не выдержишь курс, штурман не сбросит бомбы. И тогда начинай все сначала...

Трояну было задано много вопросов, в том числе и вот этот: как учебные бомбометания приблизить к боевым? И, в частности, тот момент, когда самолет находится на боевом курсе. Точнее: как имитировать зенитный огонь?

Майор улыбался:

- Желание приблизить учебу к боевым, реальным условиям фронта - дело похвальное, но зенитный огонь ничем не заменишь. Однако не мешает подумать о том, как усложнить работу летчика на боевом курсе, подумать о каких-то дополнительных трудностях, искусственно создаваемых помехах...

Короче говоря, Троян подсказал идею.

- Леша, - сказал тогда Константинов, - я буду мешать тебе выдерживать курс. Сам буду задавать курс и сам буду с него сбивать. Так, как сбивает взрывная волна. Нажму на педаль управления, отклоню ручку, положу самолет на крыло. А ты его выправляй, быстрее бери заданный курс. Согласен?

- Почему бы и нет, если от этого польза. Такой разговор они вели после беседы Трояна, вспоминали об этом вчера при подготовке к полетам и вернулись к нему теперь, перед бомбометанием, точнее, при заходе на цель.

Минуту спустя после того, как летчик установил заданный курс, штурман накренил самолет влево, дал обратную ногу. Слева снизу ударил тугой воздушный поток...

- Командир! - кричит штурман летчику. - Курс двести двадцать! Быстрее!

В полк приехал майор из Генерального штаба Красной Армии, объявил: будет читать лекцию о положении на советско-германском фронте.

Люди собрались в общежитии летчиков и штурманов. Майор укрепил на стене карту-десятикилометровку. С севера на юг ее рассекает красно-синяя зубчатая полоса - линия фронта. Западнее полосы, там, где расположены войска гитлеровцев, обозначены группы армий: "Север", "Центр" и "Юг". Обозначены армии, корпуса, дивизии, полки и даже батальоны. На нашей, восточной стороне, - только фронты: Калининский, Западный, Юго-Западный...

Майор взял указку и, обводя кружки и овалы на карте,

обрисовал расположение каждой части, соединения, объединения гитлеровцев. О своих ничего не сказал. Почему? Может быть, мало войск у наших фронтов?

- Наше положение значительно улучшилось. Конечно, немцы сильны, но не настолько, как это казалось вначале. У стен Москвы стояло много фашистских войск. А где они сейчас? У Ржева, Сычевки, Вязьмы. О чем это говорит? О мастерстве наших командиров, несгибаемости духа бойцов, о боеспособности нашей Красной Армии!..

Продолжая лекцию, майор сказал, что враг концентрирует силы под Воронежем, Харьковом. Но никто не принял это во внимание, всех интересовал только северо-запад: Старая Русса, Демянск, весь этот район. Слышали, что полк полетит туда, там ему предстоит воевать. "На этом участке без изменений, - сказал майор, отвечая на вопросы, - ничего нового не предвидится". И снова говорил о Воронеже, Харькове...

Через несколько дней на построении части майор Хороших сказал:

- Подготовка закончена, товарищи. Всем получить личное оружие, подготовить полетные карты, проложить и рассчитать маршрут: Солнечногорск Воронеж...

Воронеж... Вот почему майор из Генштаба так упорно старался отвлечь внимание летчиков от северо-запада, вот почему так настойчиво говорил о Воронеже, о скоплении вражеских войск и техники близ Воронежа и Харькова. Он безусловно знал, куда направят полк майора Хороших.

Весна вступила в свои права. И рассветы уже другие - веселые, звонкие. И солнце уже не то - яркое, теплое. Снег потемнел, осел, ручьями унесся в низины. Самолеты переставили с лыж на колеса. И радостно всем - на фронт же летят! - и жутковато: как оно все там сложится? В ночь на 19 апреля спать легли рано. Встали тоже рано, с рассветом: вылет назначен на восемь ноль-ноль.

Пришли на стоянку, осмотрели самолеты, опробовали моторы. Все нормально, можно лететь, но последнее слово - разрешение на вылет - зависит от Москвы, от отдела перелетов. Отдел перелетов, прежде чем дать разрешение, должен выяснить погоду по маршруту. Это, оказывается, не так-то просто, на это нужно время, и разрешение пришло только в одиннадцать. Аэродром, схваченный за ночь морозцем, раскис, размяк. А самолеты загружены до предела. В них и инструмент, и чехлы, и все необходимое, без чего невозможно обойтись на другом аэродроме. Командир полка беспокоится: о таких условиях самолет, пожалуй, не сможет взлететь, не оторвется, а если и

оторвется, то не сможет перетянуть лес, подступивший к площадке с севера.

- Обстановка, конечно, сложная, - говорит комиссар.- Что будем делать?

- Надо отставить вылет, перенести на завтра, - отвечает майор Хороших.- Но как на это посмотрят люди?

- Вот именно. А люди рвутся на фронт. Настроились на вылет. Самолеты могут увязнуть на полколеса, а им все разно, лишь бы дали команду на взлет. Хотите убедиться? - комиссар оглянулся, увидел стоявших неподалеку Жукова и Константинова. Позвал их, спрашивает: - Что будем делать, друзья?

- Лететь! - дружно отвечают летчик и штурман.

- Как же лететь? Самолет-то не оторвется.

- Оторвется!..

- Ладно, идите, - смеясь говорит комиссар. Повернулся к майору Хороших: - Не беспокойтесь, товарищ командир, завтра улетим, по морозцу.

Владимир написал Тамаре письмо. "Дорогая сестра, извини, что долго молчал, не было никаких новостей. Теперь есть. Завтра, 20 апреля, улетаем на фронт. Улетели бы и сегодня, но помешала погода, пришлось задержаться. Настроение у всех бодрое, ждем не дождемся, когда сразимся с врагом. Скоро год, как война началась, а мы все по тылам летаем, перед людьми стыдно.

Получишь мой новый адрес, сообщи его Василию, пусть он напишет, как у него дела, как он воюет. Обстановка под Ленинградом очень тяжелая...".

Крещение огнем

Май 1942 года, Юго-Западный фронт. Линия фронта проходит восточнее Харькова на расстоянии пятьдесят - шестьдесят километров. Харьков давно у немцев, но наши войска готовят здесь большую наступательную операцию.

Полк майора Хороших имеет два аэродрома. Основной - Тимоново, и подскока - хутор Портянкин. Тимоново - это полевая площадка, небольшая, непыльная, расположена близ деревни того же названия, в пяти километрах севернее города Валуйки. Здесь, в одном из домов обосновался штаб авиачасти. По домам распределен и личный состав - летчики, штурманы, техники и механики. С запада к аэродрому примыкает поле с посевами, с востока - дубовая роща, в ней стоят самолеты. Характерный ориентир для поиска площадки - станция и город Валуйки.

Аэродром подскока - тоже полевая площадка, небольшая, узкая. Взлет и посадка возможны только в двух направлениях, восточном и западном. Расположен близ хутора Портянкин, в семидесяти километрах западнее Тимоново. Линия фронта здесь

в непосредственной близости, в восьми - десяти километрах, то есть в четырех минутах полета на самолете У-2. При хорошей организации за ночь можно сделать пять-шесть вылетов, нанести пять-шесть бомбовых ударов по врагу. С этой целью экипажи и будут сюда прилетать. Вечером прилетят, утром, перед рассветом, возвратятся на основную базу.

Все здесь привозное: бензин, масло, боеприпасы. И все лишь в необходимом количестве, без лишних запасов. Работа пойдет по принципу: прилетел, сделал удар по врагу, улетел.

11 мая 1942 года - первая боевая ночь.

Наконец-то дождались! Но ждали не просто так, все время готовились. И в Чувашии, и в Солнечногорске. Промежуток с 20 апреля по 11 мая был, как говорят, уплотнен до предела. Изучали район боевых действий вплоть до Харькова, готовили материальную часть, летали на полигон. Учились находить и уничтожать цель уже в летних условиях, то есть при отсутствии снежного покрова, когда внизу все черно. Оказалось, что это не просто, и тоже имеет свои особенности.

Итак, первая боевая ночь, первое боевое задание. С утра командир полка и начальник штаба капитан Василий Хужко улетели в штаб общевойсковой армии, в интересах которой надо летать, бомбить противника. А экипажи готовились к перелету на аэродром подскока. Готовились до обеда. После обеда - отдых. Так положено перед ночной работой.

Владимир не сомкнул глаз. Думал, переживал, волновался. Чем оно кончится, первое боевое задание? Как их встретит противник? Четыре минуты полета - и ты уже над его позициями. По тебе уже бьют, стреляют. Но прежде чем лететь на задание, надо сначала найти хутор Портянкин, затем полевую площадку близ хутора. За это ответственен штурман. А вдруг не найдем? Что тогда делать? Владимир мысленно представлял себе карту района, маршрут, соединивший две полевые площадки, свои действия...

Незаметно пролетело время. Из оцепенения выводит какое-то оживленное движение в казарме.

- Подъем! - командует Жуков.- Собираемся.

Пришли на стоянку, к машине. Владимира и здесь не оставляют беспокойные мысли. Подошел Слепов, глянул в глаза - все понял, успокаивает:

- Не волнуйся. Переживания - это от нечего делать. Летчик мотор запустит, и все встанет на свое место. Работа начнется, о постороннем некогда думать. Кроме того, не одиночно пойдем, а звеньями, половину забот - на плечи ведущего.

Прав штурман Слепов. С запуском мотора, со взлетом

началась обычная штурманская работа. Владимир ведет ориентировку, сличает карту с местностью, контролирует курс и время. Звено идет клином. Впереди Ломовцев с Косаревым, слева - Ананьев с Головановым, справа - Жуков с Константиновым. Ломовцев обернулся, поднял в кулак сжатую руку: держись, дескать, не бойся! Пусть боятся фашисты. Владимир улыбается, понял: ободряет его Ломовцев. И понял, почему ободряет: Слепов подсказал. Внимательный, чуткий человек. С виду суровый, грубоватый, а душа тонкая, чувствительная.

Звено пересекает пойму реки Оскол, впереди высокий лесистый берег. Ломовцев переходит в набор высоты, затем прижимает машину к верхушкам деревьев. Но вот кончается лес, под крыло побежали поля. Их рассекают овраги, речушки. Уже зеленеют озимые. От близости земли, скорости, свежести ветра прибывают силы, уверенность. И Владимир уже смеется над своими тревогами, страхами. Чего боялся? Из-за чего переживал?

Вот и конец маршрута. Впереди хутор Портянкин, аэродром. На полосе лежит полотняное "Т", разрешающее посадку. Самолеты один за другим заходят в створ полосы, приземляются, заруливают на указанные техниками места. За первым звеном садится второе, третье. Смеркается.

После ужина на стоянку пришла автомашина, привезла экипажам сладости целый мешок с урюком. Командир авиабазы прислал в честь первой боевой ночи. Все набивают карманы, жуют, улыбаются. Запасливый Сережа Сорокин наполнил и штурманскую сумку. "Ночь длинная, - говорит, - съем, еще не хватит".

- Возьми и мою долю, - с обидой говорит Константинов. Есть он не может. От вновь охвативших волнений, переживаний все пересохло во рту, язык будто напильник, не повернешь.

Для получения боевой задачи экипажи собрались в штабную палатку. Сели на табуретки, скамейки, патронные ящики. Командир полка встал у карты. Зыбкое пламя лампы-коптилки подняло его огромную тень, закачало по парусиновой стенке.

- Будем бомбить артпозиции, - говорит командир полка, - живую силу и технику, расположенную вблизи населенных пунктов Байрак и Терновая. По первой цели действует первая эскадрилья, по второй - вторая. Не бойтесь попасть в населенные пункты, от них остались только названия. Жителей там нет.

Командир полка предоставляет слово капитану Морковкину. Как всегда, штурман во всеоружии. "Развернуть полетные карты, нанести линию фронта, звучит его торжественный голос. Капитан быстро и четко ориентирует летчиков и штурманов: - Исключительно пункт... Включительно пункт... Соедините их

красным карандашом. Пошли дальше... Исключительно пункт..."

Он зорко смотрит за всеми и сразу видит того, кто почему-то замешкался, не может найти тот или иной из пунктов. Помогает заботливо, быстро, не забывая при этом добавить излюбленное: "М-м-мудрецы"... Затем, глядя на свою полетную карту, диктует пункты маршрута, контрольные ориентиры, расчетные данные по шаропилотному ветру. Строго напоминает:

- Поправку внесете в воздухе, исходя из направления и скорости ветра. Выход на цель и бомбометание с ходу, высота сбрасывания бомб - семьсот метров. А почему с ходу? - спрашивает вдруг Морковкин.- Сержант Константинов!

- Почему бомбить с ходу? - повторяет Владимир вопрос и отвечает: Иначе не достигнешь внезапности. Пока будешь рассматривать цель, немцы тебя обнаружат, откроют огонь, помешают прицелиться...

- Правильно, - подтверждает Морковкин.- Внезапность прежде всего. Но внезапность одно дело, а точность удара по цели другое. По расчету времени вы пришли в указанный район, а цели не видите. Тогда надо ее осветить. В первом заходе сбросить светящую бомбу, а во втором - фугасную. Но и в этом случае внезапность играет первейшую роль. Противнику, внезапно ослепленному, трудно вас обнаружить...

Боевая задача поставлена, экипажи пришли на стоянку. Уже темно. На западе, на фоне черного неба, видны вспышки огня, зарево пожаров. Это недалеко, у линии фронта. А дальше, примерно в двадцати километрах, по небу шарят прожекторы, ищут ночные бомбардировщики. И в том месте, где лучи их пересекаются, мельтешат яркие вспышки разрывов снарядов.

- Не волнуйся, туда не пойдем, наша цель ближе, у линии фронта, успокаивает Жуков своего штурмана. А сам курит, курит...

Владимир глядит на часы. Скоро должен взлететь командир второй эскадрильи Михаил Соколов со штурманом Андреем Слеповым, затем, через три минуты, Ломовцев с Косаревым, еще через три - они, Жуков и Константинов.

- Вроде бы никто никому не мешает, - говорит Жуков, имея в виду впереди идущие экипажи.

- Нет, - подтверждает Константинов.- Терновая, по которой будет действовать эскадрилья Соколова, от нашей цели, от Байрака, находится в шести километрах. Не помешает и Ломовцев. Его цель севернее деревни Байрак, наша - юго-западнее.

Под плоскостями У-2 висят четыре бомбы по пятьдесят килограммов фугаски. Светящую авиабомбу штурман берет в

кабину. Штурман и летчик договорились, что бомбы сбросят не сразу, а с четырех заходов. По одной в каждом заходе. И бить только прицельно. Майор Троян говорил, что с первого раза это трудно, невыносимо трудно. Но именно с первого раза и надо пересилить страх. Потом уже будет проще и легче.

И вот они в воздухе. Сделали круг над аэродромом, а высоты "наскребли" только двести метров. Не шутка - четыре бомбы под крыльями.

- Курс двести семьдесят пять! - командует штурман.

Над головой - звезды. Сзади - ни единого огонька. Впереди - пожары до самого горизонта. Кажется, все горит, вся земля, и разобраться, что там надо бомбить, очевидно, будет не просто. Но летчик и штурман знают, что это лишь кажется, что стоит только подняться повыше, и картина изменится, пожары будут уже не сплошные, а очагами, и Байрак они найдут без труда.

Штурман смотрит на землю, проверяет, насколько точно их самолет идет по линии заданного пути. Ориентиры различаются с трудом, ночь темная, безлунная. Подошли к линии фронта. Ее обнаружить легко: через нее с той и другой стороны летят трассирующие пули и снаряды. И по ракетам видно: на нашей стороне они разноцветные, на вражеской только желтые. Пулеметные трассы потянулись и к самолету - еще один признак линии фронта, - но проходят они далеко, скорее всего, противник бьет не по видимой цели, а по звуку мотора, почти наобум, приближенно.

- Мы привыкли думать, что линия фронта - это сплошной огонь, - говорит Владимир, - а оказывается, наоборот, темная линия. Никого на ней нет, никто по ней не бьет.

- Какой же смысл бить по ничейной, - отзывается летчик.- Но то, что она темная, заметно лишь нам, потому что скорость у нас небольшая, и высота всего шестьсот метров. Экипаж такой машины, как, например, Пе-2, ничейной полосы не заметит, для него линия фронта - это действительно сплошной огонь.

Судя по времени, самолет на подходе к цели. Штурман внимательно смотрит вниз, ищет расчетную точку - разветвление большого оврага. Это место - начало боевого пути самолета. С этого места, встав на курс, заданный штурманом, сохраняя заданную скорость, через полторы-две минуты летчик приведет самолет на позиции вражеской артиллерии.

- Курс двести восемьдесят, скорость сто двадцать, на боевом! командует штурман.

Отсюда, с расстояния трех километров, Владимир отлично видит Байрак. В трех местах деревня горит. Там, где должна находиться цель - артиллерийские позиции, видны вспышки

орудийной стрельбы. Их и надо погасить. .Но то, что немцы ведут огонь, на руку экипажу. За громом стрельбы они не услышат гул самолета, и на позиции можно выйти внезапно, можно их осветить, чтобы более точно ударить.

Вот и цель. Выдернув предохранительную чеку, Владимир бросает за борт светящую авиабомбу. Она вспыхнула где-то под самолетом, повисла на своем парашюте, и яркий бело-голубой конус света залил землю. Владимир видит позицию, вернее, оконечность ее, три углубленных в землю орудия, хода сообщений от одного к другому. Момент удачный для бомбометания.

- Командир, левее, еще левее... Так, хорошо! - кричит штурман. Сбросив бомбу и увидев внизу будто вспышку зарницы, командует: - Отворот влево!

Отворот влево - это противозенитный маневр. Одновременно, пока самолет накренен, штурман, глядя на все еще освещенную землю, ищет другие орудия, запоминает их места, стреляет. По орудиям, окопам, ходам сообщений. Летчик выводит машину из крена и идет по прямой.

- Леша, разворот на обратный курс!

К самолету очередями-цепочками потянулись красные огненные шары "эрликонов" - спаренных зенитных установок. Но сейчас их можно не опасаться. Немцы, ослепленные САБ, бьют наугад, как бы в порядке психологического воздействия на экипаж советского самолета: возможно, опасаясь попасть под огонь, он уйдет на свою территорию.

Самолет вновь на боевом курсе, орудия продолжают стрелять. Светящая бомба уже упала на землю и продолжает гореть невдалеке от позиции. Запомнив расположение орудий относительно САБ и горящих домов, Константинов выбирает новую цель, поворачивает на нее самолет, прицеливается, сбрасывает фугаску и опять берется за пулемет. Орудие перестало стрелять, значит, огонь его подавлен. Перестали стрелять и другие, на которые бомбы не падали. Ну что ж, и это неплохо. В этом и суть задачи: заставить их замолчать, воспретить огонь по нашим войскам. Возможно, что после ухода У-2 на свою территорию, все они оживут, все снова откроют огонь, но придет очередной экипаж, и орудия снова умолкнут.

- Отличный ориентир, Леша! - кричит Владимир, имея в виду светящую бомбу, что горит на земле.- Разворот!

Экипаж выполняет третий заход. Орудия молчат, не стреляют, однако Владимир запомнил их место, и уверенно, точно выводит машину на цель. Вниз летит еще одна бомба. Затем еще одна.

Задание выполнено. Курс девяносто - по наикратчайшей на свою территорию. Со снижением, на максимальной скорости. Над линией фронта к самолету потянулись пулеметные трассы.

- Ниже пятисот метров снижаться нельзя, а то достанут, - предупреждает Владимир.

- На малой скорости тоже нельзя, долго летишь над чужой территорией, ворчит Жуков, - а где большую возьмешь, если идти без снижения?

Вот и своя земля. Проходит три-четыре минуты, и вот он, аэродром, посадочный знак из тускло горящих плошек. Жуков вошел в круг, помигал огнями, в подтверждение, что он, дескать, свой, и зашел на посадку. Сели, зарулили на заправочную линию, выключили мотор. И сразу вокруг механики, техники.

- Ну как там дела? Бомбили? Что видели?

Подсвечивая фонариками, осмотрели самолет снизу и сверху - крылья, фюзеляж, хвостовое оперение, - нет ли пробоин. Нет, все нормально, все обошлось хорошо. Рыча могучим мотором, подошел бензозаправщик. Солдат, сидящий за рулем, спросил: "Бензин нужен?" Механики засуетились у шланга, техник - у горловины бака, а летчик и штурман пошли на командный пункт (в палатку) для доклада о выполнении боевого задания.

- Цель нашли, сделали четыре захода, видели четыре взрыва, докладывает Жуков начальнику штаба полка.

- А что уничтожили? - спрашивает заместитель начальника штаба старший лейтенант Прокопчик.- Может, убили кого?

- Возможно, - Жуков неуверенно пожимает плечами.

- А что же я в штаб дивизии докладывать буду? - недоумевает Прокопчик.

Перехватив улыбку начальника штаба, Жуков шутит:

- В следующий раз, товарищ старший лейтенант, мы сделаем иначе: после бомбометания не сразу пойдем на свою территорию, а сядем в районе расположения цели, осмотрим воронки, посчитаем убитых фашистов. Чтобы уж точно, без ошибки.

Прокопчик вздыхает.

- Тебе можно шутить, а вот мне... Я же дело имею с начальством.

Жуков и Константинов опять пришли на стоянку.

- Товарищ командир, самолет к полету готов, - докладывает техник.

Дальше все идет, как и в первом полете. Запуск, взлет, курс к линии фронта. Но есть и что-то новое, необычное. В настроении, душевном состоянии. В синем свете, рвущемся из выхлопных патрубков, Владимир видит ветрянки взрывателей бомб, выглядывающих из-под плоскостей, проволочные вилки-

конторовки. И его охватывает чувство собственной силы, уверенности. Он довезет эти бомбы до места и сбросит туда, куда нужно, - в цель. И ничто не собьет его с курса, ничто не заставит свернуть.

Владимир смотрит вдаль, на багрово полыхающий горизонт. Там горит Харьков. И все, что вокруг него. Город сейчас у немцев, и туда летают наши бомбардировщики. И сейчас они там. Это можно понять по тому, как шарят по небу прожекторы. Вот пересеклась, скрестилась пара лучей, к ним заспешил третий, четвертый. Начали бить зенитки. Световые вспышки вблизи перекрестия. Самолет, охваченный прожекторами, не виден, но трассы огня, идущие от него к земле, видны, заметны. Экипаж отстреливается, экипаж не теряет присутствия духа даже в смертельной опасности.

Бомбили так же, как и в первом полете, тщательно прицеливаясь, стараясь, чтобы ни одна бомба не ушла впустую. На обратном пути, учтя опыт первого вылета, высоту не теряли, и по ним никто не стрелял, даже при пролете линии фронта.

После того как экипажи сделали по два боевых вылета, командир принял решение на этом работу закончить. "Не будем испытывать судьбу, - сказал он, - хуже нет, если кто-то в первую ночь не вернется. Непоправимый моральный урон". Владимир, как и все, промолчал, а в душе с командиром не согласился. Можно было бы выполнить и третий полет, настроение уж очень хорошее, и усталости не чувствуется. Но, когда возвратились на свой аэродром и пришли в столовую, понял, что решение командира полка было правильным и своевременным.

- Свалюсь сейчас с табуретки и усну, - улыбнулся он вымученно

С табуретки он не свалился, но есть не мог. От еды отказались и Марченко, и Михеев.

Утром в полк поступила телеграмма. Майор Хороших зачитал ее на построении личного состава: "Войска нашей армии, в интересах которой вы бомбили артпозиции, живую силу и технику противника, заняли населенный пункт Байрак и развивают наступление. Командующий армией объявил благодарность летчикам, штурманам, техникам и механикам, всему личному составу полка", - закончил майор Хороших.

Вчера, во вторую боевую ночь, бомбили узлы сопротивления гитлеровцев населенные пункты Веселая, Терновая, Козлово, Нескучное. Все они расположены невдалеке от линии фронта, от всех остались только названия. Жуков и Константинов совершили пять боевых вылетов.

Сегодня, 13 мая, предстоит бомбить скопление танков,

автомашин и живой силы в районе Зарожное. Но прежде чем бомбить, их надо разыскать. А в темную ночь это не просто. Жуков и Константинов кружат над деревнями, полями, лесными массивами. Наконец обнаружили. Цель на опушке леса. Чтобы не ошибиться, Владимир сбросил светящую бомбу. И все как на ладони - танки, автомашины, люди.

Сделали два захода, бомбили фугасными "сотками". Меньший калибр для танков уже не подходит. Внизу что-то загорелось. "Лучше, если, конечно, танк, - подумал Владимир, - весомая, важная цель".

- Танк или автомашина? - кричит он в трубку. Алексей покачал головой: "Не знаю". Спросил:

- Может, снизимся?

Владимир не согласился:

- Из-за любопытства в огонь? Не стоит.

В запасе осталось десять небольших, весом в один килограмм, зажигательных бомб и восемь осколочных - для поражения живой силы. Сделали четыре захода. Владимир брал с пола кабины бомбы, быстро приводил их в боевую готовность: отворачивал до свободного хода ветрянки, бросал за борт самолета.

Когда уходили на свою территорию, танк (или автомашина) продолжал гореть. Он горел всю ночь и всю ночь, используя его как ориентир, на цель выходили экипажи полка, а Константинов и Жуков, убедившись, что это все-таки танк (автомашина сгорает быстрее), чувствовали себя именинниками. Лишь случай испортил им настроение, да и то ненадолго. Никто не думал, что едва заметный огонь плошек, изображающих посадочный знак на аэродроме подскока, может увидеть немецкий разведчик. Экипажи, приходящие с боевого задания, не сразу находят ее. Некоторым со старта помогают ракетами. Может, случайно, но немец площадку увидел. Он шел с востока на запад. "Воздух!" закричал наблюдатель с поста на восточной окраине аэродрома. И все услышали гул бомбардировщика, скрытого ночной темнотой. Затем послышался треск пулемета, к земле потянулись трассы огня. Летчики, штурманы, техники и механики, находившиеся у своих самолетов, бросились кто куда, врассыпную. Бросились в разные стороны Жуков и Константинов. Потом, собравшись у самолета и вспомнив об окопах, отрытых здесь же возле стоянки, от души посмеялись.

- Представляешь, - сказал Владимир, - прогудел над площадкой, чуть-чуть пострелял, причем наугад, а какого страху нагнал. Такое впечатление, будто в тебя только и целится. Вполне можно представить, как себя чувствуют немцы, если мы над ними

висим в течение ночи и все время бомбим и стреляем.

Командир полка этот случай расценил по-другому. "Век живи, век учись", - сказал он и потребовал сделать приспособление к плошкам, изображающим посадочный знак. Подумали, сделали. С западной и восточной стороны плошки стали прикрывать металлическими щитками-стенками. Ногой рычажок придавил стенки поднялись, пламя заслонили. Опять придавил - стенки опустились, пламя открыли. Посадочный знак виден, экипаж может заходить на посадку, приземляться.

Бессонные напряженные ночи... Бомбардировка опорных пунктов, мотоколонн, скоплений живой силы и техники, сброс листовок, предназначенных для гитлеровских солдат, одурманенных фашистами. Полеты в любую погоду. 17 мая бомбили скопление вражеских войск близ пункта Русское-Лозовое. Возвращаясь домой, Жуков и Константинов попали в грозу. Выручили постоянная бдительность и наблюдательность, хорошая зрительная память штурмана. В район аэродрома он вышел по створу запомнившихся ему пожаров близ линии фронта и расчетному времени. Потом дал красную ракету - сигнал о помощи. Сигнал увидели, дали ответную ракету, и экипаж приземлился.

С каждым боевым заданием, с каждой полетной ночью зреет мастерство летчика Жукова и штурмана Константинова, крепнет летная согласованность, взаимная выручка. 18 мая они сделали два вылета, бомбили скопление вражеских войск у населенного пункта Циркуны.

И вот третий вылет, туда же. Они уже близ линии фронта, и вдруг перебои в работе мотора. А под крылом четыре бомбы по пятьдесят килограммов, груз, который, если мотор откажет, сразу уменьшит скорость машины. А потеря скорости - это причина штопора, причина падения.

Стараясь как можно меньше терять высоту, Жуков развернулся и лег на курс, заданный штурманом.

- На площадке будем через четыре минуты, - сказал Владимир.- К тому времени мы потеряем пятьсот метров высоты, и у нас останется сто.

Они оказались в тяжелых условиях, можно сказать, в чрезвычайно тяжелых. Бомбы сбросить нельзя - попадешь по своим же войскам. Садиться с ними опасно: при грубой посадке, если мотор обрежет в самый последний момент, бомбы могут взорваться от сотрясения. И еще одно затруднение. О том, что экипаж оказался в беде, что ему нужна немедленная посадка, надо сообщить заранее установленным сигналом: дать красную ракету, включить навигационные огни. Но это связано с риском. В

районе аэродрома может оказаться немецкий истребитель, специально охотящийся за идущими на посадку машинами.

- На посадку зайду на повышенной скорости, - предупредил Жуков.

"Чтобы сократить время планирования и не упасть при отказе мотора", подумал Константинов, продолжая мысль летчика, а вслух добавил:

- В момент выравнивания я дам ракету, подсвечу место приземления.

Приземлились благополучно. Техники, осмотрев мотор и обнаружив неисправность - один из пяти цилиндров не работал из-за отказа свечи, сказали пилоту и штурману:

- Вы оба родились в рубашке...

Первая боевая потеря... Это произошло 19 мая. Полк бомбил скопление танков в районе пунктов Непокрытое и Покровское. Возвращаясь из первого полета, Константинов и Жуков увидели очаг сильного пожара за границей аэродрома. Что это? Может, бомбили немцы? Нет. В огне - остов самолета У-2. Что-то случилось. Зашли на посадку, сели. На аэродроме никого нет, все там, где случилась беда. И вдруг из темноты - старший лейтенант Слепов. Хрипло, взволнованно:

- Погиб Бибиков...

Так получилось, что все это время, с первой же легкой ночи, ветер на аэродроме Портянкин был западным, поэтому и взлетали на запад. На восточный старт не обращали внимания. Да и что обращать, место ровное, открытое; впереди, по линии взлета, - поле. Единственное, что привлекало внимание немецкая зенитная пушка. Брошенная в поле далеко за границей аэродрома, она не мешала ни посадке, ни взлету.

И вдруг помешала. Самолет был перегружен бомбами, листовками, САБ - а мотор старенький, слабый, работающий на пределе ресурса. Самолет бежал очень долго, наконец оторвался, но скорость была еще недостаточной, и летчик Бушуев, прежде чем перейти в угол набора, придержал его у земли. Это и явилось причиной катастрофы. Зацепившись шасси о пушку, самолет упал, скапотировал и загорелся. Летчика из кабины выбросило, а штурмана придавило к земле.

Очнувшись после удара, Бушуев бросился на помощь товарищу. Неистово, спешно стал разгребать под ним землю. Но много ли сделаешь голыми руками, много ли успеешь. Тогда он попытался поднять хвост самолета, чтобы штурман выбрался из кабины, но сил не хватило. Он снова начал рыть, а пламя, возникнув под капотом мотора, приближалось уже к кабине, начало схватывать плоскости. Раньше других прибежал врач

полка Сергей Чижов. И тоже стал помогать. Потом прибежали все. И все, не подозревая об опасности, движимые чувством сострадания, стремлением спасти человека, бросились к самолету, к задней кабине. В этот момент и раздался голос майора Хороших:

- От самолета! Немедленно от самолета!

И люди поняли. Все сразу отпрянули. Побежали. Но едва отбежали метров на двадцать, послышалась новая команда:

- Ложись!

В ту же секунду ухнула "сотка", за ней вторая. Начали рваться светящие бомбы, патроны.

- Никто еще не погиб? - спросил Константинов.- Отбежать все успели?

- Успели, - ответил Слепов.- Сейчас все вернутся сюда. А Бушуева отправили в госпиталь. Обгорал, контужен. Он был вне себя и не слышал команду майора Хороших. От самолета его оттащил Чижов, но недалеко, не успел. Поэтому и контузило.

Владимир обессиленно прислонился к крылу самолета. Перед глазами Бибиков. Худощавый, остроносый, энергичный... Учитель до армии, до войны. В полку выпускал стенную газету. Хорошо ее делал, с душой. Вспомнилась бессонная ночь перед вылетом в Подмосковье. Тихие, перевернувшие душу всхлипы штурмана Бибикова: "Доченьки мои... Родные мои... Милые..."

И еще вспомнился случай. Это было недавно. Полк получил новую боевую задачу: произвести разведку тыла вражеских войск: выяснить движение резервов по шоссейным и железным дорогам, места скоплений, количество самолетов на аэродромах. Одновременно бомбить их, обстреливать. До этого летали близ линии фронта, теперь надо лететь в глубину до семидесяти километров. А там и прожекторы, и зенитки. Их наблюдали пока еще издали...

- Задача ответственная, сложная, связанная с риском, опасностью, поясняет майор Хороших.- Полеты, которые выполнялись до этого, могут показаться прогулкой в сравнении с предстоящими. Требуется три экипажа. Но я не хочу назначать их, хочу, чтобы люди шли добровольно. Добровольцев прошу выйти из строя!

Все замерли. На несколько бесконечных секунд. И вдруг, четким уверенным шагом из строя вышел летчик Бушуев.

- Я полечу!

Сразу же вслед за ним вышел и Бибиков, штурман экипажа Бушуева. Доложил не громко, но твердо: "Я полечу!" И опять тишина, молчание. Затем вышел еще один экипаж. И еще.

- Спасибо за вашу решительность, мужество, - поблагодарил

их командир и распорядился: - Первыми пойдут на разведку Бушуев и Бибиков...

Они слетали успешно, командир объявил им благодарность, поставил в пример другим, и Владимир завидовал штурману Бибикову, ругал себя, что не вышел из строя, не нашел для этого силы, как нашли Бушуев и Бибиков.

"В связи с катастрофой, с гибелью штурмана полеты теперь прикроют, подумал Владимир, - будут разбирать происшествие, будут искать виноватых, организовывать похороны, изучать летные документы..."

- Первая эскадрилья, становись! - раздается команда.

Построились. Загнули левый фланг. Получился треугольник. У его основания встал комэск Николай Бекаревич. Выступает:

- Жаль Бибикова, хороший был товарищ, хороший штурман. Но войны без жертв не бывает. Особенно тяжко, обидно, когда люди гибнут вот так, не в бою, а по недосмотру, неорганизованности. Видели мы эту проклятую пушку, видели, а убрать ее не догадались. Но переживать не время, надо работать, летать, фашистов бомбить. Командир полка решил продолжить полеты. Очередность вылетов прежняя, по плану.

Бекаревич на секунду умолк, очевидно, давая людям собраться с мыслями, перестроиться психологически, и скомандовал:

- По самолетам!

Идя к самолету, Владимир с благодарностью думал о майоре Хороших, о принятом им решении. Почувствовал, как тяжесть переживаний свалилась с плеч, как снова все его существо пронизала мысль о предстоящем полете, о боевом задании.

Вместо аэродрома подскока хутор Портянкин полк получил другой Куриловку, площадку в районе Купянска. Семьдесят километров юго-западнее Валуек. Приземлились уже в темноте. Вместо бомб к самолетам привезли необычные мешки - длинные, до двух метров, и очень тяжелые. На стоянку приехали общевойсковые командиры. Обступили майора Хороших, стали о чем-то говорить, советоваться.

- Что-то случилось, - сказал Константинов Жукову.- Или случится. На душе муторно.

- Устал ты, и все - пояснил Жуков. И успокоил: - Погода сегодня плохая, полеты, очевидно, сорвутся. Отоспишься, и все будет в порядке.

Но полеты, несмотря ни на что, состоялись. Обстановка потребовала. Наступательная операция наших войск под Харьковом, так успешно начавшаяся, вдруг сорвалась, захлебнулась. Часть войск изюм-барвенковской группировки

попала в окружение. Войскам нужны мины, патроны, медикаменты, продукты питания. Все это в мешки и упаковано. Их надо сбрасывать близ села Лозовенька, расположенного в ста пяти километрах юго-западнее Купянска. Точное место сброса: три костра, расположенных треугольником.

Полеты состоялись, но лишь во второй половине ночи. А вначале шел дождь, совершенно не было видимости. Погоду ждали, сидя в кабинах. Под чехлами. "Спи, - сказал Константинову Жуков, - пользуйся случаем. Первыми полетят Бекаревич со Слеповым, затем Ломовцев с Косаревым, и только потом мы. Не проспим. Услышим. Не услышим, техник разбудит".

Сказал и уснул. А Владимир не смог. Он действительно очень устал. Летают все время вместе, уже сделали более тридцати вылетов, но Жуков и спит хорошо, и ест с удовольствием. Константинов напротив - и аппетит неважный, и бессонница. Характеры у них разные. Для Жукова полет на боевое задание - работа обычная, для Константинова - работа напряженная. Жуков переживает опасность только тогда, когда он в воздухе, когда по нему стреляют, Константинов - и до полета, и после полета. Жуков на пробоину в плоскости смотрит с усмешкой: "Техникам работы прибавилось". Константинов с опаской: "Еще бы три сантиметра и пуля попала в кассету, могли подорваться на собственных бомбах..."

Жуков проснулся, слушает, спит или не спит Константинов. Убедился - не спит. Спрашивает:

- Бодрствуешь? - в голосе недовольство. Владимир вздохнул вместо ответа.

- Не вздыхай, твое настроение зависит только от тебя.

Владимир молчит, он знает, о чем пойдет разговор. Жукова это бесит, но он сдерживается, говорит спокойно, убедительно:

- С точки зрения друга твое настроение меня, конечно, интересует; с точки зрения командира меня интересует не настроение, а работоспособность. Откровенно скажу, твоя работоспособность меня беспокоит. Претензий пока еще нет, но если ты сегодня не съел свой ужин, а ночью не спал, и завтра не съешь и не будешь спать, твоя светлая голова будет плохо работать.

- Не беспокойся, Алеша, этого не случится.

- Где гарантия?

- Завтра я хорошо поем и даже выпью свои фронтовые сто граммов. Говорю вполне серьезно, слово даю.

- Ну вот, это дело другое, - удовлетворенно говорит Алексей.

После той ночи, когда погиб штурман Бибиков, Владимира будто подменили. Он затосковал, загрустил, стал плохо есть,

спать. Выматывала и напряженная боевая работа, полеты под огнем противника. "Ты выпей, говорил ему Жуков, - и все напряжение как рукой снимет. И поешь хорошо, и поспишь. А сон, сам понимаешь, лучший отдых". Раз сказал, второй. А в третий раз упрекнул: "Все люди как люди, только ты как красная девица". Причем, сказал это в столовой, в присутствии всех. Владимир обиделся: "Я от кого-то слышал, что немецкие солдаты в атаку ходят пьяными..." Жуков спокойно разъяснил:

- Правильно, ходят, я тоже где-то читал. А вот сравнение, прямо скажу, неудачное. Их поят перед атакой, перед боем. Дурманят, чтобы храбрее были, безрассуднее. Нам же дают после полетов, после боев и только сто граммов. Чтобы снять нервное напряжение, возбудить аппетит. Улучшить сон. И не просто так дают, а па приказу наркома обороны.

Дождь постепенно утих, поднимается облачность, улучшается видимость. А ночь уже подходит к концу, скоро забрезжит рассвет. И вдруг ракета: сигнал на вылет. Сразу все ожило. Послышались команды, зарокотали моторы, на старт порулили самолеты. Первым взлетел экипаж Бекаревич-Слепов, затем Ломовцев Косарев, третьим Жуков и Константинов. Временной интервал между самолетами пять минут.

- Курс двести десять! - командует Владимир.

Временами мимо кабины мелькают одиночные трассирующие пули, пулеметные очереди. Самолет идет низко, высота облаков всего четыреста метров.

Проходит двадцать минут, и вот уже видна линия окружения, внутри которой находятся наши войска, а с внешней стороны - немецкие. Между ними идет перестрелка, Трассирующие пули и снаряды фейерверком летят с той и другой стороны.

И вдруг впереди, там, где идет перестрелка, начинают бить "эрликоны". Трассы тянутся вверх, к невидимому в темноте самолету.

"Эрликоны" - страшный враг самолетов до высоты двух тысяч метров. Спаренные и счетверенные, смонтированные на турельных установках, приводимые в движение небольшим, но сильным мотором, они легко вращаются на триста шестьдесят градусов и бьют очень кучно и точно. Снаряды калибром двадцать миллиметров, снабженные самоликвидаторами, взрываются, пролетев две тысячи метров. Даже не встретившись с целью, но разорвавшись невдалеке, они поражают ее своими осколками, имеющими большую убойную силу.

В отличие от снарядов других зенитных орудий снаряды "эрликонов" трассирующие, разноцветные, чаще ярко-оранжевые. Ведя огонь по самолетам, немцы используют трассу для

прицеливания. Применяют "эрликоны" и в сочетании с прожекторами: направляют огонь по лучу, "схватившему" цель. Но на этом участке фронта прожекторов, очевидно, нет, и самолет, по которому в эту минуту бьют "эрликоны", не виден.

- Что это, Володя? - беспокоится Жуков.- Неужели кто-то из наших?

До невидимого в темноте самолета еще пять-шесть километров. Судя по направлению трасс и по тому, как они все больше клонятся к земле, можно понять, что самолет идет на нашу территорию и при этом резко снижается. Но вот трассы угасли. Очевидно, самолет или ушел от обстрела, или упал.

- Больше некому, Леша, - отвечает Владимир.- Скорее всего Бекаревич, а может, и Ломовцев, сейчас трудно сказать.

Владимир смотрит вперед и вниз на линию соприкосновения наших и вражеских войск. Наиболее интенсивный огонь - прямо по курсу и справа. Слева, на юге, огня значительно меньше. Местами нет вообще. С высоты эти места будто темные коридоры. "Очевидно, там кольцо окружения еще не замкнулось", - думает Владимир и принимает решение: оттуда, с юга, и надо заходить на костры.

- Леша, держи левее, обойдем эту огненную карусель, на цель выйдем с юга.

Они вышли в район цели. По пути их обстреляли, но издали, со стороны. Они не сразу нашли место сброса мешков. Пришлось походить, поискать. Три костра - условный сигнал - оказались в лощине, и с малой высоты, когда обзор ограничен, увидеть их было непросто. Начинался рассвет, и Владимир обнаружил их по уже заметным дымам.

Сбросив мешки с высоты около ста метров, экипаж развернулся на северо-запад, в направлении, где меньше огня, где не так интенсивна перестрелка между нашими и вражескими войсками. И все-таки их обстреляли. Самолет был заметен на фоне начавшего светлеть неба, и трассы огня шли прямо в него. Пришлось маневрировать, бросать самолет по высоте и курсу. Возвратившись на свою полевую площадку, Владимир спросил подошедшего техника:

- Бекаревич и Ломовцев пришли с боевого задания?

- Бекаревич пока еще нет, - ответил техник.- Ломовцев пришел. Ранен. Отправлен в госпиталь.

Ломовцев и Косарев пришли на избитой до предела машине. На подходе к линии соприкосновения попали в огонь "эрликонов". Маневрировать было трудно, мешал плохо обтекаемый груз. Самолет был изрешечен. Один снаряд, пробив центроплан, разорвался над кабиной летчика. Осколки изранили ему грудь,

руки, выбили левый глаз.

Но Ломовцев не дрогнул, не повернул вспять. Он понимал, как трудно нашим бойцам без боеприпасов, медикаментов, продуктов. Истекая кровью, он все же вышел на костры. И только тогда, когда штурман сбросил груз, Ломовцев взял курс на свою территорию. Когда самолет проходил над линией соприкосновения, немцы вновь обстреляли его. Но Ломовцев уже не маневрировал, не было сил. Он направил машину вниз и шел по прямой до бреющего. Это и спасло. Ему помогал Косарев, он немного умел пилотировать. Так, помогая друг другу, они дошли до Куриловки, приземлились, подрулили к командному пункту. Собравшись с силами, Ломовцев вышел из кабины, доложил генералу о том, что боевое задание выполнено, и упал без сознания.

- Значит, это их мы и видели, - говорит Константинову Жуков.- Знаешь, почему мы вернулись живыми и невредимыми? Потому что на цель выходили не прямо, не с востока, а с юга. Благодаря тебе, Володя.

На следующую ночь они опять возили мешки. Теперь уже с минами. Зениток и прожекторов не было, но огонь "эрликонов" был очень плотным. Спасала темнота, кроме того, экипажи ходили высоко, около тысячи метров. Снижались спиралью непосредственно над кострами. Мешки сбрасывали с высоты сто метров. При свете луны хорошо было видно окопы, траншеи.

И еще одна ночь, третья, последняя, когда возили мешки. На этот раз в них были снаряды. Опять били "эрликоны". Прорвавшись сквозь огонь, экипаж Жукова вышел на Лозовеньку, затем на костры. Мешки сбросили с высоты пятидесяти метров, даже немного пониже. Они упали у самых костров. Выпустив ракету, Владимир увидел, как туда бежали наши солдаты.

- Держитесь, друзья! - крикнул он что было силы.

Это был их последний полет на транспортировку грузов. Через несколько дней стало известно, что войска из окружения вышли.

"Дорогая сестренка, - пишет Владимир Тамаре, - вот я и воюю. Совсем по-иному все себе представлял. Фронтовики, встречаясь до этого с нами, говорили прежде всего о тактике - и правильно делали, - но никто ничего не сказал о чувствах и нервах, о том, как надо бороться с самим собой и долго ли продлится такое состояние, когда ничего не идет на душу - ни сон, ни еда. Конечно, не все одинаково чувствуют, одинаково переживают. Например, командир мой на задания ходит, как на работу, - спокойно, уверенно. И я в воздухе не теряюсь, соображаю, и делаю все что положено, и даже неплохо, а после полетов ни

поесть не могу, ни уснуть.

Троих уже потеряли. Это ужасно, терять товарищей. Сегодня ты видел его, вместе с ним завтракал, и сегодня его не стало... Воюем мы хорошо, нас хвалят, объявляют нам благодарности".

Аэродром Тимоново по-прежнему остается основным для полка майора Хороших. Хутор Портянкин - аэродромом подскока. В Куриловке сидеть уже небезопасно, немецкие войска наступают. Направление - Донбасс. Через Изюм, Славянск, Краматорск.

Полку поставлена задача: разведать дороги восточнее и юго-восточнее Харькова и прилежащие к нему населенные пункты: Рогань, Чугуев, Печенеги. Там противник скапливает силы, оттуда началось его наступление.

- Идем в самое пекло, - говорит Жуков.

Владимир молчит, только согласно кивает. Молча кладет в кабину четыре светящие бомбы и четыре осколочные. "Леша, я готов..." Жуков взлетает, выходит на участок дороги Котовск - Старый Салтов - Непокрытая - Харьков. Владимир внимательно смотрит вниз. Пока ничего особенного, отдельные автомашины, идущие к линии фронта и обратно. Ночь лунная, видимость хорошая, высота семьсот метров.

Подошли к восточной окраине Харькова. Здесь темнее - с запада натекает облачность, прикрыла луну. Владимир бросает светящую бомбу. На участке дороги Непокрытая - Харьков видны отдельные автомашины.

Осветили шоссе Харьков - Рогань, увидели колонны автомашин и танков, идущих из Харькова. Подойдя к Рогани, попали будто в огненный ад. Шары "эрликонов" мелькают мимо машины, взрывные волны зенитных снарядов швыряют ее с крыла на крыло.

- Маневрируй, Леша! - кричит Владимир. Просто так кричит, на всякий случай, ибо Жуков уже маневрирует, резко меняет курс и высоту. Владимир бросает светящую бомбу, за ней летят четыре осколочные, листовки. Освободившись от груза, Владимир хватается за пулемет, начинает стрелять.

Потом он осветил дорогу между Роганью и Чугуевом, обнаружил колонны моторизованных войск. И снова, несмотря на огонь с земли, считал и записывал количество машин, направление их движения, время...

Подошли к Чугуеву. Облачность все ниже и ниже. Высота четыреста метров. Темно. Жутковато: вдруг подобьют. С такой высоты далеко не спланируешь, тут и упадешь, - прямо в лапы к фашистам. Но на сердце уже полегче: Харьков позади, огонь вроде бы поутих... И вдруг перед самым мотором - трассы красных шаров "эрликонов". Жуков, чтобы не ткнуться в трассу,

непроизвольно убрал газ - сработал инстинкт самосохранения, - но так резко, что мотор чуть не заглох. В тишине Владимир услышал резкие, будто удары бича, хлопки: невдалеке от машины рвались снаряды.

Когда прошли Чугуев, сзади ударили лучи прожекторов. В ярком, слепящем свете засверкали плоскости, воздушный винт, межкрыльевые стойки, расчалки. Даже сам воздух. Кажется, все охватил огонь. Но ни летчик, ни штурман не растерялись. Жуков, дав мотору полную мощность, пошел со снижением. Владимир, повернувшись в кабине навстречу слепящим лучам, схватился за пулемет, начал стрелять. Уходя от прожекторов, внезапно попали в зону разрывов снарядов "эрликонов" - ярких, сверкающих, как фейерверк, вспышек. "На Чугуевский аэродром выскочили", - догадался Владимир и пожалел, что не было больше светящих авиабомб. Но ничего, раз аэродром защищен, значит, на нем есть самолеты. Так он и доложит после разведки.

Выйдя из зоны зенитных установок и прожекторов, взяли курс на Печенеги, пошли с набором высоты. Населенный пункт, оказавшийся на линии фронта, горел.

Результаты разведки Жуков и Константинов доложили начальнику штаба полка. Возвратившись к самолету, осмотрели его вместе с механиками. В плоскостях, фюзеляже, хвостовом оперении насчитали более десятка пробоин.

- Легкие ранения, - пошутил летчик, - жизненно важные места самолета не задеты. Можно сказать, отделались легким испугом.

- Новая боевая задача: воздушный налет на центральный харьковский аэродром Сокольники. Временной интервал между самолетами - три минуты. Первым взлетает сержант Панферов со штурманом младшим лейтенантом Гаркушей, вторым - Жуков с Константиновым...

Так сказал командир полка, и Владимир почувствовал, как засосало под ложечкой, а по спине побежал холодок. Сокольники - это огненный ад, это кольцо прожекторов и зениток вокруг аэродрома. Там лучи постоянно шарят по небу, постоянно стреляют зенитки, подкарауливают наши бомбардировщики, совершающие налеты на фашистский аэродром. Владимир не раз видел их горящих и падающих. Думал: неужели и нам придется летать в это пекло? И вот пришлось...

Получив задачу, они идут к своему самолету. Идут не спеша, думают.

- Леша, - говорит Владимир, - заберемся повыше. Запас высоты не помеха. Чем выше, тем меньше сила света прожекторов, тем меньше вероятность попадания зениток. Наберем тысячу метров, на цель зайдем с приглушенным

мотором. После бомбежки сразу пойдем на массив леса, зениток там, наверное, нет. Потом возьмем курс на восток. Возьму пару светящих авиабомб. Для освещения цели они не понадобятся, я сброшу их, когда нас осветят прожекторы.

Жуков молча кивает: согласен.

И вот они в воздухе. Высота тысяча метров, а до Харькова еще километров пятнадцать.

- Леша, давай повыше. Набери еще метров двести.

До цели осталось полтора-два километра. Владимир видит аэродром, видит на нем огни - фары снующих автомашин. Идет работа, подготовка к вылетам. Поспешно через борт выбрасывает листовки. Пусть их читают немецкие солдаты, одурманенные Геббельсом!

- Леша! Держи немного правее... Так, хорошо. Планируем!

Впереди вспыхнул прожектор, поднялся яркий луч, зашарил по небу. За ним второй, третий, четвертый... В одном из лучей вдруг засветился У-2. "Машина Панферова", - подумал Владимир. К ней потянулись другие лучи, и вот она уже в их перекрестии, вокруг засверкали взрывы снарядов зенитных орудий.

Владимир видит, как маневрирует летчик, как штурман сбросил светящую бомбу, но бесполезно, прожекторы держат цепко, "эрликоны" бьют точно. Самолет идет уже по прямой, со снижением, его сопровождают огнем.

- Куда он пошел?! - кричит Жуков.- Почему на запад?

- Леша! Он не идет, он падает...

В самом деле, самолет планирует все круче и круче, вот он уже пикирует, кренится влево. И не видно, чтобы летчик пытался вырвать его из падения. Все ясно: пилот или убит, или ранен. Самолет ушел во тьму, будто в воду канул, - ни вспышки, ни дыма.

Владимир смотрит вперед. В лунном свете вырисовывается овал аэродрома, угадываются самолетные стоянки, капониры, в которых укрыты машины.

- Леша! Левее держи. Левее...

Владимир бросает бомбы. Серией - четыре ФАБ-50 одну за другой. Внизу, там, где стоят машины и мелькают огни, полыхнули четыре взрыва. И сразу поднялись прожекторы, зашарили по небу.

- Леша! Разворотом вправо на север!

Владимир одну за другой бросает светящие бомбы. Самолет, резко снижаясь, несется курсом на север, во тьму. Скорость растет. Гудят ленты-расчалки. Вибрируют плоскости. Лучи машину было настигли, но сразу же потеряли. "Эрликоны" стреляли мало.

- Вот она, Леша, тактика! - кричит Владимир.- Кстати пришлась, помогла.

Верно, тактика помогла. Когда экипаж уносился курсом на север, над фашистским аэродромом появился еще один самолет, третий после Панферова и Жукова. Он и отвлек внимание зенитчиков. И это была тактика, прием, продуманный майором Хороших. Так экипажи и помогали друг другу: второму третий, третьему - четвертый...

Однако во втором вылете ранее взятый ритм не выдержали, принцип беспрерывного воздействия на противника нарушили. Кто-то, идущий перед экипажем Жукова, или взлетел ранее назначенного времени, или держал большую, чем положено, скорость, и когда Жуков с Константиновым подошли к аэродрому, над ним никого уже не было. Понятно, что внимание прожектористов и зенитчиков было приковано к восточному сектору, к тому самолету, который должен оттуда появиться. И только случай помог экипажу выйти на цель раньше, чем их осветили прожекторы, сбросить бомбы раньше, чем открыли огонь зенитки.

Этот случай - взлетающий с аэродрома фашистский

бомбардировщик. Гул его мощных моторов заглушил слабый рокот самолета У-2, подошедшего с востока. Владимир, увидев огни, бегущие по взлетной полосе, решил по ней и ударить, вывести ее из строя, помешать взлетать очередным самолетам. Но едва он успел сбросить серию бомб, как все вдруг заблестело, слепящие лучи ударили, будто физически, ошеломили. И тут же послышались взрывы снарядов зениток, замелькали шары "эрликонов".

Страх сжал сердце, парализовал волю. Но лишь на мгновение. Владимир сразу взял себя в руки, сосредоточился. "Леша! Разворот вправо!"

Штурман четко ощущал маневры машины: влево, вправо, вниз, вверх... И вдруг что-то новое, непонятное. Его то вдавливает в сиденье, то отрывает от него, то прижимает к борту... Луна появляется то справа, то слева, то снизу...

Догадка сжимает сердце: летчик потерял пространственную ориентировку, самолет беспорядочно падает. А вокруг мелькают шары "эрликонов", приглушенно хлопают взрывы снарядов. Бьется в сознании: "Сейчас попадут... Сейчас загоримся... Сейчас..."

- Леша! Держи на север!

Владимир знал, что их самолет находится на окраине аэродрома, знал, что дальше, на север, прямо от границы аэродрома, простирается спасительный лес, там нет зениток, и считал, что именно туда и надо уходить от огня, от прожекторов. И надеялся, что летчик удержит машину, не даст ей упасть, выведет ее из зоны обстрела Но летчик был ослеплен, и неуправляемый самолет то неуклюже лез вверх, то скользил вниз, то вращался через крыло, неотвратимо снижаясь...

Их спас случай. Немцы, очевидно, посчитали, что с ними покончено, что летчик убит и самолет вот-вот разобьется. По мере его снижения прожекторы гасли, сначала отдаленные, потом и те, которые были ближе. Вот наконец последний луч погас, самолет оказался в темноте. И летчик "прозрел", садаптировался. Владимир вдруг почувствовал, как заходили педали ножного управления, как ожила и двинулась в сторону ручка, увидел, как самолет постепенно выровнялся, пошел по прямой, набирая скорость.

В горизонтальный полет они вышли над самыми верхушками деревьев...

"Мы спасены", - подумал Владимир, постепенно приходя в себя, оправляясь от потрясения. До последнего мгновения он ждал удара о землю.

s Володя, ты жив? - слышится голос Жукова.

- Жив, - отвечает Владимир, - а ты как, не ранен?

- Да нет, вроде бы все нормально, - говорит Жуков и предполагает:- А самолет у нас, наверное, как решето.

Когда они возвратились, в самолете не оказалось ни единой пробоины.

Кончилась весна, пришло лето. Полк продолжал совершать налеты на харьковский аэродром. В первую июньскую ночь Жуков и Константинов сделали три вылета. В первом что-то подожгли, самолет или бензозаправщик. Горел сильно, ярко и долго. Так говорили прилетающие экипажи. Огонь зениток немного ослаб, стал не таким интенсивным и плотным. Очевидно, часть боевой техники ушла с наступающими войсками фашистов.

Налеты на аэродром чередуются с вылетами на разведку - нужны данные о продвижении войск противника, с полетами на бомбежку его живой силы и техники, складов с горючим и боеприпасами. В район Кочеток, Пятницкое, Тетлега Жуков и Константинов сделали три вылета, взорвали склад боеприпасов.

В ночь на 4 июня с боевого задания не вернулись два экипажа: летчик Дунин со штурманом Михеевым, другом Владимира, и заместитель комэска Заплаткин со штурманом

Кувичко...

10 июня полк распрощался со старым, обжитым аэродромом хутор Портянкин, к нему приближалась линия фронта. Утром после ночной работы собрались в столовой. Вспоминали погибших: Панферова и Гаркушу, Дунина и Михеева, Заплаткина и Кувичко. Ничего не известно о Шибанове и Маркашанском. Может, погибли, а может, еще придут... Настроения не было. Есть не хотелось. Косарев отодвинул на середину стола свои фронтовые сто граммов, предложил:

- Пейте, кто хочет...

Все промолчали. Никто не хотел. Владимир улыбнулся: "Жаль, Слепова нет, он бы это дело так не оставил. Но он еще придет. Он еще выпьет... Поднимет нам настроение...".

- Слепов уже не придет, - тихо сказал Косарев.

- Как это не придет? О Бекаревиче и Слепове ничего не известно. Или уже известно? - спросил Константинов.

Он действительно все эти дни ждал, что Слепов вот-вот появится, и именно к ужину. Войдет и скажет своим хрипловатым басом: "Привет, друзья! Признавайтесь, кто все это время пил мои фронтовые?"

- Давно известно, Володя, - сказал Косарев, - они же сгорели. У меня на глазах. И Ломовцев видел...

После ужина, когда пришли на стоянку, начался дождь и продолжался до рассвета. Надо улетать, спасать самолеты, а облачность опустилась до верхушек деревьев. Утром дождь немного утих, улучшилась видимость, и командир принял решение: лететь. Летчики и штурманы полетели, а техники и все, кто не летает, пошли пешком. Их повел штурман Морковкин.

- Встретимся в Тимоново, - сказал ему командир и пожелал доброго пути.

В сердце - горе и гнев

Беда пришла неожиданно. Из части, в которой служил Василий, прислали письмо. Сообщили, что политрук Лазарев при посадке на подбитой машине потерпел аварию, в тяжелом состоянии отправлен в госпиталь в Пермь.

Тамара едет в Пермь. Поезд идет медленно, подолгу стоит на разъездах, пропуская воинские эшелоны. Мимо окон вагона проплывают лесные массивы, станции, переполненные народом. Война... Воспоминания о прошедшем и греют, и холодят, и бередят все наболевшее.

...Осень 1940 года. Василий учился в авиашколе, писал, что очень скучает по дому, по Верочке, а больше всего по Тамаре. Хорошо, если бы она была рядом. Теоретические занятия у него закончились, экзамены сданы, теперь он летает. Полеты идут

через день, чередуются с днями предварительной подготовки. Вечерами он свободен, если не назначен в наряд или на дежурство. Может, Тамара приедет? В аэроклубе сейчас особенно делать нечего. Группу она выпустила, новый набор будет заниматься теорией. Полеты начнутся в мае. А до мая она свободна. Командирские занятия? Они же проводятся не часто, от силы три раза в месяц. Потом наверстает упущенное. Пусть Тамара поговорит со своими начальниками, писал Василий, может, пойдут навстречу, отпустят.

Тамара пришла к командиру отряда, показала письмо. Мельников помолчал, подумал, оценивая сложившуюся ситуацию. Тамара не проронила ни слова, зная, убеждать бесполезно, просить тоже. Как он решит, так и будет. А решит он обязательно правильно. Вот уже и решил: разгладились складки на лбу, залучились в улыбке глаза.

- Надо, Константинова, ехать. На два-три месяца. Потребуешься раньше, вызовем.

И Тамара поехала.

Недели две она жила безмятежно, счастливо. Осень была уже поздняя, но погода стояла хорошая, сухая. Вечерами Василий и Тамара бродили по городку, говорили о доме, о Верочке, Чувства добрые и светлые, навеянные тишиной и покоем, охватывали душу, будили воспоминания. Конечно, если муж и жена летчики, если оба не мыслят жизни без неба, то разговоры о полетах и самолетах не сходят с уст, нескончаемы. Вспоминали старых друзей, говорили о новых, Тамара - о тех, с кем вместе летает в Калинине, Василий - о тех, кто здесь, в авиашколе.

А дни Тамара коротала одна. И хоть мысленно была вместе с Василием, представляя его то в классе, то на стоянке крылатых машин, то в воздухе, все равно скучала и не знала куда деться от скуки, чем заняться. И это естественно. Человек, привыкший к труду, постоянным заботам о службе, доме, семье, она не могла быть без дела, и Василий это заметил.

- Тоскуешь? - спросил он однажды, и сразу предупредил: - только не отнекивайся, я вижу. И понимаю. Жил бы я не в казарме, питался бы не в столовой, у тебя бы забот хватало, а что надо одной, много ли? Получается, время теряешь бесцельно...

- Хочешь, чтобы я вернулась домой? - обиделась Тамара. Василий улыбнулся:

- Другого хочу. Чтобы ты поступила учиться. На курсы медсестер, например.

Прав, конечно, Василий, без дела сидеть нельзя. Но зачем же ей быть медсестрой, если она летчик? Тамара так и сказала, недоуменно пожав плечами.

- Пока что летчик, - мягко поправил он и улыбнулся: - но после учебы меня могут назначить туда, где нет никакой ааиации, кроме военной. Твои знания и опыт пилота-осоавиахимовца не пригодятся. А медсестры нужны везде. В любой гарнизонной санчасти.

Тамара задумалась: она не представляла себя без полетов, без авиации, но Василий действительно прав, кто знает, куда назначат его после авиашколы.

И Тамара поступила на курсы медицинских сестер. Написала об этом в аэроклуб, Мельникову. Получила ответ: "Василий прав, Константинова, учитесь".

Война во все внесла свои коррективы. Окончив авиашколу, политрук Василий Лазарев был назначен в истребительный авиаполк заместителем командира эскадрильи по политчасти. Полк расположен под Ленинградом. Тамара с мужем не поехала, осталась заканчивать учебу. Потом, как военнообязанную, военкомат направил ее в Закавказье, в полк, только что сформированный из летчиков и самолетов Гражданского воздушного флота. Тамара написала рапорт, просила, чтобы ей разрешили летать, тем более что в полку были самолеты У-2. Не разрешили. Ведь ее знали в полку не как летчика, а как медсестру, и работать она должна именно медсестрой. Таков был ответ на ее рапорт.

Тамара написала в аэроклуб о новой своей работе, о тех обстоятельствах, в которых она оказалась. Понятно, она добросовестно работает там, где ей предназначено, но она летчик, она может летать, готовить пилотов для фронта, и она возвратится, если аэроклуб поможет ей в этом. Ответил Мельников: возвращаться нет смысла, пилотов-мужчин, инструкторов аэроклуба призывают в Военно-Воздушные Силы, часть самолетов аэроклуб передал в полки фронтовой авиации...

Как-то раз в санитарную часть зашел начальник штаба полка, осмотрел помещение, обратил внимание на чистоту и порядок, похвалил Тамару.

- Я здесь ни при чем, - застеснялась она, - нас здесь трое.

- Верно, три медицинских сестры, - подтвердил начальник и пожаловался: - А врачей нет. И неизвестно, когда будут. Подумали мы, посоветовались с командиром и комиссаром и решили, что вы из сестер самая серьезная, самая знающая и самая активная. Короче говоря, товарищ Константинова, мы назначили вас врачом, точнее, временно исполняющей обязанности врача. Так что беритесь за дело.

- Какой же я врач! Как же я буду лечить людей? - испугалась Тамара.Это же такая ответственность!..

- Верно, дело ответственное, - согласился начальник штаба, - а лечить будете так, как и лечили. По сути дела, вы и действовали как врач, только не официально, без приказа. Теперь будете по приказу.

И Тамара стала врачом авиачасти. Она лечила механиков, техников, проводила медицинский осмотр летчиков перед полетами, следила за санитарным состоянием казарм, столовой, складских помещений, готовила в помощь себе команду солдат-санитаров. Работы, заботы захлестнули ее, закрутили.

Но в душе Тамара так и осталась летчиком. Дежуря на старте, с завистью смотрела она на пилотов, получающих указания перед полетами, расходящихся потом по своим самолетам, выруливающих на старт, взлетающих... ...А время шло, неделя за неделей, месяц за месяцем. Уже миновала опасность, нависшая над столицей Отчизны. Враг, потерпев крупное поражение, покатился на запад. Наступая, наши войска освобождали город за городом: Солнечногорск, Клин, Истру, Волоколамск. Освободили и Калинин, родной город Тамары.

Город разрушен, разграблен. Но родные все живы. Жива Верочка. Съездить бы к ней, посмотреть на нее. Хотя бы на день отпустили, на час, на минуту... "Нельзя! Не время ехать домой, Константинова". Нет, это не

командира слова, не начальника штаба. Это ее слова. Это она так сказала сама себе.

Стало известно, что полк вылетает на фронт, и в самое ближайшее время. Как долго этого ждали пилоты, механики! Как долго ждала Тамара! Как только придет приказ на перелет, она сразу напишет Василию, сообщит новый адрес. Только куда их направят? Вдруг под Ленинград. И на тот же аэродром, с которого летает Василий. Вот будет встреча! И вдруг:

- Берите расчет, Константинова. Улетаем. Строго приказано: гражданских с собой не брать. Начальник штаба умолк, постоял у порога, тихо добавил: Не от нас это зависит, Тамара. Не плачьте. Успокойтесь. Поедете домой, увидите дочку. А работа найдется. Люди нужны везде. Война. Может, еще и летать будете.

...Вот наконец и Пермь. Вот госпиталь. Тамара входит в палату, небольшую, но довольно просторную, светлую, где лежат, как ей сказали, "особо тяжелые". Зная, что у Василия обожжены руки, лицо и грудь, она невольно подумала: "Вдруг не узнаю его, забинтованного? Буду его искать, а он будет смотреть и видеть мое замешательство". Только подумала и сразу увидела. И сразу пошла к нему, тихо, осторожно, с замирающим сердцем.

Василий лежал на койке прямой, непривычно тихий, беспомощный. Руки, грудь и лицо - все открыто. Над ним

возвышался прозрачный колпак. Но Тамара видела только лицо. Лицо было рядом и вызывало такое смятение, что она отшатнулась. Оно было страшным, бугрилось рубцами черных ожогов. Огонь перепахал его с ужасающей тщательностью. Без единого огреха. На лице жили только глаза, спасенные летными очками. Глаза напряженно смотрели вверх, в потолок, высокий и свежепобеленный. Но глаза не отозвались ни на взгляд Тамары, ни на зов.

Через несколько дней к Василию вернулось сознание. Тихо и неожиданно. Тамара сидела у постели, читала книгу, а может, и не читала, просто думала. И вдруг почувствовала, что на нее смотрят. И смотрит именно он, Василий. Еще не веря, она выждала секунду-другую, затем подняла глаза и встретилась с его взглядом.

- Здравствуй, - сказал он и улыбнулся. И сразу спросил: - Я очень страшен?

Очевидно, он помнил, что с ним случилось, или понял это теперь, чувствуя боль руками, грудью, лицом.

- Нет, ты не страшный, - убежденно сказала Тамара, - ты красивый. Подлечишься и будешь еще красивее.

Сказала и твердо в это поверила.

Это были первые сказанные ими слова. Потом они говорили много, им было о чем говорить, вспоминать. Она читала ему книгу, а несколько позже письма, приходящие из дома, рассказала об автошколе. Да, она теперь занималась, училась на шофера. Узнав, что Василий пробудет в госпитале долго, Тамара решила учиться.

- Ну что ж, это неплохо, - согласился Василий.- Пригодится.

- Обязательно пригодится, - подтвердила Тамара.- Не летчиком, так медсестрой буду работать, не медсестрой, так шофером. Война, все специальности нужны.

Так и шло время: полдня она занималась в школе, а полдня сидела с Василием, ухаживала за ним, помогала медсестрам, санитаркам. На ночь оставаться было уже не нужно: ожоги постепенно заживали, здоровье улучшалось.

- Скорее бы, - обрадовался Василий, когда врач однажды сказал, что скоро разрешит ему подниматься.- Сначала буду ходить, а там, глядишь, и летать разрешат, снова поеду в полк, к ребятам. Снова воевать буду, фашистов бить.

- А я куда? - забеспокоилась Тамара. Она уже так привыкла к этой жизни, наполненной до предела заботами, переживаниями, что иной даже не представляла. И глядя на нее со стороны, можно было подумать, что она, как и другие медсестры, здесь работает и работала раньше, и что не она приехала к мужу, а он по стечению

обстоятельств попал в этот госпиталь.

- Как куда? - переспросил Василий и ответил: - Домой, к Верочке.

- Нет, - решительно сказала Тамара, - домой я не поеду. Я поеду с тобой. Есть же в полку и медсестры, и девушки-шоферы. Сам говорил. Правда, они все военные, но и я стану военной, а ты мне в этом поможешь. Зачем же нам расставаться, если можно служить вместе? Так и будем до конца, до победы.

Он согласился:

- Хорошо, пусть будет по-твоему.

Но судьба распорядилась иначе. Не пришлось им вместе служить, воевать, защищать от врага свое счастье. Василий уже поднялся, уже ходил по палате. Уже говорил с врачом, беспокоился, дадут ли ему летать. Радовался, успокоенный, обнадеженный. И вдруг ему стало хуже. Неожиданно, резко. Они стояли у окна, смотрели на улицу, на ясный солнечный день.

- Темно!..- сказал вдруг Василий и пошатнулся. Тамара подхватила его, довела до постели, уложила.- Почему же темно? Неужели что-то с глазами? обеспокоенно спрашивал он. Но вскоре затих, забылся и больше в сознание не приходил. Умер через два дня, на глазах у Тамары.

- Глубинная опухоль мозга, - сказал ей врач, - результат удара и сильных ожогов.

После похорон мужа Тамара была будто во сне. Утром вставала, одевалась, убеждая себя, что все это страшный сон, что Василий не умер, что ей надо идти в госпиталь, надо его проведать, узнать, как он там, как себя чувствует, в чем-то помочь ему. Очнувшись, садилась к окну, безмолвно смотрела на улицу, думала. Перед глазами одна за другой возникали картины прошлого.

Правду говорят: от судьбы никуда не уйдешь. Сравнишь ли Калинин со Скопином? По величине, по количеству предприятий, учебных заведений? По красоте? Одна Волга чего стоит! Или в Калинине не было техникумов? Были. Однако Тамара уехала в Скопин. Оставила семью и уехала...

Семья жила трудно. Кроме Тамары было еще двое детей: братишка Володя и сестренка Августа. Отец, Федор Константинович, часто болел, а в начале тридцать седьмого года умер. Забота о детях легла на плечи матери, Зинаиды Михайловны, больной женщины, бывшей учительницы. Все надежды возлагала она на Тамару, на старшую. Ждала, когда подрастет, начнет зарабатывать. Хотя бы немного, хотя бы для себя. И вот Тамара в Скопине, учится, получает стипендию, живет самостоятельно.

Через год ей предложили работать в школе ликбеза, обучать взрослых. Она согласилась. Потом ей дали детей, третьеклассников. Занималась и с ними. В это время и познакомилась с Василием, монтером электростанции. Вскоре они поженились, и у них родилась Верочка. Ребенок - это и радость, но это и новые заботы, и новые трудности. Из школы пришлось уйти. Пришлось перейти на другую работу - секретарем-машинисткой на электростанцию. Но зато решилась проблема с Верочкой: идя на работу, ее брали с собой.

...Однажды Василий сказал, что в Скопине, как и во многих других городах, открылся аэроклуб, что в него набирают курсантов и что он хочет учиться. Теоретический курс будет проходить вечерами, после работы.

Тамара поняла, что здесь не только желание, но уже и решение, раз и навсегда принятое. А он, как бы в подтверждение ее мыслей, вытащил из-под кровати чемодан, взял из него газету, посмотрел и стал говорить, что в мире сейчас неспокойно, что фашисты бомбят города Испании, что фашистская авиация несет народам войну, разрушения, смерть, гибель их культуры...

Он говорил так горячо и убедительно, что Тамара невольно залюбовалась им. Похвалила: "Ты у меня как комиссар...". Он улыбнулся, спросил:

- А может, вместе будем учиться?

Она поняла, что и это уже продумано. С беспокойством посмотрела мимо его плеча, туда, где стояла кроватка. Что делать с Верочкой? Она еще крошка. Он успокоил:

- В Калинин отвезем к бабушке. Она же все время просит.

Верно, Зинаида Михайловна беспокоилась о Верочке: какая Тамара мать, если ей всего девятнадцать. Кроме того, работает и своего угла не имеет.

- Иного выхода нет, - согласилась Тамара. И улыбнулась: - Покажи, комиссар, газету. Скажи, чьи слова ты так хорошо повторял.

Это была "Правда", а в ней выступление трех героических женщин: Полины Осипенко, Валентины Гризодубовой и Марины Расковой. Выступление перед их беспосадочным перелетом по маршруту: Москва - Дальний Восток. Тамара отметила:

- В принципе ты сказал то же самое, но своими словами и, честно говоря, не плохо.

...И вот Василия нет. Осталась Верочка. Одна из тысяч сирот, отцы которых погибли на фронте. "Будь проклята эта война! Будь проклят фашизм, несущий народу смерть, несчастья, лишения", - думает, заливаясь слезами, Тамара.

Через несколько дней она пришла в военкомат с

окончательным, твердым решением. Она должна быть на фронте. Она должна воевать - защищать свою Родину, мстить за Василия, за всех погибших и обездоленных, за поруганную землю. Так она думала, так и сказала военкому.

- Какая у вас специальность? - спросил он.

Узнав, что Тамара летчик-инструктор, покачал головой:

- Это, конечно, хорошо. Но летчиков сейчас много, а самолетов не хватает. Летать не на чем.

- Могу быть медсестрой, машинисткой при штабе, шофером... Кем угодно, только пошлите на фронт. И Тамара стала солдатом, шофером.

В большой излучине Дона

Противник, тесня наши войска, подходит к реке Оскол. Полк майора Хороших получает боевую задачу бомбить переправу у пункта Пятницкое-Осколище. Взлетели и Жуков с Константиновым. Ночь. С высоты семьсот метров река будто свинцовая лента, серая, тусклая, но видна отовсюду, с любой стороны. А переправа на ней как нитка, искать надо, чтобы увидеть. Попасть в нее трудно, почти невозможно. Кроме того, она прикрыта сильным зенитным огнем, прожекторами.

Для бомбометания по переправе заход надо строить не точно вдоль нее, а под небольшим углом, градусов двадцать - тридцать. Тогда линия падения бомб пройдет не правее или левее переправы, а обязательно пересечет ее. Не исключено, одна из бомб может попасть и в цель.

Как и другие, действуют Жуков и Константинов. Зашли под углом справа, осветили цель, сбросили бомбы. Наблюдают четыре всплеска воды. Два правее переправы, два левее.

- Командир! Мимо! - кричит штурман.- Все бомбы в воду.

Возвратились на аэродром, сели. Пока механики готовят самолет к повторному вылету, летчик и штурман разбирают первый, ищут ошибку в своих действиях.

- Велико расстояние между точками падения бомб, - говорит Константинов.- Расстояние примерно сорок метров, а ширина переправы десять - двенадцать.

- Надо чаще сбрасывать бомбы, - делает вывод Жуков, - с минимальным временным интервалом.

- А как же еще? - сердится Владимир.- Так я и бросаю.

Чаще уже не получается. Может, зайти под меньшим углом? Второй вылет. Зашли на цель. Осветили. Сбросили. Результат тот же: все бомбы в воду. До боли обидно.

- Ничего не понимаю, - говорит после посадки летчик, - все делаем так, как и положено, а переправа целехонька.

Подошел Косарев, послушал разговор между летчиком и

штурманом, усмехнулся:

- Чудаки. Вы что, не знаете, какая здесь вероятность попадания? Ничтожнейшая! Не только вы "мажете". Сколько бомб сброшено, а переправа как стояла, так и стоит.

Третий вылет. По пути к цели Константинов говорит летчику:

- Леша! Это же преступление делать вылет за вылетом и бросать бомбы в воду. Немцы, глядя на нас, очевидно, посмеиваются. Хуже того, могут посчитать нас за сообщников...

- А что делать?

- Предлагаю, - отвечает штурман, - одну бомбу бросить на переправу, а три на скопление живой силы и техники. Видел, что творится на западном берегу? Машины в десять рядов, солдаты - толпами. Можно такое натворить! Согласен?

- Согласен.

Вот и река. Переправа - точно струна между берегами. Тонкая, ровная. Жалко Владимиру бомбу.

- Леша, может, все четыре ухнем по берегу?

В душе-то Жуков согласен, но виду не показывает. Нельзя, Константинов начнет упрашивать, а согласиться с ним - значит, не выполнить боевое задание, а за это прежде всего отвечает он, командир экипажа. Жуков деланно сердится.

- Торговаться не будем, штурман!

И все. После такой короткой, но емкой отповеди, любое слово - как препирательство. А оно недопустимо. Владимир молчит, проглотив обиду. Минуту спустя командует:

- Курс!.. На боевом!..

Летчик выполняет команды. Самолет идет под углом к переправе. По небу рыщут прожекторы, начинают бить "эрликоны", но машина "не шелохнется". Все внимание летчика отдано курсу и скорости. Штурман прицеливается, бросает бомбу, докладывает:

- Мимо! - И сразу командует: - Доворот вправо, на курс...

Самолет идет точно над переправой - туда, где скопление техники, войск. Владимир сбрасывает бомбы серией, одну за другой. Все три бомбы на берег. Видит три взрыва, возникший очаг пожара.

- Вот это работа! - восторгается летчик.- Доложить не стыдно.

"А что мы будем докладывать? - думает Владимир.- Ведь задания бить по берегу не было..." Решает: "Доложим так, как есть".

И вот они на аэродроме. На стоянке нашли командира полка. Встретил их невесело.

- И вы промахнулись?

- К сожалению, - говорит Жуков.

Константинов поясняет:

- Целились не в середину моста, а в основание, в стык моста с западным берегом. Одна бомба упала в воду, а три на берег, в скопление живой силы и техники.

- Промазали, значит? - нажимая на первое слово переспрашивает майор Хороших. Все ему ясно, понятно. Советует: - Пока машину готовят к повторному вылету, поделитесь опытом. Летчикам расскажите, штурманам. Про механиков не забудьте, если их экипажи находятся в воздухе. Они передадут.

После четвертого вылета, когда Жуков и Константинов готовились к пятому, к ним подошел майор Хороших, сказал:

- За проявленную инициативу командир дивизии объявил вам благодарность.

Фашистские войска форсировали Оскол. Танковые и моторизованные колонны, мотоциклисты движутся на юго-восток, в сторону Дона, в направлении его большой излучины. Наши войска отступают. Вместе с ними уходит и население. Немецкая авиация неистовствует, бомбит дороги и переправы. Особенно много людей положили у переправы под Россошью, близ Острогожска, Белогорска и Богучан. Это увидели Жуков и Константинов, выполнявшие дневной полет для связи с вышестоящим командованием. Вернувшись, доложили командиру полка, комиссару. Бурмистров сразу же принимает решение провести митинг. Экипажи построились близ самолетной стоянки.

- Товарищи! - обращается к ним Бурмистров.- Сержант Константинов расскажет вам о зверствах фашистских летчиков, о том, что он и Жуков видели своими глазами...

Владимир стоит перед строем, рассказывает, и воины будто воочию видят дороги, забитые беженцами - женщинами, стариками, детьми. Война оставила их без крова, без средств к существованию. Покинув родные места, они идут вслед за своими войсками, идут в сторону Дона, туда, где нет фашистских солдат - убийц и грабителей. Идут по голой степи, по пыльным жарким дорогам. А над ними мелькают крестатые тени - фашистские истребители.

Владимир стоит перед строем. Шлем с очками держит в руке. Горячий ветер теребит светлые волнистые волосы, сушит влажную от пота гимнастерку. Обычно мягкий, неторопливый, голос его сейчас полон негодования:

- Это надо видеть, товарищи! Иначе трудно поверить. Старики, женщины, дети. Их тысячи. Нескончаемые колонны. Кто на телеге, кто сам тележку тянет. Разве не видно, что это не войско? Видно. А "мессеры" заходят, пикируют. Будто на

полигоне. И бьют... бьют... Это ужасно, товарищи! Фашисты - это не люди, они хуже зверей. Их надо бить, уничтожать. Ни одной пулеметной очереди впустую, ни одной бомбы! Только в цель, только на уничтожение извергов!

И вот она, цель - техника и живая сила в деревне на правом берегу реки Оскол. Танки, самоходные установки, автомашины. На дорогах, в оврагах! Здесь же и штаб, самый большой дом в этой деревне. Жуков и Константинов опознали его по стоявшим рядом машинам-фургонам, в которых немцы возят штабное имущество, по легковушкам, на которых разъезжает командование.

- Штаб! - кричит Владимир, сбросив светящую бомбу.- Посмотри, Алеша, по-моему, я не ошибся.

- Нет, не ошибся, - подтверждает летчик.

- Разворот на курс!..- командует штурман.- Доворот влево! На боевом...

Под крылом две бомбы по сто килограммов. Деревня, если смотреть сверху, - два ряда домов, одна недлинная улица. Посередине ее под прямым углом пересекает дорога. Дом, в котором размещается штаб, справа, у самой дороги, во втором дальнем ряду улицы. В него и целит Владимир, Зенитки пока не бьют.

- Бросаю!..

Бомба упала рядом с домом. Взрывная волна подняла и разметала крышу, разрушила строение. Светящая бомба еще не погасла, и результат удара был хорошо виден.

- Вряд ли кто там из фашистов уцелел! - кричит Владимир в восторге.- А теперь, Леша, давай довернем к оврагу, бросим бомбу на технику!

Вместе с войсками отступает и авиация. Отходя к Дону, одну за другой меняет полевые площадки и полк майора Хороших. Ночью экипажи летают на боевое задание, а утром, едва позавтракав, летят на другую точку. Отдохнуть некогда, поесть негде. Обед, приготовленный на старом аэродроме, попадает на новый лишь к вечеру. Летчики, штурманы валятся с ног от усталости. Спят где придется: в кабине, на чехле под крылом самолета, в кустах возле стоянки.

Едва задремав, Владимир слышит, что кто-то зовет его по фамилии, толкает в плечо. Глаза открыл - перед ним адъютант эскадрильи Дмитрий Комаров, поясняет: надо лететь на разведку.

- Днем? На разведку? - спрашивает Владимир и чувствует, как по спине побежал холодок: дневная разведка - это явная гибель. В лучшем случае вынужденная посадка на подбитой машине.- А с кем я полечу? Жукова же нет, убыл в Воронеж, оттуда должен

пригнать самолет.

- Зря тебя разбудил, - говорит Дмитрий, - досыпай и радуйся. Полетят Оглоблин и Марченко.

- А чего радоваться? - прикидывается Владимир.

- Как чего? -усмехается Комаров.- Есть возможность остаться в живых. Двое уже не вернулись.

- Кто? - вскинулся Владимир.

- Кочетков со штурманом Галичем...

На разведку ушли Оглоблин и Марченко. Согласно заданию штаба дивизии, им предстояло узнать обстановку, определить, куда продвинулись мотоколонны противника и каков их состав; где находятся железнодорожные эшелоны с войсками и техникой и в каком направлении движутся; места сосредоточения войск и их примерная численность...

Все это они определили, узнали, разведали. За эту разведку, за ценные сведения, доставленные командованию фронта, Оглоблин был потом награжден орденом Ленина. А Марченко... Это был его последний полет.

Они уже возвращались домой, шли в стороне от дороги, по которой двигались наши войска - большими и небольшими отрядами, группами. Один отряд - человек шестьдесят пеших бойцов - привлек их внимание: бойцы шли в маскировочных халатах. Увидев, что самолет идет прямо на них, они разбежались в разные стороны, вернее, рассредоточились и обстреляли его из автоматов.

Оглоблин, подумав, что его по ошибке обстреляли свои же бойцы (потом оказалось, что это были фашисты-десантники), взял курс на свой аэродром. Но спустя какое-то время почувствовал, что со штурманом что-то случилось. В беспокойстве оглянулся назад. И точно, Марченко сидел бледный, безжизненный, запрокинувшись на борт кабины. "Может быть, ранен", - подумал Оглоблин и приземлился здесь же, в степи, надеясь оказать штурману помощь. Но помощь уже не понадобилась, Марченко был мертв. Оглоблин снова взлетел и приземлился на аэродроме, где вместе с двумя полками располагался и штаб дивизии. Там он доложил о выполнении боевого задания, там и оставил Марченко. В самолете насчитали более двадцати пробоин.

Несчастье кольнуло Владимира в самое сердце: Василий Марченко был его близким другом. Хорошим штурманом был, храбрым воином, мечтал о победе. Не просто об этом мечтать в такое тяжелое время, а он ничего, крепко держался. Бывает, иной и не выдержит, расслабится: "Куда же еще отступать? За Оскол отступили. Дон уже рядом. И Волга недалеко. А куда отступать после Волги?" Марченко злился: "Никуда! Понятно? Никуда! У

Волги немцам шею свернем..."

Нет уже Марченко, а он будто живой перед глазами. Жесткие черные волосы, резко очерченный рот, смелый открытый взгляд.

- Константинов! Комэск передал: пока не вернется Жуков, будешь летать с Оглоблиным...

Летчик Оглоблин... Владимир познакомился с ним в запасном полку, когда учились летать на У-2, готовились к фронту. Казарма была большая, длинная. Из дальнего угла доносились звуки гармоники, кто-то упорно, настойчиво подбирал мелодию из кинофильма "По щучьему велению". Владимиру вспомнились слова:

Ветры буйные, метели, пожалейте вы Емелю.

Ой морозец ты мороз, ты Емелю не морозь...

- Кто это там пиликает? - спросил Владимир, но ему никто не ответил: все понемногу учились играть на гармонике.

Однажды, когда он отдыхал после ночного дежурства, в казарме снова послышалась знакомая мелодия. Кто же этот упрямец? Владимир поднялся и прошел в дальний угол казармы. У печки, прислонившись спиной, сидел парень, ни дать ни взять, настоящий Емеля. Белые вихри, нежное румяное лицо, голубые глаза. Вместо гимнастерки на нем свитер.

- Ты кто? - сердито спросил Владимир.

- Я-то? Оглоблин, - последовал ответ, - Иван.

- А кто ты, Оглоблин?

- Летчик я...

- Чего спать не даешь?

- Мешаю, да?- удивился Оглоблин и уступил: - Ладно, больше не буду.

Потом познакомились ближе. Оглоблин окончил Ардатовский аэроклуб, имел небольшой налет, всего двадцать часов. Там, в запасном полку, ему присвоили звание младшего сержанта, назначили командиром экипажа, дали штурмана Василия Марченко. Оглоблин оказался способным летчиком, быстро вошел в строй, догнал в мастерстве ушедших вперед товарищей. Вместе с Марченко они хорошо летали, умело бомбили врага. А теперь Марченко нет и с Оглоблиным летит Константинов. Им предстоит бомбить переправу.

- Иван, целить будем не в середину, а ближе к берегу, - предлагает Владимир, и поясняет свой замысел: - Попадем в переправу, значит, отлично; не попадем - тоже не плохо: у переправы всегда столпотворение: техника, живая сила. Бомбы найдут себе цель. Согласен?

- Согласен. Действуй. Володя, так, как бы ты действовал с Жуковым. Ты штурман опытный, я на тебя надеюсь.

Три ночи подряд летал Константинов с Оглоблиным и был очень рад, что ему довелось летать с таким отважным, обходительным, уважающим своего штурмана летчиком.

10 июля. Полк бомбит скопление вражеских войск в районе населенных пунктов Подгорное и Россошь. Жуков и Константинов выполнили три полета в район Подгорное, теперь летят на Россошь. Прилетели. Высота семьсот метров. В первом заходе на цель сбросили две бомбы по пятьдесят килограммов.

- Повторяем заход! - командует штурман.- Остались еще две полусотки.

Начинают стрелять зенитки. Снаряды рвутся вблизи самолета. Владимир видит взрывы, слышит сопровождающие их звуки - будто рвется брезент. И вдруг удар в самолет. В ту же секунду - взрыв. Жаркий, тяжелый, ошеломляющий.

Придя в себя, Владимир сбрасывает бомбы. Сбрасывает, не прицеливаясь. Сейчас не до этого. Сильный воздушный поток прижимает его к правому борту, бьет в лицо, в голову. Владимир видит, что летчик пытается выровнять самолет, но пока безуспешно. Наконец это ему удается. Самолет вышел из крена, идет прямо и ровно, с небольшим снижением. Однако не на свою территорию, наоборот, в тыл вражеских войск.

- Алеша, ты видишь, куда мы идем? - спрашивает штурман.

- Вижу, но самолет не слушается ручки, - слышен ответ.- Очевидно, разбит руль глубины. Попробую развернуться только с помощью руля поворота. Он, кажется, действует.

"Блинчиком", без крена, потеряв уйму времени, они взяли нужный им курс. Идут со снижением, так легче держать самолет. При увеличении оборотов машина, не подчиняясь рулям, кабрирует, лезет вверх; при уменьшении опускает нос, начинает резко терять высоту. Подбирая нужный режим работы мотора, приноравливаясь к самолету, они наконец вышли на свой аэродром, с большим трудом зашли на посадку, приземлились.

- И повезло же вам, - говорит старший техник эскадрильи по вооружению Михайлов.

В самом деле. Пронзив фюзеляж рядом с кабиной штурмана, скользнув при этом по тросам управления рулем глубины и порвав их, снаряд разорвался невдалеке от машины, повредил рули.

- Вы знаете, что вас спасло? Знаете, почему снаряд не разорвался внутри фюзеляжа? - спрашивает Михайлов.- Перкаль вас спасла. Если бы фюзеляж был обшит чем-то более твердым, как например фанерой, вам бы не сдобровать.

Немцы рвутся к Дону. От аэродрома Попасное, на котором стоит полк майора Хороших, до линии фронта всего шестьдесят

километров. Это тридцать минут полета. Туда и обратно - час. Двадцать минут на подготовку к повторному вылету - и снова на старт. Четыре вылета в летнюю ночь нагрузка предельная. Все упирается в дефицит времени. Чтобы сделать четыре вылета, экипажи экономят буквально на всем: на заправке самолета горючим, на подвеске бомб, на курении.

- Леша, смотри: Оглоблин запускает мотор, Коршаков взлетел, а ты все еще куришь. Неужели нельзя побыстрее? - торопит Константинов своего летчика.- Возвращаясь домой, держи скорость побольше, экономь время.

- Не ворчи, сейчас полетим. Ни поесть, ни покурить не даешь, отмахивается Жуков, но все же торопится, бросает окурок.

Немцы посадили свою авиацию в районе Ольховатка - Кулешовка, в ста километрах западнее аэродрома Попасное.

Полку поставлена боевая задача: отыскать аэродром, разбомбить самолеты. Трудность не только в том, что туда далеко лететь - сто километров, - но и в том, что на маршруте мешает сильный боковой ветер, сбивает с пути. Экипажи летят один за другим с небольшим временным интервалом. Летят и Жуков с Константиновым. Прибыв в указанный район, видят, что впереди идущий экипаж осветил местность и что-то бомбит. А что сказать трудно.

Ориентируясь по курсу и расчетному времени, Владимир сбросил светящую бомбу, осмотрел местность. Внизу только овраги. Нет ни дорог, ни населенных пунктов. Что делать? Надо искать. Если не аэродром, то хоть какую-то цель. Не в овраги же бомбы бросать. А экипажи, если вокруг посмотреть, и светящие бомбы бросают, и боевые.

- В чем дело, Алеша? Все бомбят, а я ничего не вижу.

- На горюй, - говорит Жуков, - бомбят, но все в разных местах. Аэродром, значит, не найден,

- Спасибо, Леша, успокоил. Будем ходить по кругу, искать. Может, огонек увидим. По нему и будем бомбить.

Вспышки света фар автомашины увидели сравнительно быстро, сбросили бомбы, взяли курс на свой аэродром. Возвратившись, доложили о выполнении боевого задания.

- А что бомбили? - спрашивает штурман полка Морковкин.

- Скорее всего, скопление живой силы и техники, - предполагает Жуков.Где огонек, там люди. Где люди, там техника.

Хмурый, недовольный ходит Морковкин. Экипажи доложили: аэродром не нашли, местность безориентирная, бомбы сбросили не по цели. Морковкин сел к столу, подумал, поднялся, молча пошел из палатки. Все поняли: штурман принял решение.

И точно. Морковкин вернулся: в охапке, будто поленья, четыре светящие бомбы. Положил их на стол, объявляет:

- Константинов! Возьмешь САБ, найдешь аэродром и осветишь его для всех. Задача ясна?

- Ясна, товарищ капитан.

Ответил бодро, но сразу почувствовал, как по спине побежали мурашки. Вдруг не найдет! Задачу не выполнит полк, а виноват будет он, Константинов. Виноватым, может, и не сочтут, не оправдавшим доверие - обязательно. Лихорадочно работает мысль: что делать? Как отыскать аэродром?

Вспоминает: при отступлении, когда полк перелетал в

Попасное (это было днем), Владимир обратил внимание на очень характерный ориентир - меловые разработки близ населенного пункта Подгорное, на глубокий карьер, высокую белую стену. На карьер и надо выйти прежде всего. От него, взяв курс с учетом ветра и выдержав расчетное время полета, - на аэродром.

Но где он может быть, этот аэродром? Конечно, не там, где овраги. А там, где ровное место, а рядом, по возможности, - лесок. Он нужен для маскировки самолетов. Владимир развернул карту, внимательно ее изучает. Овраги... Овраги... А вот и ровное место. Единственное в этом районе. Рядом лесок. И все это западнее Кулешовки, в двадцати пяти километрах от мелового карьера. Двадцать пять - это не сто, если считать от Попасного. Не час надо лететь, а только четверть часа. Даже при сильном ветре от линии заданного пути уклонишься ненамного.

- Командир! Все зависит от тебя, - говорит Константинов.- Надо точно выдержать курс.

- Выдержу, - обещает Жуков.

Кажется, все штурман учел, но когда вышли на Дон, уточнили маршрут, оказалось, что фактический ветер сильнее расчетного, и самолет снесло на два километра южнее. Учтя скорость и направление ветра, пошли на Подгорное. А темнота - хоть глаз выколи.

- Леша, выйдем на пункт или не выйдем? - беспокоится штурман.- Не проскочить бы.

И вдруг, по истечении расчетного времени - не сам пункт, а едва заметное белое меловое пятно.

- Карьер, Леша, карьер! - кричит штурман и снова вводит поправку в курс следования, засекает время. Просит:-Леша! Выдержи точно курс! До градуса! Аэродром впереди...

Владимир включает подсветку кабины, смотрит на карту, намечает варианты поиска аэродрома и леса. Если по истечении расчетного времени полета он сбросит светящую бомбу и увидит

речушку, значит, он находится: южнее леска. Если увидит овраг, идущий в южном направлении, - западнее леска. Если увидит овраг, идущий в восточном направлении, - севернее. А если увидит сразу лесок? Владимир улыбается подвернувшейся мысли: об этом можно только мечтать.

Расчетное время вышло. Владимир бросает светящую бомбу, в ярком свете видит глубокий овраг, простирающийся с запада на восток, и.... краешек леса, его восточную оконечность.

- Командир! Разворот влево на девяносто!..

Самолет рокочет над лесом. Владимир бросает еще одну светящую бомбу и видит стоянку самолетов, один ряд - истребители; второй - бомбардировщики.

- Леша! Разворот вправо, заходим на бомбометание.

На земле вспыхивают два прожектора, лучи поднимаются вверх, тянутся к самолету. Начинают бить зенитки и "эрликоны".

- Ага! Обнаружились!..

Одну за другой Владимир бросает еще две САБ - надо ослепить зенитчиков и показать аэродром своим, экипажам. Затем бросает бомбы. Одна попала на стоянку машин. Там взметнулся огонь, поднялся багровый дым. Теперь это видно тем, кто следует сзади. Владимир берется за пулемет, бьет по самолетам, каптеркам, по разбегающимся гитлеровцам.

Уходя на восток, Владимир долго оглядывался назад, видел полыхающий там огонь, лучи прожекторов, разрывы снарядов зениток.

Несколько дней он ходил радостный, гордый, "преисполненный сознанием выполненного долга", как шутя сказал ему Жуков. И было от чего. Цель, обнаруженную им в таких сложных условиях обстановки, бомбили два полка. И еще: не кому-то другому, а именно ему, молодому штурману, сержанту, доверил штурман полка такое задание, доверил и не ошибся. Константинов выполнил его отменно.

Встреча с юностью... Бывает же такое. С аэродрома Попасное полк перелетел на аэродром Большой Лычак, на сто пятнадцать километров к востоку. Здесь, войдя в летную столовую, Владимир увидел типографский в красках плакат: Ил-2 пикирует на цель, взрываются бомбы, горят автомашины, в ужасе разбегаются гитлеровские солдаты. Надпись: "Бейте фашистов так, как их бьет Герой Советского Союза А. Степанов". Снимок в овале. Глянул Владимир и глазам не поверил: "Неужели Арсений? Да, он, Арсэн, как его звали товарищи".

И сразу - картина из детства. Родной город Калинин, поликлиника в больничном городке, на территории которого проживала семья Константиновых: отец, мать и сестры. Идет

однажды Вододька мимо поликлиники и видит: стоит у дверей мальчишка - высокий, тонкий, болезненный. Решил: познакомиться надо. Но мальчишка не понял благих намерений, посчитал, что сверстник, наверное, хочет подраться. И в драку кинулся первым. Это было тек неожиданно, что Володьке пришлось отступить и довольно поспешно.

Встретились через два года в составе одной футбольной команды. У нее было длинное название: "Сборная третьей рабочей казармы текстильной фабрики "Вагжановка". Казармами называли три красных кирпичных дома, построенных фабрикантом Морозовым для рабочего люда. Квартир в доме не было. Были комнаты, их еще называли каморками. В такой каморке Степанов жил с отцом и матерью.

За два года, что Володька не видел Арсэна, парнишка окреп, подрос. Помня первую встречу, Константинов был настороже, но Степанов оказался добродушным, покладистым парнем, хорошим товарищем, упорным и стойким футболистом. Сражались казарма на казарму, играли босые - со спортивной одеждой и обувью было пока еще туговато.

И вдруг этот плакат. В овале - Арсений Степанов, Герой Советского Союза. Не удивительно ли? Если бы не было снимка, Владимир, наверное, не поверил. Подумал бы, что это другой Степанов.

Аэродром хутор Аверинский - полевая площадка, расположенная при впадении реки Донская Царица в Дон. Отсюда полк майора Хороших летает бомбить станцию Морозовская, аэродром рядом со станцией.

- Куда ни плюнь, все разно попадешь в фашиста, - горько усмехается Жуков.

Владимир молчит. А что говорить, все верно. И нет поэтому настроения. Да и летать далеко - в один конец сто тридцать километров. Чтобы сбросить бомбы, надо потратить два с половиной часа. Два полета сделал, и уже рассвело. А задачи как ставятся? "Бомбить скопление танков...", "Бомбить скопление моточастей...". Скопления... Скопления... Когда же не станет этих скоплений?

Вчерашнюю ночь провели в Сталинграде, на аэроклубном аэродроме, расположенном на южной окраине города. Садились уже в темноте. Посадочный знак - костер. Тот, кто приземлился первым, зарулил на посадочную, включил аэронавигационные огни своего самолета, и все приземлялись рядом. Так перелетел весь полк. Должны были возить мешки с боеприпасами в район Свечниковский, Майоровский, Манойлин. Там окружены наши войска. Но мешки почему-то не привезли, и ночь, к большому

сожалению Владимира, была потеряна.

Но больше всего его удручает другое. Когда летели к Сталинграду, он заметил, что западнее Дона, там где, держат оборону наши войска, вдруг вспыхнул какой-то странный огонь. Частые вспышки, как отблески молний, следовали одна за другой, но не на небе, а внизу, на земле. Великое множество вспышек.

У Владимира сжалось сердце: он подумал, что фашисты применили какое-то новое оружие. "Сказать или не сказать в полку?" - думал он после посадки. Решил не говорить. Зачем ребятам портить настроение, и так всем нелегко. Кроме того, могут сделать нежелательный вывод: паникер, скажут, Константинов. А с паникером разговор короток. О нем, может, не подумают, знают, штурман он смелый, воюет отменно, но зачем рисковать, зачем репутацию портить? А главное - настроение людям.

Ночь прошла, день, опять ночь приближается. А настроение так и осталось подавленным. На стоянку пришел и молчит, на шутки летчика не отвечает. И вдруг подходит Бурмистров. Сдержан, как и обычно, но бодр, даже, пожалуй, весел. Спрашивает;

- К полету готовы, товарищи?

- Готовы, - вразнобой отвечают летчик и штурман. Уверенно, бойко вроде бы отвечают, но комиссара не проведешь. Вопрос, как говорится, в лоб:

- Замечаю, Константинов, что-то унылый ходишь, поникший. Почему?

Тут уже не отвертишься, тут, хочешь не хочешь, а отвечать надо.

- Прижимают нас немцы, - вздыхает Владимир, - вон куда уже подошли... А самое главное...

И Владимир рассказал об увиденном. А Бурмистров вдруг рассмеялся:

- Константинов! Это же наши "катюши", а официально, как их называют теперь, гвардейские минометы.- Перестав смеяться, спрашивает: - А в полку ты кому-нибудь говорил? Нет? А почему?

- Побоялся...

- Как же не стыдно тебе, Константинов! Ты же комсомолец...

Вот так он всегда. И заметит, и успокоит, и вдохновит. Стоит Владимир и улыбается: легко ему, хорошо, камень с сердца свалился.

31 июля - незабываемый день. Владимир потерял своего друга, своего командира Алешу Жукова. Это произошло на аэродроме близ хутора Верхне-Царицынский. А начался день обычно, даже лучше обычного. Перед обедом Бурмистров зашел в

сарай, где экипажи отдыхали после ночной работы, предложил:

- Друзья! Есть небольшой бредешок, после обеда можно съездить на рыбалку. Кто хочет?

- Все хотят! - улыбнулся Жуков.- Едем, товарищ комиссар.

День теплый, безветренный. Донская Царица обмелела, местами пересохла, превратилась в отдельные водоемы. Завели бредешок, в хвосте завозилась щука, Владимир схватил ее, поднял.

- Смотрите!..

Рыбина изогнулась, вырвалась, блеснула на солнце и... нет ее, опять ушла в воду. Стоит Владимир красный, смущенный. Неудобно перед друзьями.

- Не беспокойся, Володя, - говорит Жуков, - поймаем, уйти ей некуда.

Щуку так и не поймали, но зато наловили другой рыбы, помельче. Пообедали, отдохнули еще немного, и рабочая ночь началась. Обычная ночь. Константинов и Жуков летали на бомбардировку и разведку вражеских войск по дорогам в районе пунктов Верхне-Набатовский, Верхне-Бузиновка, Манойлин. Видели сильный бой на берегу Дона: немцы теснили наши войска.

Выполнив три вылета, экипаж готовится к четвертому. Подошел капитан Морковкин.

- Новое боевое задание: пройти вдоль Дона от пункта Калач до Голубинского, посмотреть, где немцы навели переправы и где наводят. Будем бомбить.

Морковкин и Константинов, устроившись под крылом, прокладывают маршрут. Жуков сидит рядом. Механик сержант Родионов, заправив машину горючим, осматривает мотор, подсвечивает себе фонариком. Подошла полуторка, оружейники сняли четыре бомбы, четыре взрывателя. Кто-то прилетел с задания, приземлился, рулит. Все как обычно. И вдруг крик:

- Воздух!..

Кто бы ни крикнул, это команда для всех. Выключить источники света, замаскироваться по мере возможности. В наступившей тишине отчетливо слышен рокот моторов немецкого самолета. "Хейнкель-111" приближается с той стороны, откуда заходят на посадку. Морковкин распластался под плоскостью, Жуков сидит. Константинов приподнялся на локоть, слушает звук моторов, пытается определить, куда пойдут бомбы, надо ли бежать или оставаться на месте.

Послышался свист сброшенных бомб. Владимир понял, почувствовал, что серия пройдет по заправочной, там, где стоит их самолет, что бежать уже поздно.

- Ложись! - закричал он отчаянно, еще не веря, не желая

верить, что поздно. Себе закричал, Жукову: - Ложись!

Невдалеке от самолета полыхнул взрыв, ударная волна качнула машину, прижала людей к земле. "Поздно, - мелькнуло в сознании.- Вторая бомба взорвется рядом с машиной, может ударить по ней".

И точно, взрыв полыхнул у самой машины. Жаркая, каменно-тяжелая волна отбросила Владимира метра на три-четыре, ударила оземь. Грудь сдавило будто клещами. Ему захотелось вдохнуть, но что-то мешало, казалось, что спеклись легкие. Потом он почувствовал боль под левой лопаткой и кровь - горячую, липкую. Загнув за спину руку, он полез под лопатку и сразу нащупал рану. Она была против сердца...

"Сейчас начну умирать, - подумал Владимир.- А может быть, уже умираю". И вдруг он услышал звук. Этот звук заставил его забыть о себе и глянуть под плоскость, туда, где сидел Жуков. Он уже не сидел, а лежал: навзничь. Невдалеке горел бензозаправщик - очевидно, от третьей бомбы, - и свет, яркий, как солнце, высвечивал все, что было поблизости. Владимир усидел, что Жуков хочет подняться, однако не в силах этого сделать, что он пытается что-то сказать, но не может: из горла хлынула кровь...

В эту минуту послышался крик:

- Идет на повторный заход!

Все, кто мог, бросились в разные стороны, в степь.

Из Сталинградского госпиталя, переполненного ранеными, Владимир вернулся через пять дней. Вернулся с осколком в спине. "Так и летай, сказал ему врач, - потом, при случае, вырежем. Сейчас некогда..."

Первый, кого Владимир встретил в полку, был штурман Морковкин.

- Налет "хейнкеля" обошелся дорого, - говорил ему капитан, одиннадцать человек убито, девять ранено. Разбит твой самолет, две автомашины, сгорел бензозаправщик.- Капитан помолчал и сердито продолжил: На фронте находимся, а вывода для себя не сделали, о бдительности, можно сказать, не думали. На старте собирались гурьбой, на стоянке тоже. Механики шага не делали без электрофонариков. Шоферы постоянно включали фары. А сколько шума ненужного, лишнего! Команду "Воздух!" попробуй услышать!

- Теперь этого нет? Теперь все по другому? - спросил Константинов, догадываясь, что Морковкин назначен постоянным ответственным за организацию и порядок на старте.

- Да, теперь этого нет! - Подтвердил капитан и добавил: - Но и людей уже нет.

- Из госпиталя прибыл Бушуев, - сказал Константинову Ломовцев, будешь летать в его экипаже. Так распорядился командир эскадрильи.

Сама судьба сводит их вместе: Бушуев похоронил штурмана Бибикова, Константинов - летчика Жукова. Но Константинову не по душе этот сухой, всегда недовольный, резкий на слово летчик. Кроме того, ему уже тридцать лет, на штурмана будет смотреть как на мальчишку. И еще: Бушуев долго был в госпитале, не летал целых два месяца. Утратил навыки. Когда он их восстановит?

Но Бушуев начал летать в тот же день. Так он хотел, и своего добился. Ему дали два полета по кругу и в зону. Это в светлое время. И два полета в сумерках. Ночью учиться было нельзя: в районе аэродрома мог появиться Ме-110, ночной охотник. Бушуев был раздражен - мало летал, Владимиру это понравилось: летчик болеет за дело. Подумал: "Я ему помогу". И действительно, он уже мог помочь: летая с Жуковым, научился взлетать, приземляться, водить самолет по маршруту.

Наступила ночь, и Бушуев не выдержал, решил идти к командиру полка, просить боевое задание,

- Не рано? - пожал плечами Владимир.- Потренироваться бы надо.

- По пути и потренируемся, - недовольно сказал Бушуев.- Ты видишь, где мы стоим? В Ерзовке. В двадцати километрах севернее Сталинграда. А почему не южнее? Потому что туда подходят фашисты. К Волге подходят.

Командир разрешил, и они полетели. При взлете Бушуев оторвал машину без скорости и Владимир ему помог, задержал самолет при переходе в угол набора, но Бушуев этого даже не почувствовал, так был напряжен. Владимир сравнил его с Жуковым, и у него засосало под ложечкой - а как он будет там, в огне? Там ведь надо быть не только отчаянным, дерзким, там надо быть и умелым. Но все обошлось хорошо. Они бомбили врага южнее Сталинграда, в районе пункта Плодовитое. Владимир сбросил светящую бомбу, и прожекторы их не нашли, "эрликоны" стреляли впустую.

На следующую ночь экипаж получил новую боевую задачу: транспортировать боеприпасы в район станции Донской. Там, за Доном, в окружении наши войска. Сигнал для сброса мешков - три костра. Перед вылетом Владимир ставит летчику вводную:

- Прилетим, а костров нет. Что будем делать?

- Нет костров, посигналят ракетами, - отвечает летчик.

- А если и ракет не увидим?

- Сбросим мешки там, где должны быть костры.

- А если они попадут к немцам?

- Тысячи людей погибли... Что такое два мешка с минами? Пустяк, сердится Бушуев и ставит крест на экзамене: - Довольно! Будем действовать по обстановке, рецептов на все случаи жизни не напишешь.

Несколько ночей подряд они бомбили скопления танков, автомашин, живой силы. Помогали окруженным войскам, возили им боеприпасы, медикаменты, продукты. Успевали делать по четыре-пять вылетов за ночь.

Неожиданная, тем более радостная весть: семь человек из полка награждены орденами. Летчики Дмитрий Бушуев, Иван Ломовцев, Виктор Шибанов, Василий Ряховский и штурманы Владимир Константинов, Николай Маркашанский и Михаил Косарев. Эту весть принес сам командир полка майор Хороших. Летчики, закончив ночную работу, сидели в столовой в ожидании завтрака. Сюда и пришел командир. Пришел и объявил. Просто, спокойно.

- Молодцы вы, - говорит командир и смотрит на всех теплым отцовским взглядом.- Все молодцы, хорошо воюете, много летаете. А вон тот, белый, кивает он на Константинова, - летает всех больше, на его счету сто пятьдесят один вылет...

Командир говорит о предстоящих делах полка, о людях. Говорит и тихонько ходит между рядами сидящих летчиков, штурманов. Непроизвольно, незаметно для себя тронет то одного, то другого за плечо, за руку. В жестах его, движениях - доброта, отеческое сочувствие: скольких друзей недосчитались они, скольких недосчитаются...

Владимира охватывает несказанно глубокое сыновнее чувство к этому немолодому уже, уставшему от забот человеку, командиру полка. Штурман, непосредственный участник боев, Владимир даже не думал считать свои боевые вылеты, а он, командир, отметил его перед всеми и представил к ордену. К такой высокой награда! Владимир не мог об этом даже мечтать. Летал, работал - это его обязанность, - и вдруг за это орден! Так высоко командир оценил его работу. Владимир чувствует: пошли его командир прямо в огонь, на смерть, и он пойдет. Не только безропотно - с великой готовностью.

Вместе с командиром полка пришел и его заместитель батальонный комиссар Бурмистров. Он тоже поздравил награжденных, сказал доброе слово в адрес техников и механиков - боевых друзей летчиков и штурманов, готовящих для них самолеты, обеспечивающих боевую работу. Как и положено комиссару, не скрывая трудностей, нацеливал людей на дальнейшую борьбу во имя успеха, победы.

- Нам сейчас тяжело, - говорил Бурмистров.- Враг, имея

преимущество в силах и средствах, рвется вперед. Но Сталинград был и останется нашим, советским. Враг потерпит здесь поражение так же, как потерпел под Москвой. Ближайшая наша задача: выстоять. Перемолоть живую силу и технику вражеских войск, обескровить их. Чтобы выполнить эту задачу, недостаточно быть смелыми и отчаянными, способными на риск и самопожертвование, главное уметь хорошо воевать: внезапно выйти на цель, точно по ней ударить, быстро уйти на свою территорию. А для этого надо учиться, перенимать опыт старших товарищей, с глубоким анализом, критически оценивать каждый свой вылет, каждый удар по врагу.

Прошло несколько дней, и награжденных для вручения им орденов вызвали в штаб фронта в Сталинград. Поехали на автомашине. День стоял жаркий, безветренный, нечем дышать. Особенно в городе. Награжденных было много, а в кабинет, где регистрировались прибывшие, вызывали по одному. Вызывала женщина, капитан, строгая, требовательная. "Почему вошли без стука? Почему не доложили, как это положено? Делаю вам замечание!" Но на это мало кто реагировал. Стоит ли, если впереди такая радость. Поворчал только Бушуев: "Скажите, она недовольна! Будто свои ордена отдает..."

Самым интересным и загадочным было то, что никто не знал, что ему вручат, какой орден. Больше всего это волновало Ломовцева. Куда-то сходив, с кем-то поговорив, он вдруг объявил:

- Летчиков - орденом Красного Знамени, штурманов - Красной Звездой.

Однако ошибся. Константинова, единственного из штурманов, наградили орденом Красного Знамени. Все удивились: как, почему? Но Владимир сразу же понял: в сравнении с другими у него большее количество вылетов. Это же подтвердил и Ломовцев, одновременно сделал всем небольшое внушение:

- Мало того, что у него вылетов больше, чем у любого из нас, он и листовок сбросил значительно больше: семьсот тысяч штук! Вы сидели в кабинах и ждали, когда вам их принесут и уложат на колени. А Володька сам за ними в штаб бегал. Сам выпрашивал. А почему? Потому что он в сравнении с вами более зрелый товарищ.

- И в сравнении с тобой, значит? - не преминул кольнуть Бушуев, и все засмеялись.

На обратном пути по городу ехали стоя в кузове. Владимир - впереди у кабины полуторки. Специально выбрал себе это место, чтобы орден был на виду.

Одна за другой возникают переправы через Дон у пунктов

Трехостровская, Нижне-Акатов, Нижне-Герасимов... Все они прикрыты сильным огнем зениток, прожекторами. Бушуев и Константинов летят к Нижне-Акатову. Подлетая, видят, что прожекторы работают и на той стороне Дона, и на этой. Значит, немцы уже переправились, значит, уже захватили плацдарм.

Зенитки заранее открыли огонь, бьют заградительным, поставили на пути самолета черно-багровую стену разрывов. А Бушуев идет. Прямо идет, не сворачивает. "Безрассудная храбрость, - думает Владимир, - нам ни к чему". Принимает решение, командует:

- Отворот влево, на юг!

Бушуев разворачивается. Владимир поясняет решение: пройти на юг курсом, параллельным Дону, затем выйти на переправу с тыла, с территории противника. Бушуев молчит, значит, согласен. Углубившись на пять-шесть километров за Дон, разворачивается на цель, переводит самолет на снижение, уменьшает обороты мотора. Самолет теперь не виден, не слышен - там, у переправы, грохочет техника, рвутся снаряды.

Экипаж подходит к реке, к переправе. Высота четыреста метров. Надо бы ниже, чтобы точнее ударить, однако нельзя: самолет могут поразить своя же взрывная волна и осколки. Штурман бросает САБ. В конус света попадает и берег, и переправа. На берегу как муравейник - машины, орудия, люди. На переправе - танки. Штурман видит, как они убыстряют движение, спешат проскочить опасное место. С западного берега поднялись лучи прожекторов, поспешно щупают небо, ищут.

- Дима! Доверни влево. Левее... Еще левее...

Штурман бросает пару фугасных бомб, за ними - светящую. С восточного берега, будто в лобовую атаку - еще два прожектора. Начали бить "зрликоны".

- Дима! С разворотом вправо, к воде! Пикируй!

Летчик пикирует. Штурман, оглянувшись назад, видит взрывы своих бомб. Одна попала в переправу. Развернувшись, самолет идет вдоль реки, над самой водой. С берегов, слева и справа, бьют "эрликоны". Прожектористы пытаются им помочь, осветить самолет, но берег мешает, и луч проходит несколько выше. По отраженному в воде лучу летчик определяет высоту полета.

Оглянувшись назад, Владимир удовлетворенно отметил: понтонный мост, рассеченный надвое, разворачивается по течению. Подумал: "Будто ворота раскрываются".

- Ты правильно, сделал, Володя, - сказал после посадки Бушуев, впервые назвав штурмана по имени.

Это была оценка за полет. А главное, за точно рассчитанный

маневр при заходе на цель, мастерство при бомбометании, мастерский уход от прожекторов и зениток. После этого вылета Бушуева будто подменили. Он стал относиться к штурману не как к подчиненному, а как к боевому товарищу, стал с ним советоваться, в разговоре появились теплые, мягкие нотки.

20 августа. Страшный, незабываемый день... Бушуев и Константинов летали всю ночь. Сначала бомбили переправу у пункта Трехостровская, скопление войск и техники. Потом экипаж перенацелили в район Плодовитое с задачей бить моторизованные колонны, обходящие

Сталинград с юга. Из последнего, пятого, вылета возвратились уже на рассвете, с пробитыми крыльями.

И вот экипажи собрались в столовой. Завтракают. Внезапно разносится весть: с боевого задания не вернулись Шибанов и Маркашанский.

- Видели их самолет под Трехостровской. Снижался, горел, а где упал, неизвестно...

Владимир перестал есть, не притронулся к чаю. После завтрака надо было спать, отдыхать после ночной работы, а он не сомкнул глаз. Лежал навзничь. К вискам бежали слезы.

Виктор Шибанов... Высокий, красивый юноша. Спокойный, доброжелательный. Случай был. Полк находился на аэродроме Попасное. Немцы подходили к Дону. Скапливались на переправах. Экипажи, действуя по скоплению войск и техники, старались сделать как можно больше вылетов, урвать хотя бы один "лишний" полетик. Экономили время на всем. И вот в спешке, на рулении, Жуков столкнулся с Шибановым. Самолет Шибанова пострадал значительно больше, это было видно с первого взгляда, и Владимир представил, как Шибанов рассердится, сколько грубостей скажет он Жукову и ему, Константинову, всегда торопящему своего летчика. Ошибся.

- Что же вы наделали, братцы! Что же вы натворили! - повторял Виктор с болью в голосе.- На чем же мы будем летать?

И теперь Виктора нет. Не вернулся с боевого задания. И нет Маркашанского. Николай Маркашанский - друг Владимира. Белорус. Веселый, приветливый человек. Хороший, надежный штурман.

Тяжело на душе. Вдобавок дышать нечем - от жары, тесноты в доме. Владимир поднялся, вышел, сел на ступеньку. Думает, переживает. Подошел старший лейтенант Павел Беляев, работник штаба полка. Сел рядом. И вдруг завывающий гул самолетов. Приближается с запада. Направление - прямо сюда, на Ерзовку. Сквозь дымку их еще не видно, но Владимир понял: немцы. Ближе. Ближе. Уже видно: звено Ю-88 на высоте две тысячи

метров. А может, мимо пройдут? Может, не увидят? Возможно. Аэродром не очень приметный - полевая площадка. Самолеты стоят в садах, замаскированы. И ночью маскировка соблюдается. Над площадкой не раз проходили разведчики, но бомбы пока не падали. Значит, не замечали. Может, и сейчас не заметят?

И вдруг - свист. Падают бомбы. Куда бежать, если они уже падают? Владимир бросается к углублению, выбитому стекающей с крыши водой. Падает вниз лицом. Врассыпную бросаются все, кто оказался близ дома - оружейники, механики.

Взрыв. Тугая, горячая волна ударила в стену. Оглушенный, Владимир вскочил. Видит: звено, которое сбросило бомбы, удаляется. А вслед заходит второе. Надо укрыться, спрятаться, хорошо бы в воронку, но поздно, бомбы уже не свистят, а ревут, значит, они уже у земли. Единственное, что он успел, отбежать от этого места, упасть.

Снова взрыв, снова удар. Волна подхватила его, бросила, ударила оземь. Он тяжело поднялся. Глянул на небо, увидел третье звено. Бежать некуда...

Самолеты не пострадали, а людей погибло немало. В госпитале от тяжелых ран скончались штурман Шамшуров, комиссар эскадрильи Еременко. Здесь же, на аэродроме - механик Архипов и комиссар Бурмистров. Несколько человек было ранено: заместитель комэска Сергей Субботин, командир звена Горшков.

Обстановка после налета фашистов была очень тяжелой, и опять, в который раз, проявил себя врач Сергей Чижов. За тот случай, когда он, действуя быстро, самоотверженно, спас от смерти Бушуева, его наградили медалью "За отвагу". Теперь командир объявил ему благодарность. Что говорить, страшно, если вокруг тебя стоны, кровь, смерть. Трудно не растеряться. А Чижов не растерялся, не опустил руки. Он сразу, организовав 130] бригаду санитаров, оказывал помощь раненым, отправил, кого нужно, в госпиталь...

Комиссара Бурмистрова и механика Архипова хоронили на следующий день. Здесь же, в Ерзовке, возле школы. Был митинг. Майор Хороших не отходил от гроба Бурмистрова. За сутки командир полка стал неузнаваем. Он почернел, осунулся, сгорбился. Еще ранее у него погибли жена и сын, а теперь друг, дороже которого у него не было никого. Он попытался выступить:

- От нас ушел Константин Федорович, - сказал он сдавленным голосом. Спазма перехватила горло, он помолчал и вновь повторил: - Константин Федорович...- Голос задрожал, осекся, по щекам потекли крупные слезы: Константин Федорович...

Рыдания командира полка потонули в ружейном залпе.

И дома беда. Мать прислала письмо, сообщила, что Василий

ранен, отправлен в тыловой госпиталь, что Тамара уехала к нему. Чует материнское сердце: быть ее дочке вдовой, а внучке сироткой.

Тяжело живется в разбитом, разграбленном городе. Мать болеет почти постоянно, а за детьми - тринадцатилетней Августой и трехлетней Верочкой и уход, и присмотр нужен. Очень плохо с питанием. "Одно и спасает, Володенька, твой аттестат и внимание работников военкомата: мне, матери фронтовика, больной, неработающей женщине, дают рабочую карточку".

"Сколько бед и несчастий натворили фашисты на нашей земле!.. Учительница, я всю жизнь любила людей и желала им только добра. Считала, кем бы они ни были, они прежде всего люди, достойные в одном случае уважения, в другом сочувствия, а возможно и жалости, но хорошей, человеческой. Теперь я убедилась, что иметь человеческий облик - это еще не значит быть человеком. Фашисты - это не люди. Мое сердце переполнено ненавистью, и я страстно желаю, чтобы каждый фашистский дом был отмечен несчастьем. Чтобы матери, жены и дети фашистских солдат, пришедших на нашу землю, залились слезами...

Бей, сыночек, фашистов! Бей беспощадно. Это тебе мой материнский наказ. И товарищам своим передай этот наказ. Бейте. Уничтожайте. Каждого. Всех до единого...".

Прочитал Владимир письмо, задумался. Сколько он знает мать, всегда она в трудах и заботах. Отец непрестанно болел, не мог быть ее настоящим помощником. А детей трое, Нужда, нехватки - постоянные спутники семьи. Мать, хрупкая женщина, билась как рыба об лед. Но духом не падала, головы не вешала. Всегда была ровной, приветливой, чуткой к чужой беде. Любила свою работу. Очень любила детей. И своих, и тех, что учила в школе.

Непосильный труд, переживания окончательно подорвали ее и без того некрепкое здоровье. И вот она инвалид. Стало еще труднее. Отец вскоре умер, и первым помощником матери стал Владимир. Учился и подрабатывал, где придется, приносил с Волги рыбу.

А годы шли. Первой самостоятельно на ноги стала Тамара - училась и работала. За ней поднялся Владимир. Не только ушел с родительского иждивения, но и стал помогать матери, стал присылать деньги. Сколько радости было - живи только, наслаждайся счастьем своим материнским, и вдруг война...

Владимир снова глянул в письмо. "Мое сердце переполнено ненавистью... Бей, сыночек, фашистов! Бей беспощадно!..".

Неужели это говорит его мать, нежная, хрупкая, ласковая? Да, это ее слова. И слова эти - материнское благословение.

Враг упорно, несмотря на бесчисленные потери, продвигается вперед. Бушуев и Константинов, выполняя разведку юго-западнее Сталинграда, наблюдали движение его войск в обход Сталинграда с юга. Летали около трех часов. После чего сделали три вылета на переправу Трехостровскую. Оттуда немцы идут на Сталинград, обходя его с севера.

Полет в Мало-Ивановку

Полк пополняется. Когда находились по ту сторону Дона, прибыли летчики Дудник и Потапкин, штурманы Томашевский и Кальянко. Сюда, в Ерзовку, штурманы Георгий Ашаров и Василий Сапрыкин.

Снова начал летать Иван Ломовцев. Не долечившись, он возвратился в полк в середине июня. Ходил с перебинтованными руками и головой, левый глаз закрыт черной повязкой. Худой, желтый, но бодрый и радостный - он снова попал к друзьям в родную авиачасть. Летать пока было нельзя - многие осколки снаряда, оставшись в теле, пока еще не прижились, беспокоили. Ивана вначале назначили адъютантом эскадрильи. Одна из обязанностей адъютанта сбор данных о проделанной боевой работе. Владимир очень любил разговаривать с Ломовцевым в такие минуты. Подойдя к только что прилетевшему экипажу, адъютант спрашивал штурмана:

- Расскажи, анчуткин сын, что ты там натворил у фашистов? Что там горело?

- Не знаю, - отвечал Константинов, - не видел.

- Я знаю, - убежденно говорил Ломовцев, - танк. А сколько уничтожил гитлеровских солдат?

- Не видел.

- Я видел: взвод.

Пошутив, они начинали серьезным разговор, и Ломовцев сразу становился придирчивым и сердитым, он терпеть не мог неточностей.

А теперь он добился, чтобы его допустили к полетам. Летал с ним майор Хороших. Сначала днем, затем ночью. На днях, возвратившись из дневного полета, Ломовцев приземлился не на аэродром, а прямо на улицу Ерзовки, чтобы быстрее зарулить в сад, на стоянку. Увидев это, майор Хороших сказал:

- Пример положительный. Всем, кто придет с ночного боевого задания уже в светлое время, садиться надо на улицу. Взлетать в светлое время тоже надо вдоль улицы. Чтобы аэродром не демаскировать.

23 августа воздушные эскадры врага обрушились на Сталинград. С аэродрома, расположенного в восемнадцати километрах севернее города, на берегу Волги, между деревнями

Ерзовка и Пичуга, видны боевые порядки фашистских бомбардировщиков, непрерывно идущих на город. Дойдя до какого-то невидимого отсюда рубежа, они один за другим падают вниз, затем поднимаются, одновременно разворачиваясь и удаляясь в том же направлении, откуда пришли.

Каждый раз, когда они приближаются, перед ними встают дымные стены разрывов зенитных снарядов, их встречают группы наших истребителей, но каждый раз с уходом бомбардировщиков к Дону над городом вздымаются огромные клубы дыма и волны зловещего, потрясающего землю грохота.

- Страшно подумать, что там находятся люди, - говорит Константинов, наши советские люди.

- Да, - подтверждает Бушуев, - войска, население.

Старая, потертая карта-двухкилометровка. Может, она сохранилась случайно, а может, ее берегли. На ней с северо-востока на юго-запад светло-голубой бахромчатой лентой тянется Волга. Не доходя до нижнего обреза карты, лента делает резкий изгиб и тянется дальше, уже на юго-восток. В западной части изгиба - пятно из черных прямоугольников. Их много. Они расположены в определенном порядке около ленты-реки. Прямоугольники - это кварталы условно изображенного города. Внизу четкая надпись: Сталинград.

Кварталы и подходящие к ним ниточки-дороги местами взяты в красный кружок. Это КПМ - конечные пункты маршрута. Там, где кончался маршрут, находилась цель, объект бомбового удара. К ним подходят красные линии - это маршруты полетов. Они тянутся с востока, из-за Волги. Не все обрываются в кварталах и улицах города, некоторые тянутся дальше - на запад, к Дону, к самому обрезу карты. Вот еще одна линия. Она протянулась из города на север и затерялась среди приволжских степей и балок, у деревни Мало-Ивановки...

...Вечереет. Летчики и штурманы собрались в штабной палатке, установленной близ стоянки машин. На лицах, в глазах - ожидание: куда сегодня? Несколько ночей подряд летали к Дону, бомбили переправу, живую силу и технику. Наблюдали колонны танков и автомашин, идущих по степи, скапливающихся у переправы.

Экипажи ждут командира полка, ждут боевую задачу. А командир улетел на другую точку, там штаб авиационной дивизии. Наконец послышался рокот мотора, самолет зашел на посадку, приземлился и, остановившись невдалеке от палатки, затих.

- Экипажи, на построение!

Перед строем полка - командир, начальник штаба, офицер

штаба дивизии. Коротко, ясно командир информирует экипажи о положении вражеских войск:

- Танковые колонны противника вышли к Волге севернее и южнее Сталинграда, полукольцом охватывают город.- Затем командир называет фамилии летчиков: - Старший лейтенант Мелешков, лейтенант Потапкин, младший лейтенант Ряховский, сержант Бушуев! - Приказывает: - Вместе со своими штурманами полетите в Сталинград, на Центральный аэродром, там получите конкретную боевую задачу. Вас встретит майор...- командир помедлил и назвал незнакомую фамилию.

- Что делать остальным? - спросил кто-то из летчиков.

s Ждать. Быть в готовности к вылету. Летный состав - в палатках, технический - у самолетов. Бомбы подвешены.

Самолеты взлетают один за другим, собираются вместе. Ночь лунная, светлая. Хорошо видно землю. Четко виден город. Экипажи заняты своим делом: летчики пилотируют самолеты, штурманы ведут ориентировку. Место аэродрома они знают, посадку произведут. А потом? Тревожит и беспокоит это "потом". Беспокоит и Константинова, и его командира Бушуева. Какую задачу получат они в Сталинграде?

- Ракет много взял? - спросил после взлета Бушуев.

- Много, - ответил Владимир, - полные карманы. И в кабине еще. И САБ прихватил три штуки, на всякий случай.

Высота семьсот метров. Группа подошла к территории, занятой немцами.

- Вот они, здесь, - говорит Владимир, и как бы в подтверждение сказанного, с земли, покрытой оврагами, вверх потянулись огненные цепочки, замелькали вокруг самолетов. Строй заколебался, увеличились интервалы, дистанции. Склонившись на борт, Бушуев пристально смотрит вниз, туда, откуда стреляют фашисты. Говорит недовольно:

- Ракетами запасся, а бомбу, хотя бы одну, прихватить не успел...

Проходит несколько минут, и вот он город, суровый, настороженный, полыхающий пожарами. Внизу знакомый овал Центрального аэродрома. По сигналу ведущего летчики один за другим идут на посадку, рулят на призывно мигающий свет фонарика. Последним приземлился Ряховский. Едва он успел выключить мотор, как подъехала автомашина, из нее вышел майор, в распоряжение которого и прибыла группа.

- Ваша задача, товарищи: доставить генерала и полковника в Мало-Ивановку. Они скоро приедут.

Штурманы - лейтенант Томашевский, лейтенант Карпенко и сержант Константинов - переглянулись: двоим из них придется

остаться здесь, ибо самолеты двухместные. Штурман сержант Смирнов не в счет, он летит с командиром группы. Но гадать, кому оставаться, а кому лететь, преждевременно. Это решит начальство. Все устроились под крылом самолета и при свете фонарика склонились над картами.

Вскоре послышался шум мотора, из темноты вынырнула эмка и, резко затормозив, стала. Из нее вышли солидный немолодой генерал и невысокого роста полковник. Мелешков поспешил им навстречу и доложил о прибытии группы. Тотчас же к ним подошел майор, и они начали негромко оживленно советоваться.

Константинов еще раз внимательно посмотрел на карту, на проложенный и рассчитанный маршрут. До Мало-Ивановки около восьмидесяти километров. На полет, с учетом взлета и посадки, уйдет сорок минут. Местность безориентирная, трудная - степь, пересохшие речки, овраги.

Подошел Мелешков, поставил задачу:

- Со мной полетит генерал, с Ряховским - полковник. С лейтенантом Потапкиным полетят два штурмана - Томашевский и Смирнов. С сержантом Бушуевым, кроме Константинова, полетит штурман Карпенко.

- Обстановочка!..- невольно вырвалось у Константинова.

Действительно, лететь вдвоем в задней кабине У-2 значит быть скованным по рукам и ногам, быть прижатым к борту, видеть землю только с одной стороны. Как же вести ориентировку? Как же работать? Да еще ночью! А объект, который надо найти, - деревушка и, конечно же, затемненная, без единого огонька.

- Понимаю, что трудно. И вам, Константинов, и вам, Томашевский. А что делать? Не оставлять же товарищей здесь, - говорит Мелешков и продолжает постановку задачи: - Боевой порядок звена: ведущий - Потапкин, имеющий на борту двух штурманов, слева пойдет Бушуев, я и Ряховский справа. Заместителем командира группы будет Бушуев. Посадочная площадка расположена севернее деревни. Условный сигнал для посадки - три костра...

Опять зарокотали моторы, и самолеты один за другим поднялись в воздух. Бушуев взлетал последним, и Константинов, пока еще был на земле, наблюдал, как, удаляясь, растворялись в лунном сумраке ночи огоньки взлетавших машин, терялись на фоне горящего города.

Когда Бушуев пошел в набор высоты, Константинов привычно бросил взгляд на часы, записал на планшете время - 23.18. Подумал: "В 24.00 должны быть над Мало-Ивановкой". Сближаясь с ранее взлетевшими экипажами, Константинов почему-то увидел

не три самолета, а только два.

- Два? - забеспокоившись, спросил он Карпенко, и тот кивнул утвердительно. Дожидаясь отставший экипаж, ведущий мигал огнями, сигналил об ускорении сбора. Он продолжал сигналить и тогда, когда группа легла на курс, продолжал подзывать к себе отставшего летчика. Константинов хотел повернуться назад, посмотреть, поискать, но не тут-то было, попытка оказалась тщетной: как два клина, он и Карпенко были вбиты в узкую, рассчитанную на одного человека кабину, и прижаты к ее бортам.

В плотном строю самолеты идут строго на север. Судя по времени, уже должны подойти к территории, занятой немцами. Ведущий выключил огни. Вот и она - линия фронта! Внизу мелькают вспышки ракет: желтые, зеленые, красные. Желтые - это немецкие. Идет перестрелка. Огненные трассы, прижимаясь к земле, летят с севера на юг, с юга на север.

Но немцы здесь только вклинились в нашу оборону, и опасная зона вскоре осталась позади. А луна все ниже, земля просматривается все хуже, очертания деревушек, дорог, оврагов и балок, тянущихся на восток, к Волге, все туманнее, слабее. Владимир вдруг замечает, что ведущий и вся их группа уклоняется вправо. Линия пути, соединяющая Сталинград и Мало-Ивановку, проходит западнее населенного пункта Ерзовка, а самолеты почему-то прошли над Ерзовкой. Волга должна остаться справа, а она совсем рядом, почти под крылом. Неужели Томашевский и Смирнов, два опытных штурмана, не видят своей ошибки? Не может этого быть. Сейчас они введут поправку в курс, и летчик Потапкин довернет в левую сторону. Но проходит минута, вторая, а он почему-то идет прежним курсом. И почему-то настойчиво мигает огнями.

- Потапкин требует, чтобы мы вышли вперед и возглавили группу, догадался Бушуев.

- Странно, - отвечает Владимир, - летим всего десять минут и уже заблудились. Не может этого быть.

"Кого же все-таки нет? Кто отстал? Мелешков с генералом или Ряховский с полковником? А может, они не отстали, - думает Владимир, - может, на самолете отказало освещение, и мы не видим его, хотя он идет где-то рядом?" И сам же себя разубеждает: зачем экипажу идти где-то рядом, если можно идти в строю.

Луна зашла за тучу, и земля погрузилась во тьму. Небо освещают лишь артиллерийские сполохи, но они далеко позади. Высотомер показывает пятьсот метров. Группа идет тем же неправильным курсом.

Ведущий вдруг повернул влево - там, едва различимые,

показались несколько домиков. Затем взял прежний курс. Минуту-другую спустя начал беспорядочно менять курсы, пытаясь, очевидно, найти какой-то характерный ориентир, за который можно было бы зацепиться, определить свое место.

"Все, ориентировка потеряна", - решил Владимир и вспомнил слова майора: "Мировой позор, если не долетите..." И почувствовал, как огромная тяжесть ответственности легла на его плечи: как заместитель штурмана группы он обязан восстановить ориентировку, он должен привести группу в Мало-Ивановку.

- Володя! Ты знаешь, где мы находимся? - спрашивает Бушуев.

- Не совсем, - отвечает Владимир, - лишь приблизительно.

- Попробуй сориентироваться! - требует Бушуев.- Смотри, под нами какой-то крупный овраг. Видишь?

Владимир, конечно, видит. Но их здесь десятки, и все они тянутся на восток, к Волге, попробуй в них разберись. И дорог много, наплетены, как паутина, но на карте их нет. Случайные, в войну наезженные дороги - не ориентиры.

Ведущий сигналит огнями, просит выйти вперед своего заместителя, просит возглавить группу.

- Пошли, Володя, вперед! На тебя вся надежда. Надо восстановить ориентировку.

Восстановить! Сказать легко, но как это сделать? Да над степью, где не за что зацепиться глазу. Да еще ночью, в кромешной тьме, вдобавок зажатым в кабине, будто в тисках.

- Пошли, командир! Только сначала встанем в вираж.

Можно, конечно, восстановить, если бы с самого начала лететь с определенным курсом, на определенной скорости. Но как восстановишь, как определишь свое место, если группа часто и беспорядочно меняла курсы, подолгу кружилась над разными пунктами, сохраняя лишь общее направление полета на север. И все же если учесть это направление и общее пройденное время, то можно предположить, что группа находится где-то южнее Мало-Ивановки. Но где именно?

- Штурман, курс? - требует летчик.

Ответ на вопрос должен быть исчерпывающим, точным и своевременным. А времени - в обрез. И надо еще успеть просмотреть карту, оценить обстановку, принять быстрое и правильное решение. Лихорадочно работают мысли штурмана.

Владимир включил освещение. Согнувшись в тесной кабине, смотрит на карту, ощупывает взглядом каждый ориентир, изображенный на ней, оценивает расположение ориентиров относительно друг друга. Несмотря на внутреннее напряжение, мысль работает четко.

- Штурман, курс? - требует летчик.

- Сейчас, уточняю, - отвечает Владимир.

- Володя, учти, от нас зависит очень большое дело, речь идет о подброске снарядов к окруженному городу. В пути несколько сот машин... Войска ждут, а мы виражим, время теряем.- Не выдержал, закричал: - Курс! Курс давай! Сколько можно ждать...

И Владимир почувствовал страх. Но это был не тот страх, который он испытывал раньше, попадая в прожекторы, в зенитный огонь. Умирать было страшно, но там было все по-иному: иное дело, иные обстоятельства. Там был поединок, решался вопрос кто кого. Борьба шла за внезапный, скрытый выход на цель и за точность ее поражения. Побеждал тот, кто хитрее, находчивее, чье мастерство превосходило. Твое или противника.

Сейчас все по-другому. Дело касается защитников Сталинграда. Владимир увидал их будто воочию. Они стоят насмерть, и вокруг них сжимается вражеское кольцо. Им нужна помощь - оружие, боеприпасы. И эта помощь зависит от экипажей 709-го полка, от экипажа Бушуева, оттого, сумеет ли он привести группу У-2 в Мало-Ивановку; от Константинова, оттого, сумеет ли он восстановить ориентировку, найти Мало-Ивановку.

Частая серия вспышек артиллерийской зарницы на юге снова напомнила о происходящем. И Бушуев, очевидно, поняв, что спешка может лишь все испортить, сбить штурмана с толку, спокойно добавил:

- Не спеши, Володя, я жду. Еще что я услышал из разговора генерала с майором и Мелешковым: тракторный эвакуации не подлежит, на нем будут ремонтировать танки.

Вовремя сказанное слово - большая поддержка. Владимир взял в руки себя, заставил себя работать. Он доведет до конца порученное им боевое задание. Он призовет на помощь все свое хладнокровие, выдержку, весь опыт и знания, заставит себя в этих нелепо сложившихся обстоятельствах выбрать правильное решение, правильный метод восстановления ориентировки.

И он выбрал. Сначала выйти на характерный линейный ориентир, а от него на цель. Если смотреть на карту, то Мало-Ивановка находится севернее Сталинграда на удалении восьмидесяти километров. Слева от нее - река Иловля, приток Дона, справа - Волга. В северо-восточном направлении они идут параллельно друг другу. Мало-Ивановка между ними. Потеряв ориентировку, на нее не выйдешь ни с Волги, ни с Иловли. Владимир решил выйти с притока Иловли, небольшой речушки, впадающей в Иловлю с востока и находящейся севернее Мало-Ивановки в восьмидесяти километрах. Чтобы выйти на эту

речушку, надо идти в северном направлении. С юга к ней подходит несколько балок, в самом начале одной из них и находится Мало-Ивановка. Идя вдоль речки с востока, и надо отыскать эту балку: а по ней - Мало-Ивановку. Конечно, при такой плохой видимости, как сейчас, речушку найти очень трудно, ее можно и не заметить, но в сложившихся условиях выход на нее единственная возможность восстановить ориентировку.

Итак, Владимир решил выйти на Мало-Ивановку с другой стороны, не с юга, как планировали, а с севера. Решил потерять во времени, но действовать наверняка.

Решение принято, надо его осуществлять. Первая задача - выйти на речку.

- Курс триста тридцать градусов! - сказал летчику штурман, и три самолета пошли в заданном направлении.

- Ты смотри, не попасть бы нам к немцам, - беспокоится Бушуев, обстановка на северо-западе нам неизвестна.

- Смотрю, - отвечает Владимир, - а ты пониже держись, а то речку проскочим.

Самолеты идут на высоте триста метров. Пять минут, десять, двенадцать... Вот-вот появится речка. Но пока ее нет. Что-то блеснуло? Пруд, небольшой водоем? Может, это и есть речушка, вернее, ее остатки, следы, а сама она пересохла?.. Так и подмывает встать в вираж, поискать, покружиться над прудом. Но нет. Владимир сжимает нервы в кулак, молчит, только пристально смотрит на землю.

- Вот она! Вот! - кричит он радостно.

Это пока не речка, пока темные извилистые полосы оврагов. Но самое главное то, что они тянутся не на восток, не к Волге, а на север, к речке, которая так нужна и сейчас должна появиться. И она появилась - извилистая, тонкая, едва заметная полоска воды.

- Разворот влево, держи вдоль речки! - командует штурман.

Бушуев выполняет команду. Он верит в своего штурмана, видит, как он упорно распутывает узел. Чувствует, распутает его до конца.

Внизу, около речки, чуть заметно обозначились контуры какой-то деревеньки. Сереют дороги, подходящие к ней из степи. Какой это пункт? Что там на карте? Но не успели глаза привыкнуть к свету кабины, как очертания пункта уже уплыли назад.

Проходит минута, и снова какой-то пункт.

- Командир! Сделай круг над селением, - кричит штурман.

Глянув на карту, запечатлев в памяти изображение местности, Владимир смотрит на землю. Ослепляют, мешают

смотреть огни из выхлопных патрубков. Владимир перегнулся через борт - так лучше видно. Но упругие воздушные струи от винта больно хлещут по лицу, голове, треплют комбинезон.

Луна скрылась за тучами. Стало совсем темно. Еще ярче, ослепительнее показались выхлопные огни. Но если от них отгородиться руками, если перегнуться через борт, то земля просматривается лучше.

Спит приволжская степь, окутанная густым мраком. А в ночи над хуторами и балками, над речкой носятся три крылатых машины, жмутся друг к другу летчики боятся отстать, потеряться. Сосредоточены и напряжены лица людей, находящихся в воздухе. Владимир видит их будто воочию, сквозь темноту. Видит, ибо все время думает: "Только бы не отстали, только бы удержались в строю". И вдруг новая загадка. Группа летит вниз по течению речки, русло ее должно расширяться, должно быть все полноводнее, а получается наоборот, полоска воды все уже и уже. Вот она прервалась. Появилась опять. И вдруг исчезла совсем. Будто ее и не было, и группа летела не над речкой, а над глубоким оврагом.

Какая нужна сила воли, чтобы не растеряться, заставить работать воображение! И Владимир заставил. Мысленно он спустился на землю и не пролетел над рекой, а как бы прошел, внимательно все рассмотрел и все увидел, и прежде всего русло. Оно было широким, но пересохшим, местами заросшим осокой и камышом, местами заболоченным. Увидел и понял, что группу он ведет правильно, что речка эта именно та, которую он искал, и что овраг, который ему так нужен, впереди и скоро появится. А вот, кажется, и он. А может, не он?

- Командир! Стань в левый вираж!..

Владимир смотрит на землю. Судя по времени полета и скорости, овраг должен быть именно тот, который и нужен, но судя по очертаниям - нет, не он. Если не этот, значит, следующий. Ну, что ж, пойдем дальше.

- Командир! Давай напрямую.- И вдруг мысль: не резко ли Бушуев пошел в левый вираж, удержались ли ведомые летчики? Взгляд в правую сторону ведомый на месте. В левую - слева темно, аэронавигационных огней не видно. У Владимира екнуло сердце.

- Дима! Командир! Оторвался левый ведомый... По тому, как дрогнул самолет, можно понять, как воспринял сообщение штурмана летчик.

- Как оторвался?

- Не знаешь, как отрываются? - спросил Владимир и как можно спокойнее пояснил: - Очень просто, отстал при резком

развороте.

Люди со слабой волей в такой обстановке могли бы потерять голову. Но Бушуев и Константинов не потеряли. Новая, неожиданно свалившаяся на них трудность, а точнее, беда вызвала новый порыв энергии, решительных действий. Летчик положил машину в вираж, и штурман сразу понял его решение, его намерения - лететь дальше нельзя, надо искать затерявшийся во мраке экипаж, вернее, помочь ему обнаружить машину ведущего.

- Дима, набирай высоту! Я буду пускать ракеты, потом сброшу светящую бомбу.

Только так можно было помочь экипажу: создать как можно больше света, обозначить себя этим светом, видным на десятки километров, привлечь внимание экипажа, который должен быть где-то здесь, и тоже должен стать в вираж, зная, что его будут разыскивать, что без него никуда не уйдут.

Пока летчик набирал высоту, штурман пускал ракеты. Высота пятьсот метров. Непросто, если сидишь вдвоем, достать с пола кабины осветительную бомбу. Мысленно чертыхаясь, Владимир все же достал и бросил ее за борт.

Секунда - и яркий, ослепительный свет прорезал ночную тьму, раздвинул ее, открыл поверхность земли. Затем Владимир взял ракетницу и выстрелил вверх. Выстрелил и посмотрел на освещенный идущий справа самолет. Кто в нем? Увидел, что в самолете сидят не трое, как он ожидал, а только двое, а цифра "8", выведенная на борту самолета, подтверждает, что самолет пилотирует летчик Ряховский.

- Дима! С нами летит не генерал, а полковник...

Летчик не ответил. А что отвечать? Нечего, факт налицо. Мелешкова в строю нет, генерала нет.

Летчик настороженно смотрит вокруг. А может, он здесь, Мелешков, где-то поблизости? Оторвался в момент разворота, а теперь догоняет. А может, и сбит, и это возможно. Ведь были такие случаи. Рыщет в ночи Ме-110, обнаружит наш самолет, подойдет незамеченным - и все, одного залпа достаточно. Четыре ствола у Ме-110. Вот так подошел и здесь. Тем более, что все три самолёта летели с огнями. Выбирай и бей, все как на ладони.. И вдруг.

- Вот он, Дима! Вот он! - кричит Константинов.

О радость! Впереди слева показались два огонька, зеленый и красный, они приближаются. Нашелся! Летчик мигает огнями, чтобы его увидели. Проносится мимо, пошел в разворот, приближается слева сзади. Вот он уже вместе со всеми, в строю. Владимир вздыхает глубоко, облегченно. Но кто в самолете?

- Дима! Подсветить надо, посмотреть. Даю ракету,

- Давай...

Яркая вспышка света выхватила из темноты самолет, его бортовой номер, переднюю и заднюю кабины. В задней сидел один человек. Один, а не двое! Горячая волна радости охватила все существо Владимира: генерал был с ними.

И опять три самолета идут над руслом реки, повторяя ее изгибы...

Но всему приходит конец. Слева появляется балка, примыкающая к речке. Она! Сереет нитка дороги по берегу балки. Она! Все правильно, все как на карте.

- Дима! Пониже пойдем, виднее будет, - говорит Константинов.

Высота сто пятьдесят метров. Степь и балка, и ничего больше. А когда же Мало-Ивановка? Может, ошиблись? Владимир глядит на часы. Все правильно, просто еще рановато, не вышло время. Проходит еще несколько минут - три, а может, четыре, - и во тьме показалось селение. Самолеты идут над ним.

- Командир! Под нами Мало-Ивановка.

- Не может этого быть! Не верю, - кричит Бушуев, а в голосе радость, восторг.

- Гарантирую, Дима.

- А где же костры?

Действительно, где костры? Кострами, в форме треугольника, должны обозначить аэродром, место посадки. Но их почему-то нет.

- Надо набрать высоту и осветить северную окраину Мало-Ивановки, говорит Константинов, - там должна быть посадочная площадка.

Высота семьсот метров. Сброшена САБ. Конус яркого света вырвал из темноты северную окраину пункта, но освещенное место оказалось совершенно непохожим на аэродром. Вся площадь - небольшие овражки, ямы, канавы...

- В чем дело?- кричит Бушуев.- Куда ты завел нас?

Еще не угасли лучи светящей бомбы, а Владимир уже смотрит на карту, сличает ее с местностью. Все совпадает, все сходится. И сам населенный пункт, протянувшийся вдоль балки с севера-запада на юго-восток, и дороги две проселочные и одна грейдерная, подходящие к пункту...

- Уверен, это Мало-Ивановка.

Бомба погасла, упав возле деревни. Карпенко, сосед Константинова по кабине, пускает ракеты, подсвечивает местность.

- Если уверен, штурман, давай выбирать место и садиться,

распоряжается летчик.- Скоро горючее кончится.

Осталась еще одна светящая бомба. Владимир бросает ее. Внизу местность, покрытая ровными рядами канав. Что это? Мелиоративные сооружения? Возможно. А там, на северной границе освещенной местности? Там, кажется, ровно. Но освещение погасло, и все погрузилось во мрак.

- Снижайся, Дима, посмотрим...

Самолет идет над площадкой, штурман освещает ее белой ракетой. Площадка вроде бы ровная, но с боков канавы. И впереди, по линии посадки. И на подходе.

- Мухам только садиться, и то тесновато, - ворчит Константинов. Но делать нечего, другого выхода нет.

Заход на посадку Бушуев строит по памяти, ибо площадки не видно. Планирует над деревней. Теперь - параллельно дороге, уходящей в степь. Теперь просто в темноту. Земля приближается. Воздух свищет в расчалках, тихо стрекочет мотор. Самолет идет плавно - безветрие.

- Володя, друг! Подсвети мне.

"Впервые за весь полет другом назвал", - отмечает Владимир и пускает ракету. Вот и земля. Самолет приземлился, бежит. Как медленно гаснет скорость... Штиль. Тормоза бы, как на больших самолетах. Скоро будет канава, надо ее обойти стороной. И вот, описав полукруг, самолет останавливается.

- Командир! Бегу принимать других.

Наполнив карманы ракетами, на ходу заряжая ракетницу, Владимир бежит к началу площадки. В воздухе еще два самолета, они проносятся над головой, прося разрешение на посадку. Владимир, пуская красные ракеты, угоняет их на повторный заход. Следом за ним рулит Бушуев. Держась за консоль крыла, его сопровождает Карпенко. Вот и все готово, самолет установлен вместо посадочного знака, горят аэронавигационные огни, включена фара. Выстрелом из ракетницы Владимир показывает направление посадки и бежит дальше к канаве, к месту, где летчики будут выравнивать свои самолеты, выводить их из угла планирования перед посадкой. Владимир будет их подстраховывать, не даст им сесть до границы посадочной площадки.

Итак, в воздухе два самолета, один из них идет на посадку. Планирует. Расчет нормальный. Владимир дает ракету: посадка разрешена. Самолет проносится над канавой, вот он приземлился, бежит, замедляя скорость.

- Остался еще один! - облегченно вздыхает Владимир и вдруг умолкает, напряженно глядит туда, откуда идет самолет.- Карпенко, что это значит? Там не один, а два! Неужели самолет

Мелешкова?

- Кажется, - неуверенно отвечает Карпенко. Проходит какое-то время, и группа в сборе, четыре самолета, четыре экипажа.

- Где мы находимся? - первый вопрос генерала после посадки.

- В Мало-Ивановке, - отвечает Мелешков.- Одно смущает меня: почему никто не встречает, никто не выложил старт.

- Где деревня? - спрашивает генерал.

- Позади, товарищ генерал, откуда заходили на посадку.

Генерал молча идет в темноту, в направлении, куда указал Мелешков. Бушуев подходит к Константинову, говорит:

- Или генерал здесь впервые, или это не Мало-Ивановка.

Владимир оглянулся вокруг. Хоть бы кто-нибудь пришел сюда из деревни! Кто-нибудь! Сам он уверен, но чтобы уверились летчики, штурманы, надо, чтобы кто-то сказал, подтвердил, что это Мало-Ивановка. Неужели здесь нет воинской части? Есть, безусловно. Не просто же так, не в деревню прилетел генерал. Кто-то должен сюда приехать, встретить его.

И точно, ночную тьму прорезал свет фар автомашины. Она приближается. Подъехала. В легковушке, кроме шофера, сидят два человека.

- Где генерал Никишов? Вы привезли его?

- Привезли. Он напрямую пошел, в деревню.

- А полковник?

- Здесь, сейчас подойдет.

Вопросы приехавших были ответом на главный вопрос. Осталось последнее. Владимир шагнул к машине, спросил:

- Почему нас никто не встретил, не обозначил аэродром, место посадки?

Вместо ответа последовал вопрос:

- Сколько времени вы летели до Мало-Ивановки?

- Два часа тридцать шесть минут, - ответил Владимир.

- А должны были сколько?

- Сорок пять...

- В том-то и дело. Команда вас не дождалась...

Пришел полковник, и машина уехала. Экипажи разошлись по самолетам. Владимир достал из фюзеляжа чехол, расстелил его под крылом самолета, сел, прислонившись спиной к колесу. Шумело в голове, все болело: руки, ноги, плечи, спина. Подумал: "Будто всю ночь землю копал". Подошел Мелешков, сел рядом.

- Спасибо, Володя, выручил. До чего же ты все-таки цепкий.

Приятно, конечно, когда тебя хвалят, благодарят, но что на это ответишь? Ничего. Владимира интересует начало всех неприятностей, сложностей. Почему Мелешков отстал от группы сразу же после взлета, почему Потапкин и Томашевский, ведущий

экипаж, потерял ориентировку, как только встали на маршрут.

- Друг мой! Так ты же ничего не знаешь! Все было иначе, все по-другому.

- Как по-другому? Поясни.

Оказалось, что Потапкин, взлетевший первым, попал под обстрел противника. На самолете была повреждена маслосистема, и летчик вынужден был приземлиться на своем аэродроме. Но Мелешков этого не видел. Потапкин, попав под огонь, выключил аэронавигационные огни. Когда к Мелешкову, взлетевшему вторым, пристроились два самолета, он волей-неволей оказался ведущим. Но вести группу не мог, у него не было штурмана. Поэтому роль ведущего он передал экипажу Бушуева. "Знал, что ты приведешь туда, куда надо", - убежденно говорит Мелешков Константинову.

- А как же Потапкин? - спрашивает Владимир.- Он же сел на свою точку, почему же оказался здесь, в Мало-Ивановке?

- Неисправность была небольшая, - отвечает Мелешков, - трубку заменили, и все, экипаж пошел по маршруту. На Мало-Ивановку они вышли не сразу, не пошли. Покружившись в этом районе, решили пойти на Волгу, а от нее, от какого-нибудь характерного ориентира - на Мало-Ивановку. Уже было пошли, но увидели вашу иллюминацию и подоспели как раз к моменту посадки. Ты, Володя, всех выручил... И меня, когда я отстал в момент разворота.

...Резковато Бушуев пошел в вираж, Владимир это заметил. Оторвавшись от строя, Мелешков заметался, надеясь увидеть огни самолета. Увидел и понесся вперед. Но далеко не ушел, вовремя заметил ошибку - крупную звезду принял за выхлопные огни из мотора. Посмотрел на компас и обомлел: летит курсом на запад, к фашистам.

- Представляешь, куда бы я увез генерала. В пот бросило, так перепугался. Сколько раз в прожектора попадал, под огонь зенитных установок, но такого страха, как в этом полете, никогда не испытывал. Развернулся я и обратно, на восток. Иду и... глазам не поверил, вижу ракеты. Понял: меня ищете.- Мелешков помолчал и добавил: - Большое мы дело сделали, ответственное, и главная роль в этом деле твоя, Володя. Представляешь, несколько сот автомашин с минами, снарядами, с пополнением ждали, когда им дадут команду...

- Что здесь, Саша? Почему именно сюда надо было доставлять генерала?

- Точно не знаю, но, кажется, здесь один из узлов связи Сталинградского фронта, а генерал Никишов - начальник штаба фронта.

Мелешков говорил что-то еще, но Константинов его не слышал. Смоpенный непомерной усталостью, он засыпал, и ему виделось какое-то здание - клуб или школа, и что он стоит у этого здания, у полузакрытой двери, и видит большую ярко освещенную комнату. В комнате стоит генерал и что-то диктует девушке-телеграфистке. Тот самый генерал, которого они привезли в Мало-Ивановку: лицо его строго и сосредоточенно, в руках телеграфные ленты. К нему то и дело подходят военные, что-то ему докладывают, показывают какие-то бумаги, он их просматривает, отдает распоряжения, приказания и снова диктует. Аппарат стучит, стучит, и стук этот постепенно переходит в рокот сотен моторов автомашин, в рокот идущих автоколонн.

Владимир видит их с высоты. Он летит над вьющейся лентой реки и видит дорогу. Дорога идет по бугристому берегу, то приближаясь к ней, то удаляясь, и по всей ее длине, насколько хватает глаз, то опускаясь в овраги, то появляясь на склонах холмов, идут колонны автомашин. Идут к Сталинграду.

Сталинград

24 августа 1942 года полк перебазировался в Новоникольское, на площадку, расположенную в пятидесяти километрах северо-восточнее Сталинграда, на левом, то есть восточном, берегу Волги.

- На новом месте начнем и работать по-новому, - сказал командир полка.- Я имею в виду порядок докладов и донесений о выполнении боевых заданий. Как у нас это делается? Возвратившись из полета, экипаж докладывает: "Создал очаг пожара..." А если пожара не видели? Получается, что докладывать нечего. Вышестоящий штаб требует конкретных докладов. Например: уничтожен прожектор, автомашина, орудие; подбит или сожжен танк, рассеяно до взвода пехоты.. То есть мы должны докладывать о действительно нанесенном уроне.

Как и ожидал Владимир, Бушуев не промолчал:

- Главное, как я понимаю, это доложить. А сжечь, подбить, уничтожить...

Хороших знает своих летчиков, знает, кто чем дышит, кто на что способен. Он уже знал, что первым возмутится Бушуев, именно потому и возмутится, что главное для него не доложить, а уничтожить. А вот как это установить, он пока что не ведает, и это злит его, выводит из равновесия.

- Главное, товарищ Бушуев, не фиктивный доклад, - поясняет майор Хороших, - а строгий отчет о боевой деятельности и строгий контроль. Об организации контроля нам и надо подумать, а вам с Константиновым в первую очередь.

- Почему именно нам?

- Как наиболее опытным, имеющим большее, чем у других, количество вылетов.

Идею майора Хороших подхватывает старший политрук Николай Аркадьевич Остромогильский, новый заместитель командира полка по политчасти.

- А что, это мысль! Пусть подумают, посоветуются и вам, товарищ командир, доложат. Мы тоже подумаем, обсудим, и наиболее приемлемые варианты вынесем на партсобрание. Проведем его через два дня, ибо дело не ждет.

Идет открытое партийное собрание. И коммунисты здесь, и комсомольцы. Майор Хороших выступил с докладом. Он напомнил о требовании вышестоящего штаба, отметил, как глубоко, по-партийному восприняли вопрос о контроле летчики и штурманы, как активно, с пониманием дела обосновывали свои предложения.

- Теперь все это вылилось в определенную систему, правила, о которых мы сейчас и поговорим, обсудим. На наш взгляд, наиболее приемлемым является совместное предложение летчика Бушуева и штурмана Константинова. Кроме того, у Бушуева есть отдельное предложение, с которым я не согласен. Не буду их повторять, надеюсь, товарищи выступят сами и все нам расскажут.

Выступает Константинов. Суть его предложения: сзади идущие экипажи контролируют работу впереди идущих. Этот вариант контроля он считает наиболее приемлемым, целесообразным.

- Что у нас получается? - говорит Владимир.- Представьте, я пришел на объект, осветил его, обнаружил цель, запомнил ее место в системе характерных ориентиров, расположенных здесь же. А бомбы бросаю уже в темноте. Почему? Потому что, пока летчик совершает маневр для выхода на боевой курс, пока я прицеливаюсь, САБ уже гаснет. Что я увижу в темноте после бомбометания? Только очаг пожара, если он создан. А может, я уничтожил орудие, прожектор или подбил танк, может, мои бомбы попали в скопление техники, но ничего не зажгли. Кто это может увидеть? Экипаж, идущий сзади. Осветив местность для поиска цели, он может увидеть ущерб, нанесенный мною. Если при подходе к переправе меня ловили три прожектора, а его только два, могу я сказать, что один уничтожен мной, если я стрелял по нему? Могу. То же можно сказать о зенитках, о другой технике...

Владимир говорит, что для этого надо установить твердый порядок очередности вылетов. Каждый должен знать, за кем он

летит, кого контролирует. Результаты записывать, а после посадки докладывать их экипажу, работу которого контролировал.

Для освещения целей Владимир предлагает применять более крупные светящие бомбы - САБ-15, САБ-25 - и бросать их с большей, чем обычно, высоты. Они имеют большой конус света и дольше горят. Еще лучше, если освещение целей будут выполнять специально выделенные для этого экипажи. Это даст возможность заранее увидеть цель, заранее, с ходу, без лишних маневров встать на боевой курс, точно прицелиться, точно отбомбиться и увидеть результаты своей работы. Правда, это потребует большего наряда и сил и средств, но это и окупится результатами.

Это было глубоко продуманное выступление. Чувствовалось, говорит зрелый штурман, мастер своего дела. Больше того, человек, умеющий думать, умеющий решать сложные проблемы. Это все поняли. И поняли то, что именно так должна решаться задача, поставленная вышестоящим штабом. В поддержку Константинова выступили штурман Герман Смирнов, комиссар эскадрильи Борлаков, заместитель командира эскадрильи Субботин, другие летчики, штурманы.

Выслушав всех, командир полка сразу подвел итог.

- Считайте, - сказал майор Хороших, - что предложение Бушуева и Константинова утверждено. Еще до собрания, после предварительного обсуждения этого варианта, я говорил с командиром дивизии, он одобрил и сказал, что опыт будет распространен во всех полках. Мы, как говорится, первооткрыватели, и, признаюсь, мне это очень приятно.

Выступает Бушуев. Он предлагает новый тактический прием поражения цели. Слушая своего командира, Владимир вспоминает предысторию этого приема. Однажды экипаж получил задание нанести удар по скоплению вражеской техники, сосредоточенной на окраине небольшого леска. В таких случаях, когда цель расположена на определенной площади, бомбят прямо по площади, рассчитывая на большую вероятность попадания. Однако Бушуев был иного мнения:

- Не резон бросать бомбы куда попало. Бить будем только по цели: по танку, орудию, автомашине.

И так было нередко. При подсвечивании площадного объекта бомбового удара Бушуев требовал разыскивать отдельные цели, снижаться, бомбить с малых высот. Это было очень опасно - принимать весь огонь с земли на себя, но зато, выполнив боевое задание, Владимир чувствовал удовлетворение, знал, что врагу нанесен реальный ущерб. Однако об этом, как они договорились,

никому ни слова. Знали: командир запретит этот, может, и оправданный, но очень рискованный прием. И вот теперь, воспользовавшись сложившейся обстановкой, Бушуев решил, что его тактический прием может стать официальным, узаконенным. Он доказывает необходимость бомбить с малых высот, с бреющего полета, применяя взрыватели замедленного действия, расстреливать противника в упор из пулемета.

Майор Хороших молчит, только лишь хмурится. Молчат летчики, штурманы. Понимают, с каким это связано риском. Но есть и такие, которым идея понравилась. Командир это видит по их оживленности, по огонькам в глазах. Чувствует, промолчи он, самый старший из командиров, и у Бушуева найдутся последователи. Встает, выходит из-за стола. Видно уже, он не хочет сказать: "Запрещаю". Опытный воспитатель, он понимает: нельзя рубить инициативу под корень, нельзя бить по самолюбию, если дело имеешь с людьми, да еще такими, как Дмитрий Бушуев. Его не очень любят в полку. За резкость суждений, за прямоту не всегда и не всем приятную, но его уважают как умелого летчика, командира (он уже возглавляет звено), и Хороших подходит к делу дипломатически, осторожно.

- Ничего не скажешь, предложение бить противника с малых высот заманчиво, оно обещает большой эффект, точное поражение цели, - говорит командир полка, - но будем говорить прямо, не всем это под силу, не всем по плечу такая задача. Экипаж Бушуев - Константинов - опытный экипаж, но сколько таких, которым еще надо учиться. И тактика, предложенная Бушуевым, для них просто гибельна. А опытные от случайностей застрахованы? Нет. Пули не щадят никого, и если каждый полет и так связан с риском, опасностью, зачем же рисковать беспредельно? Зачем терять людей, если в этом нет особой нужды?

Бушуев молчит - сердитый, несогласный, непримиримый. Владимир, глядя на него, понимает: он не отступится, он будет делать по-своему.

Аэродром Новоникольское расположен близ села того же названия, на заливном лугу, между основным руслом Волги и речкой Соленый Ерик. Далее на восток идут солончаки и озеро Баскунчак, тоже соленое. Чтобы лужок, занятый стогами сена, сделать аэродромом, стога расположили в определенном порядке, как с целью маскировки от воздушных разведчиков, так и с целью освобождения площади для летной работы. Самолеты расположили севернее аэродрома за старицей - узкой протокой, укрыв их в небольшом лесу. Перед наступлением темноты экипажи выруливают из леса, взлетают и, "перепрыгнув" старицу,

сразу же приземляются на аэродроме. Закончив боевую работу, снова "прыгают" за старицу.

Чтобы отвлечь внимание воздушных разведчиков, невдалеке от основного аэродрома оборудовали ложный. Там находится боец-наблюдатель. С наступлением темноты он зажигает плошки, изображающие посадочный знак, и, слушая небо, передает на основной аэродром данные о воздушной обстановке. Получив информацию о том, что "самолет противника идет от меня к вам", на основном аэродроме финишер прикрывает плошки, самолеты, находящиеся в воздухе близ аэродрома, уходят в зоны ожидания, выключают аэронавигационные огни, а те, что на земле, временно задерживаются со взлетом.

Услышав гул немецких бомбардировщиков, наблюдатель, стараясь привлечь их внимание, стреляет ракетами. Нередко немцы "клюют" и попадаются на удочку - бомбят ложную точку.

Когда немецкие бомбардировщики Ю-88 стали донимать полк своими налетами, экипажи стали работать с площадок, расположенных восточнее аэродрома Новоникольское. Площадки ровные, обширные, садись и взлетай в любом направлении. Только найти их трудно. Местность безориентирная, не за что зацепиться глазу. Особенно трудно в мглистые ночи. Но вот пришло облегчение. Каждый полк получил зенитный прожектор-маяк. Установленный в четырех-пяти километрах от аэродрома, он дает определенный сигнал покачивание луча, круговые движения, мигание. Сигналы подаются через определенные промежутки времени. Экипажи, выйдя на луч прожектора, легко потом находят свою полевую площадку.

Обстановка все сложнее, труднее, накаленнее. Немцы прорвались к Центральному аэродрому, заняли авиагородок. Целью для своих же бомб стал Сталинград. Город горит. Это видно от Новоникольского, с расстояния пятидесяти километров. Экипажи, летя на задание, проходят над горящим Рынком и Спартановкой. В них наши войска. Рядом, чуть севернее, - немцы. Оттуда поднимаются лучи прожекторов. В них попадают СБ, ДБ-3, Р-5, У-2. По ним бьют зенитки. Они отстреливаются. Видны трассы, идущие снизу и сверху навстречу друг другу.

На земле, там, где фашисты, - непрерывные вспышки ракет. Ракетами немцы обозначают себя, оберегаются от ударов своих бомбардировщиков. Ракетами дают направление на наши войска, наводят на них свою авиацию. Видно, как самолеты бомбят сериями по шесть - восемь бомб. Наши тоже бомбят, определяя место противника по его же ракетам. В небе почти постоянно горят светящие бомбы. Наши горят белым цветом, немецкие оранжевым. Непрерывно идет перестрелка.

Экипажи У-2 пролетают над городом. Горят дома. Языки пламени рвутся из окон. Рушатся крыши - всплески огня и дыма, будто разрывы бомб. От кирпичных домов остаются только коробки. Огонь ведут дивизионы "катюш". Трассы идут с левого берега, из-за Волги, смерчем проносятся мимо летящих машин. Мелькают выхлопные огни моторов своих и чужих самолетов. В небе тесно. Как-то раз в свете САБ Владимир насчитал девять бомбардировщиков. В одну из ночей видел, как в воздухе столкнулись два самолета. Сцепившись намертво, летели они к земле огромным, ярко пылающим факелом.

На правом высоком берегу Волги гитлеровцы зажгли нефтеперегонный завод и нефтехранилище. Горит страшно, со взрывами. Столбы пламени поднимаются на триста-четыреста метров, дыма - до тысячи. Летать в этом районе трудно: машину бросает, как в сильную болтанку, гарь разъедает глаза, мешает дышать, смотреть. Когда взрывались цистерны, горящая нефть потоками устремилась с высокого берега в Волгу, и продолжает гореть на воде. Все в огне: земля, вода, небо.

Линия фронта местами проходит по городу. Нейтральная полоса - одна из улиц. На одной стороне наши войска, на другой - гитлеровцы. Летчики бомбят отдельные дома, площади. Летают, пользуясь не картой, а планом города. Бросая бомбы, снижаются до минимально безопасной высоты.

Если посмотреть поденную запись летной работы Владимира Константинова, то можно увидеть, что в течение каждой ночи больше был в воздухе, чем на земле.

18 сентября вместе с Бушуевым бомбили скопление танков, живой силы и техники врага на станции Гумрак. Совершили пять вылетов, в воздухе пробыли шесть часов.

19 сентября летали на разведку войск противника, движущихся от донских переправ к Сталинграду. Летали большую часть ночи. Помешал дождь. До своего аэродрома не дошли, сели на ложном. В воздухе пробыли четыре часа.

20 сентября бомбили скопление танков в районе населенного пункта Городище. Совершили шесть боевых вылетов. В воздухе пробыли семь часов.

21 сентября бомбили скопление живой силы и техники на северо-западной окраине Сталинграда. Совершили шесть боевых вылетов, в воздухе находились шесть часов.

И вот новая задача. В полку ей дали название: "Операция "мешки".

В конце сентября, когда начались заморозки, немцы, выйдя по реке Царица к Волге, расчленили находившуюся здесь нашу группировку войск. Южнее и севернее Царицы возникли

изолированные друг от друга участки обороны. По обычным дорогам к ним уже не проедешь, их контролируют немцы. По Волге тоже, она под обстрелом артиллерии и ударами авиации. А людям нужно и продовольствие и боеприпасы. Так возникла проблема снабжения. На транспортных самолетах ее не решишь. Днем посбивают вражеские истребители, а ночью - зенитки. На бомбардировщиках тоже ничего не сделаешь. Для сброса мешков у них велика скорость. Они не могут действовать с малых высот, а с больших грузы не попадут на плацдарм ограниченных размеров.

И командование сделало выбор, остановилось на 709-м полку легких ночных бомбардировщиков. Майору Хороших сказали:

- Если сегодня ночью вы не подбросите бойцам продовольствие, завтра они будут сражаться голодными.

И вот уже идет митинг. Выступает комиссар Остромогильский.

- Там, на плацдармах, стоят бойцы 62-й армии. Стоят насмерть. Они сказали: "За Волгой для нас земли нет". Они погибнут, но слово свое сдержат, не отступят. Им тяжело. Положение осложняется с каждым днем. Гитлеровцы получили приказ во что бы то ни стало взять Сталинград. Они мечтают о зимних квартирах и яростно рвутся вперед. Но Родина нам приказала: "Ни шагу назад! Стоять!" В Сталинграде решается судьба Отечества, и сейчас самый ответственный момент. Враг измотан, обескровлен, и недалеко то время, когда он выдохнется окончательно. Это понятно всем, и именно поэтому бойцы в неимоверно трудных условиях проявляют величие духа, показывают чудеса храбрости. И мы их поддержим!

Чтобы выполнить задание, полк с Новоникольского

перелетел на аэродром Средняя Ахтуба, расположенный в двадцати пяти километрах восточнее Сталинграда. Этот аэродром ближе, чем Новоникольское, от центрального склада, кроме того, здесь лучше дороги.

Транспортировка мешков дело не новое - этим полк занимался еще под Харьковом, - но все равно проблема: груз очень тяжелый и плохо обтекаемый. Мешки будто огромные бочки. Длина - два метра. Для жесткости каждый мешок охвачен дубовыми досками и железными поясами. Когда мешки подвесили на бомбодержатели, командир полка покачал головой, подумал и распорядился:

- Первыми полетят Бушуев и Константинов...

Так уже в полку повелось: везде, где трудно, - там Бушуев и Константинов. Они полетели, когда надо было найти аэродром противника под Россошью. Полетели одни. Они полетели в составе звена, когда надо было найти Мало-Ивановку и доставить

туда генерала Никишова. И не будь они в составе звена, задача не была бы выполнена. Они выступили первыми и тогда, когда встал вопрос о контроле боевых действий экипажей...

- Если при взлете, пробежав с километр, не оторветесь, взлет прекращайте, - наставляет их командир.- Если оторвались и увидите, что самолет может набрать высоту хотя бы двести метров, помигайте огнями: это будет сигналом для взлета других экипажей. Круг над аэродромом не делайте, время не теряйте, сразу становитесь на курс. Если самолет высоту не набирает, садитесь, сделаем пересортировку мешков, уменьшим их вес.

Еще указания - их дает штурман Морковкин: заход на плацдарм для сброса мешков - от острова на Волге, высота шестьсот метров. Высота сбрасывания четыреста. Ориентирами будут служить костры в нишах берега.

- Ясно, - сказал Бушуев, и экипаж направился к самолету.

Штурман проверил крепление мешков, летчик опробовал мотор, и машина пошла на взлет. Грузно бежит, тяжело, долго. Вот она начинает "проситься" вверх, но летчик не пускает ее, прижимает к земле, ждет, когда увеличится скорость. Наконец самолет плавно отошел от земли, постепенно пошел в набор высоты.

Дав нужный сигнал готовым для взлета самолетам, экипаж встал на курс. Медленно, с трудом поднялись на четыреста метров, и вот она, Волга. В воде отражаются блики огня, полыхающего на западном берегу. Штурман внимательно смотрит в том направлении, ищет.

- Есть, командир! - кричит он наконец.- Вижу!

На узкой песчаной полоске, между водой и высоким обрывистым берегом, светятся три костра. Отсюда их видно отлично. А немцам, находящимся на том же берегу, но в отдалении, не видно. Справа проплывает большой остров, рассекающий русло Волги. По команде штурмана летчик доворачивает машину к тому месту, над которым надо сбрасывать груз. Рука штурмана нащупывает в темноте кабины шарики - окончания тросовой проводки, за которые нужно дернуть, чтобы открыть замки бомбодержателей.

Вода под крылом. Приближается берег. Видна высокая насыпь железной дороги, идущей по берегу. За насыпью начинаются пожары. Горит город. Дымы закрывают дорогу. Сквозь их мглу вспыхивают взрывы снарядов. Мечутся лучи прожекторов, лихорадочно обшаривают темное небо.

Волга осталась позади. Под самолетом береговая черта. Точка сбрасывания груза все ближе и ближе. Высота шестьсот метров. Все хорошо. И вдруг обжигающая сердце мысль: упадут ли мешки

куда нужно? Вдруг упадут к фашистам? Место, на которое надо их сбросить, - узкая полоска земли у самого берега Волги, темная небольшая полоска с тремя кострами. А там, чуть дальше, уже вспышки огня, идет перестрелка, - там линия соприкосновения.

Бомбометание для Константинова - дело привычное. Он уже так стал чувствовать траекторию падения авиабомбы, что мог, соразмеряя высоту и скорость полета, положить бомбу рядом с движущейся по дороге автомашиной. А однажды он поразил машину прямым попаданием. Но сейчас под крылом самолета висели не бомбы, а мешки. Неуклюжие, плохо обтекаемые мешки, снабженные парашютами. Траектория их полета зависит от направления и скорости ветра.

А каков сейчас ветер? Его направление можно определить по дымам, но от множества пожаров возникает множество воздушных потоков. Их хаотическое движение не совпадает с направлением расчетного ветра.

Что делать? Развернуться и зайти снова? Но если фашисты откроют огонь, с таким грузом маневрировать будет трудно, почти невозможно.

- Дима! Повторим заход! - принимает решение штурман.- Не с четырехсот метров будем бросать, а с двухсот.

- Это другое дело! - одобряет Бушуев.- Это наверняка.

Летчик уменьшает обороты мотора, плавно, со снижением идет в разворот. "Эрликоны" пока не бьют, за гулом артиллерийской стрельбы немцы не слышат шум самолета. Середина реки. Опять разворот. Опять курс на костры.

- Дима, планируй!

Свистит ветер в лентах-расчалках. Высота падает. Уже двести метров. Костры приближаются. Вот они, под крылом. Вот насыпь железной дороги.

- Бросаю!..

Самолет делает прыжок вверх: от такой тяжести освободился, так легок стал и послушен! Бушуев бросается в сторону от несущихся к самолету огненных трасс. Прижимается к земле. Ведь они над плацдармом, над своими войсками, и чем ниже идет самолет, тем труднее в него попасть от дальней границы плацдарма.

Штурман, несмотря на резкие броски самолета, повернулся назад, следит, не спуская глаз, за мешками. Два мешка, две белые шапочки-купола отчетливо видны на фоне зарева. Они падают у самой насыпи, там, где и положено.

- Дима! - кричит Владимир.- Так и надо бросать. Двести! Нет, сто метров надо держать! Сто! И точность сброса отменная, и попасть в нас нелегко.

И вдруг он видит другой У-2, именно в тот момент, когда его экипаж сбросил мешки. Сбросил с высоты четырехсот метров. Самолет идет над плацдармом, а к нему уже тянутся трассы вражеских зениток. На фоне зарева хорошо видно мешки. В них тоже стреляют. "Зачем? - думает штурман.- Они и так упадут не туда, куда нужно!" Он не ошибся, мешки упали в воду.

Что это? В кого стреляют фашисты? Цепочки трассирующих пуль летят к середине реки. По катеру бьют! Но трассы проходят выше. Немец-стрелок вводит поправку, трассы немного снижаются и... встретив преграду - выступ высокого берега, рикошетом уносятся вверх.

- Идея! - кричит Владимир.- Дима! Сделаем пробный заход.

Бушуев понял. Развернувшись влево, он снижается к самой воде и несется вдоль берега, прикрываясь им, как стеной. Через минуту, развернувшись и опять прижавшись к воде, идет в обратном направлении, на костры. Вот они мелькнули под плоскостью.

- Отлично, Дима! В следующем вылете так и зайдем, по береговой черте.

Штабная землянка. Шум, говор. Экипажи делятся впечатлениями. Входит майор Хороших. Спрашивает:

- Как дела, товарищи? Бушуев здесь?

- Здесь, товарищ командир, - отвечает Бушуев, - Задание выполнено, но высота сброса мешков неподходящая, надо уменьшить...

- Ты опять за свое, Бушуев? - недовольно говорит командир.

- Да, за свое, - твердо отвечает Бушуев, - ибо видел своими глазами, как пара мешков упала в воду. Это подтвердит Константинов.

- И я тоже за снижение высоты сбрасывания, - говорит штурман Сафонов. Мы с Воробьевым бросали мешки с высоты двести метров. Выше нельзя, а ниже можно. Ветер наверху сильный, крутит, сносит мешки.

- Там сто ветров...

- Плацдарм очень мал...

Майор Хороших молчит. Слушает. Вот он поднял руку, и все сразу затихли.

- Смирнов, сколько пробоин в вашей машине? И в вашей, Бушуев?

- Пробоины есть, - отвечает Бушуев, - но как их миновать, если огонь противника плотен до предела?

- Миновать можно, - говорит Маркашанский, - если на костры заходить так, как заходил один из экипажей. Он шел, прижимаясь к самой воде, прикрываясь высоким берегом.

Командир удивленно молчит. Долго. Потом спрашивает:

- Кто сбрасывал мешки таким образом?

- Маркашанский видел мой самолет, - отвечает Бушуев, - однако этот заход был пробным, уже после сбрасывания. Но в следующем вылете я хотел бы зайти именно таким образом. Так мы решили со штурманом. Такой заход обеспечивает и точность доставки груза, и безопасность от огня противника.

Командир принимает решение:

- Согласен, Бушуев. Пусть будет по-вашему. А вы расскажите товарищам, поделитесь опытом. И вы, Константинов... Но через Волгу идти не на бреющем, не над самой водой, а повыше, на сто пятьдесят - двести метров. Не ниже. Близость воды опасна.

Константинов облегченно вздыхает.

Мешки - это не операция, это эпопея. В течение месяца с площадок, расположенных близ Сталинграда, работает дивизия У-2, возит боеприпасы, медикаменты и продукты на три плацдарма, на которых зарылись в землю и твердо стоят герои 62-й армии. Причем доставка продуктов оказалась более трудным делом, чем доставка боеприпасов. Мешки с боеприпасами подвешивали, как бомбы, а мешки с продуктами пришлось укреплять на крыле самолета: на бомбодержателях, под крылом, они просто не умещались. Пришлось подумать над тем, как их укрепить и как сбросить. Решили привязывать мешки так, чтобы штурман, сидя в задней кабине и держа концы натянутых веревок, идущих к узлам крепления, мог, когда нужно, отпустить их и сбросить мешки.

Когда летчики увидели первого штурмана, сидящего в кабине и держащего в руках веревки, протянутые к плоскостям, они невольно рассмеялись. Штурман напоминал извозчика с вожжами. И тем не менее люди гордились своей выдумкой: система действовала. Впрочем, действовала не безотказно. Были случаи, когда веревки, сбитые встречным воздушным потоком, запутывались, и мешки не срывались. И штурман, рискуя свалиться с крыла, сталкивал их рукой или ногой.

Нечто подобное случилось и у Бушуева с Константиновым. Правда, мешки были на бомбодержателях, а не на плоскости, не сверху, а снизу. Воздушным потоком мешок развернуло, самолет резко накренился, и летчику стало не под силу удерживать его в горизонтальном полете.

- Володя, бросай! - приказал Бушуев.

Константинов, поняв, что случилось, схватился было за тросы, но под самолетом была Волга, мешки могли упасть в воду.

- Попробуй дотянуть до берега! - закричал он.

Несмотря на усилия летчика, самолет заваливался на крыло, терял высоту. А тут еще ударили вражеские зенитные пулеметы.

- Володя, не теряй время, сбрасывай! - крикнул Бушуев.

- Подожди... минуту...- ответил Владимир.

Казалось, что он говорит с трудом, через силу. Обернувшись, летчик увидел, что штурман стоит на крыле и, схватившись левой рукой за борт передней кабины, правой тянется к ленте-расчалке, Бушуев хотел приказать ему вернуться назад, но понял, что его уже не вернешь и лучше ему не мешать. Из последних сил летчик старался удержать самолет от падения, а штурман пытался дотянуться до ленты-расчалки. Ледяной воздушный поток перехватывал дыхание, ослеплял, но штурман был уже близок к цели. Наконец он схватился за ленту и, держась за нее, с силой ударил ногой по мешку и повернул его в направлении полета. В тот же миг, видя, что береговая черта уже под самолетом, летчик дернул за шарики, укрепленные в его кабине, так же, как и в кабине штурмана. Груз упал туда, куда и было нужно.

22 ноября 1942 года. В полку идет митинг. За образцовое выполнение заданий командования, за проявленное при этом мужество и героизм личного состава полку присвоено звание гвардейского. Командир полка зачитал приказ народного комиссара обороны. Полк теперь именуется не 709-м, а 25-м гвардейским. Выступает комиссар Остромогильский:

- Дорогие товарищи! Присвоение полку высокого звания "гвардейский" совпадает с коренным переломом в боевых действиях наших войск в боях за Сталинград. Оборона закончилась. Защитники города на Волге стояли насмерть. И выстояли. Теперь наступают. Среди них и наша славная часть, наши славные воины. Спасибо вам, летчики, штурманы, техники и механики! Спасибо от имени Родины. Вы храбро и умело бились с врагом, защищая родной Сталинград. Теперь задача другая - не дать фашистам выйти из окружения...

"Да, мы бились отважно и храбро, - думает Владимир, - и умело. И мой командир Бушуев, и все мои боевые товарищи, однополчане: Балиашвили, Сысенко, Дудник, Воробьев, Сорокин, Ряховский, Сафонов, Кохановский..."

...Иван Балиашвили в полку не очень давно, с июня. Прибыл из истребительной части. Прибыл уже обстрелянным летчиком. Первое военное утро встретил он в Белоруссии, взлетал по тревоге: над аэродромом гудели немецкие бомбардировщики, их прикрывали истребители. Пара Ме-109 ходила над стартом, не давала взлетать нашим истребителям. Несколько И-16 все же взлетели. Завязался неравный бой. На землю падали немецкие самолеты и наши. Упал и самолет Балиашвили, летчик спасся на

парашюте.

Недавний бой, участником которого оказался, помимо желания, Балиашвили, уже в этом полку, был на редкость неравным: одинокий тихоходный У-2 атаковали два истребителя. А Иван имел при себе особо важный пакет, предназначенный для командующего воздушной армией генерала Тимофея Тимофеевича Хрюкина. Не доставить пакет было просто нельзя. Уходя от прицельных очередей, Балиашвили крутился над верхушками сосен, маневрировал, повторяя извилины речек, лощин, наконец увидел церквушку. "Может, бог мне поможет", - подумал Иван и начал крутиться вокруг колокольни.

Помогло другое: хитрость и отвага пилота, высокая маневренность самолета У-2. Пытаясь атаковать его, фашист задел церквушку крылом. Обломки его самолета, покрывшие прицерковную площадь, охладили пыл второго фашиста: он ушел на свою территорию.

Так получилось, что этот, на редкость удивительный бой наблюдал сам командарм генерал Хрюкин, и когда Балиашвили передал ему особо важный пакет, он тепло, по-отечески обнял смелого летчика и крепко его расцеловал.

Балиашвили начал воевать на истребителях, а Дудник - на бомбардировщиках. В первое военное утро бомбил фашистов у переправы полноводного Буга. Был в составе девятки СБ - скоростных бомбардировщиков. В том же полете встретился с группой Ме-109. Был атакован, когда заходил на посадку. Ранен. Пулевое ранение в левую ногу, осколками - в правую. Машина тоже изранена, но сесть на ней было можно. Дудник сел, зарулил на стоянку, выключил моторы. Из кабины вылез с помощью техников.

Выйдя из госпиталя, воевал на У-2, но вначале в другом полку, выполнил там сто боевых вылетов. Потом пришел в 709-й, когда полк воевал под Валуйками, проявил себя смелым, тактически грамотным летчиком и вскоре возглавил эскадрилью, стал ее командиром.

Степан Романович Дудник - один из лучших разведчиков чести. На его самолет установили дополнительный бензиновый бак, и он, можно сказать, больше жил в небе, чем на земле. Разыскивал фашистские аэродромы, эшелоны с живой силой и техникой, мотоколонны... В какие переделки при этом ни попадал! Однажды чуть было к фашистам в лапы не угодил.

Это случилось уже здесь, под Сталинградом. С одним из полков У-2 была потеряна связь.

"Разыскать! Выяснить, где полк", - потребовал командующий. На разведку полетел Дудник, с ним вместо штурмана - офицер

штаба воздушной армии.

Прибыли на аэродром, а полка там нет. Оказывается, полк взлетел по тревоге: в направлении аэродрома шла группа фашистских бомбардировщиков, и самолеты надо было вывести из-под удара. И как только Дудник приземлился, над аэродромом появились фашистские самолеты, засвистели бомбы. Потом показались танки. А Дудник не может запустить мотор своего самолета. Обстановка усложнялась с каждой секундой, и летчику оставалось одно бросить самолет и бежать. Но Дудник не бросил. И вот винт закрутился, мотор заработал, самолет взлетел.

Саша Халипский - заместитель комэска. Как и его командир Степан Дудник, он много летал на разведку, добывал данные в интересах штаба фронта. В меру уравновешенный, в меру отчаянный летчик, а главное, постоянно боеготовый. На любое задание шел как на работу, хотя и видел идет подчас на явную гибель. Это и спасало его - спокойствие, умение владеть собой в невероятно сложных условиях обстановки. Это и было причиной его боевых успехов.

Однажды полк получил задачу уточнить линию фронта южнее Сталинграда, а точнее, местонахождение передовых отрядов танковой группы противника, идущей на помощь окруженным фашистским войскам. На разведку вышел летчик Халипский и штурман эскадрильи Иван Лукьянов. День был пасмурный, высота облачности двести метров. Пересекли линию фронта, углубились, походили, посмотрели - ничего необычного.

Вернулись, кружат над своими войсками близ линии фронта - отдохнуть от огня надо, подумать, что делать дальше, и вдруг видят сигналы с земли: туда не ходите, собьют. А согласно последним данным, там своя территория. Пилота и штурмана осенило: а не там ли фашистские танки?

Не ошиблись. Там, в ложбине, и нашли скопление вражеской техники. Приземлившись в расположении нашей танковой бригады, доложили результаты разведки. И меры были приняты незамедлительно.

Вот какие они, друзья-однополчане, комсомольцы и коммунисты. Храбрые, благородные люди, для которых защита народа и честь своего государства превыше всего на свете.

Многие остались на поле великой битвы, но ни один из них не поступился своей честью, ни один из них не погрешил против совести до последнего удара сердца. И сейчас они, точно живые, в строю одержавших победу: летчики Бекаревич и Парфенов, Жуков и Дунин, Заплаткин и Коршаков, Чуваркин и Неделько, Кохановский и Железнов; штурманы -Слепов и Марченко, Шамшуров и Зелюкин, Бибиков и Гаркуша, Михеев и Кувичко;

механики - Егоров, Радионов, Борисов... Люди, стоявшие насмерть.

А Виктор Шибанов и Николай Маркашанский живы. Они не вернулись с боевого задания 19 августа после бомбежки переправы через Дон. Товарищи видели: их самолет горел и шел со снижением. Что же случилось?

...Снаряд разорвался под левой плоскостью, отбил элерон, ударил летчика в левую руку. От боли, тошноты все поплыло перед глазами. Обессиленно прислонился к борту,

- Коля, я ранен...

- Я тоже, - ответил штурман.- Развернемся или пойдем на цель?

- Пойдем на цель.

Они уже многое видели, имели опыт, поэтому и сохранили уверенность, силу духа. Переправа уже близка, и вдруг резкий хлопок, взрыв, из-под сиденья - пламя. Что случилось? Сработала САБ. Воздушный поток вырвал ее из кабины, раскрыл парашют, бросил его на хвост самолета. У-2 загорелся.

И опять они не свернули, так и летели, освещенные собственной бомбой. Когда отбомбились, летчик выполнил переворот. Как он и предполагал, бомба с хвоста сорвалась, но самолет горел. По горящей машине немцы открыли огонь. Снаряд разорвался почти под мотором. Осколки ударили по ногам летчика. Отказало управление самолетом. Мотор начал работать с перебоями. Накренившись в левую сторону, самолет неудержимо понесся к земле.

Им повезло. Они упали на своей территории. Здесь были наши разведчики, они и оказали первую помощь. Сейчас летчик и штурман в госпитале. Пишут. Ждут не дождутся, когда возвратятся в родной авиаполк, в родной коллектив.

Выступает майор Хороших:

- Сталинградская битва... Как, чем, какой мерой можно измерить титанический труд советского народа, напряжение физических и моральных сил наземных войск, авиаторов, отданных достижению победы...

Владимир вспоминает бессонные, не дающие отдыха дни, суровые ночи боев. Они бомбили фашистские танки в посадках, обрамлявших сталинградский Центральный аэродром; бомбили войска в поселке тракторного завода; артиллерийские позиции и наблюдательные пункты на Мамаевом кургане, господствующей высоте города, в районе завода "Красный Октябрь". Много ночей бомбили войска фашистов, прорвавшиеся к заводу "Баррикады". При вспышках разрывов бомб Владимир видел, что не было там живого места, все было вспахано бомбами, артиллерийскими

снарядами, минами.

25 октября высота облачности была всего двести метров. Ходить на этой высоте - это значит быть под обстрелом не только "эрликонов", пулеметов, но и автоматов. Что делали Бушуев и Константинов? Направляясь к городу, они входили в нижнюю кромку облаков и, маскируясь в них, ориентируясь по свету пожаров, по лучам прожекторов, выходили на цель, снижались, бомбили и снова ныряли в облачность. Так совершили пять вылетов.

Выполняя задачу по срыву железнодорожных перевозок противника, они бомбили эшелоны на станциях Гумрак, Басаргино, Карповская, Криволузгинская, бомбили на перегонах, в депо, тупиках. Сбросив зажигательные бомбы на станцию Криволузгинская, они неожиданно обнаружили бронепоезд. Бомбить уже было нечем. Снизившись до пятидесяти метров, они начали носиться над целью, обстреливать ее из пулемета, освещать ракетами. И расчет оправдался: сверху повисла светящая бомба - цель увидел другой экипаж.

29 октября, в холодную ветреную ночь, они летали на станцию Басаргино, выкуривали немцев из станционного здания - так и стояла задача: выкурить на мороз! Они взяли на борт зажигательные бомбы. Первый заход был неудачным, бомба упала с недолетом. Бушуев и Константинов снизились до высоты сто пятьдесят метров, и вторая бомба угодила точно в цель. Здание охватило пожаром.

С наступлением заморозков по Волге пошла шуга - первый молодой лед, разбитый течением. А это новая трудность для катеров Волжской флотилии, которые и без того несли потери от артиллерийского обстрела противника. И на полк У-2 легла еще большая нагрузка по снабжению всех трех плацдармов, на которых стояли насмерть бойцы дивизий Гурьева, Людникова, Родимцева, Горохова. Наконец Волгу сковало льдом, и переброска грузов стала обязанностью только авиаторов. Это были трудные полеты. Мешки сбрасывали с высоты двадцати -тридцати метров, от огня врага укрывались за высоким берегом Волги...

Спустя двадцать лет после Сталинградской битвы ветераны 709-го (25-го гвардейского) полка получат письмо от члена Военного совета - начальника политуправления Белорусского военного округа генерал-лейтенанта Владимира Александровича Грекова. Он напишет:

"Вы, вероятно, помните, в октябре - ноябре 1942 года, севернее тракторного завода, в районе поселков Спартановка и Рынок, в полуокружении дралась часть сил 62-й армии. В Орловке до начала октября сражалась 115-я отдельная стрелковая бригада.

С выходом немцев на тракторный завод 15 октября 1942 года остатки этой бригады влились в группу войск под командованием полковника С. Ф. Горохова (124-я и 149-я бригады, которые бессменно до конца сражения удерживали поселки Спартановка и Рынок).

Группа Горохова выжила, устояла, не допустила немцев к Волге в значительной степени благодаря самоотверженной боевой работе и транспортировке грузов летным составом вашего полка бесстрашных".

Прочитав это письмо, Владимир вспомнит свои огненные полеты, вспомнит бои, ставшие испытанием его духовных и физических сил, профессионального мастерства, стойкости, мужества. Сражаясь за Сталинград, Владимир совершил 330 боевых вылетов, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, повышен в должности - назначен штурманом звена, стал офицером, младшим лейтенантом. Эти полеты, бои, это суровое время одновременно явились для него и испытательным сроком на высокое звание коммуниста. В августе он стал кандидатом в члены партии, а в январе, в период завершения Сталинградской битвы, - коммунистом, активным членом партии.

Фронтовые дороги

Тамару назначили в роту связи на Волховском фронте. Ей дали полуторку, в помощники девчонку-шофера, Нину Корнееву, маленькую, живую, веселую. "Странно, - думала Тамара, - рота связи, а занимается в основном доставкой снарядов на линию фронта". И еще одна необычность: за исключением командира и двух его помощников, все бойцы - девушки. Подразделение расположено в небольшой деревушке, расквартировано по домам. Тамара живет вместе с Ниной. Сколько людей в роте и сколько машин, сказать трудно. Все время они в разъезде.

- Расстояние до линии фронта определяем не километрами, а днями-ночами, - поясняет командир роты, невысокий смугловатый капитан Власенко. Говорит он не громко, не спеша, без лишних слов. При этом смотрит прямо в глаза то Нине, то Тамаре. Очевидно, затем, чтобы внимательно слушали.- Почему днями-ночами? Все зависит от погоды. Когда из-за дождей дороги размыты, ехать трудно. Скорость - будто пешком идешь. От погоды зависит и деятельность немецкой авиации. От нее - наша деятельность. О "мессершмиттах" слышали? Их и надо остерегаться. Гоняются за каждой автомашиной. Чтобы не привлекать их внимание, ездим не колоннами, а чаще одиночно, иногда, самое большее, по две-три машины...

Дорога к фронту... Бесконечная, в рытвинах и ухабах. Войны

здесь не было, но по дороге прошли тысячи машин, и покрытие, рассчитанное, может, на десять - пятнадцать лет, пришло в негодность за месяцы. Слева и справа, примыкая к основной, асфальтированной, тянутся дороги грунтовые.

Рытвины, ухабы, воронки чуть ли не на каждом шагу. И Тамара ведет машину осторожно, аккуратно. Толчки, тряска, большая скорость опасны: снаряды могут взорваться. Лучше всего ездить не днем, а ночью. Никто тебя не увидит, никто не атакует. Но и здесь есть свои минусы: в темноте можно въехать в канаву, воронку от бомбы. А фары включить нельзя: закон прифронтовой маскировки.

Надсадно ревя на ухабах и рытвинах, машина упорно идет вперед, минуя села, деревни, деревушки в десять - пятнадцать дворов, церквушки с погостами. Дорога бежит то по краю болота, то по опушке леса, то средь ржаного поля. Хлеба уже сжаты, убраны, поле щетинится жнивьем, почерневшим от влаги, но их сладковатый, щекочущий в горле запах еще парит над землей, мешаясь с военным - запахом гари и взрывчатки.

Тамара сидит за рулем, Нина - рядом. Она отдыхает. Едут молча. В пути не до разговоров. Тамара внимательно смотрит вперед, выбирая места, где можно екать быстрее. Время от времени она переводит взгляд на карту-двухкилометровку, лежащую у нее на коленях. За картой могла бы следить и Нина, но такой у них уговор: тот, кто сидит за рулем, все и делает, за все отвечает. Иначе какой же отдых другому?

Иногда они останавливаются. В селе или деревне - чтобы узнать название и сверить его с картой; на открытой местности - чтобы осмотреться, послушать воздух: нет ли вражеских самолетов. Вот и сейчас, при выезде из-за леска на поле, Тамаре послышался гул самолетов. Приглушив мотор, она стоит у машины, чутко, настороженно слушает. Действительно, откуда-то сверху, из-за облаков, доносится характерный, слегка подвывающий звук. Тамара успокаивается: это бомбардировщики, их бояться не надо: тяжелые самолеты за машинами не охотятся. На это у врага есть истребители. А для истребителей погода неподходящая: пасмурная, с ограниченной видимостью. Правда, погода улучшается, впереди немного светлеет. Надо быть повнимательнее. Возможны разрывы в облаках - летчики называют их "окнами", - а из них появляются истребители.

- Поехали, - сказала Тамара, села в кабину и захлопнула дверцу. Мотор заурчал, машина тронулась, побежала, отсчитывая километры, минуя поля, перелески, деревни.

Третий месяц Тамара служит шофером, возит на фронт боеприпасы. Тяжелая, напряженная и очень однообразная работа.

Все время за рулем, все время в дороге. Поэтому и в роте мало кого знает. Не служит, а просто работает. Будто на производстве. Но больше всего ее удручает другое. Не видит она результатов своей работы. Знает, что есть они, однако не видит. Не она ведь бьет по врагу теми снарядами, которые возит. Артиллеристы бьют. Они уничтожают врага, не она. Она не воюет, а только участвует в войне, только способствует тем, кто бьется с врагом своими руками, огнем своего оружия.

Так думает Тамара. Так она понимает. И принимает решение: надо проситься в авиачасть. Надо быть летчиком и бить врага лично, своими руками, а не руками артиллеристов, танкистов, которым возит боеприпасы. После этого рейса она пойдет к командиру с рапортом. Нет, сначала не с рапортом, сначала поговорить надо, посоветоваться. Рассказать, что в душе творится.

Мысли Тамары прервал гул самолета. Она встрепенулась, уменьшила обороты мотора до минимальных, готовясь к остановке машины. В ту же секунду раздался пронзительный, завывающий, штопором ввинчивающийся в уши звук, за ним последовал взрыв, и тугая волна горячего воздуха ударила в левый борт автомашины, развернула ее, вырвала из рук руль. Но Тамара тут же схватила его, удержала, нажала на тормоз. Снова послышался вой. Раздался второй взрыв, несколько дальше, но такой же оглушительный, резкий. Бомба упала впереди справа, и боковым зрением Тамара увидела огромные, наполненные ужасом глаза Нины, раскрытый рот, готовый сорваться крик. Мягко толкнув ее локтем, успокоила:

- Истребитель, у него только две бомбы.

Но истребитель был не один. С ним оказался напарник. Тамара поняла это раньше, чем его обнаружила. Поняла по тому, как первый фашист выходил из атаки. Атаковав полуторку сзади, он мог, проскочив немного вперед, развернуться и атаковать ее спереди. Но он сделал иначе: сбросив бомбы, плавным боевым разворотом пошел на повторный заход. "Чтобы не мешать ведомому, атакующему тем же курсом", - догадалась Тамара и оглянулась назад: второй уже пикировал.

Ранее чем Тамара осмыслила свои действия, она сделала именно так, как и нужно, как учил капитан Власенко, как она думала ранее, не раз мысленно проигрывала ту обстановку, в которой сейчас оказалась. Переключая скорость, она пронеслась немного вперед, резко затормозила, бросилась вправо, благо позволяла дорога, прилегающий к ней относительно ровный лужок, затем снова рванулась вперед...

Опять послышался свист авиабомбы, страшный, душераздирающий, и пока он усиливался, приближался,

настигал, - все эти мгновения Тамара думала только о том, как подальше умчаться от того места, в котором она находилась в момент сброса авиабомбы, умчаться, пока она несется к земле.

Бомба ухнула сзади, на самой дороге, полыхнула огнем, взметнула фонтан земли. И сразу за ней - вторая. И тоже на дороге, только еще дальше. Но Тамара знала, что это еще не все, что у немцев есть еще пушки, а это пострашнее, чем бомбы. Освободившись от бомб, они будут делать заход за заходом, будут стрелять так, как стреляют на полигоне. Конечно, она не будет стоять на месте, она будет передвигаться, маневрировать, но фашисты могут взять ее в клещи, атаковать с разных сторон.

Страшно, если тебя атакуют сзади. Противник сзади не виден. Маневрировать, не видя его, значит, просто метаться. Надежды уйти от огня крайне мало. Другое дело, если истребитель атакует спереди. Тогда надо мчаться ему навстречу. На максимальной скорости, максимальных оборотах мотора. Уходить от огня "мессершмитта" под него, под прямую его полета. Фашисту, если цель идет под него, надо увеличивать угол пикирования, а это опасно: земля рядом, и высоты для выхода из атаки может не хватить. Остерегаясь земли, фашист не сможет точно прицелиться. Так говорил капитан Власенко.

Сбросив бомбы и проскочив над полуторкой, фашисты не пошли на повторный заход сзади. Очевидно, их подпирало время. Как и предполагала Тамара, они с разворота один за другим перешли в крутое пике, целясь, как ей показалось, точно в лобовое стекло ее автомашины, точно в нее, Тамару. Но это, как ни странно, только вызвало злость и придало силы, уверенности. Она резко нажала педаль газа, мотор взревел, машина рванулась вперед....

Как и первые две атаки, безуспешной оказалась и третья. От четвертой спасли зенитки, расположенные, как поняла Тамара, за лесом левее дороги. Черные шапки разрывов встали стеной перед фашистами, отсекли их от цели. Потом появились новые дымные облачка, но уже в другом месте, правее дороги, там, куда отскочили истребители. Взрываясь, снаряды приближались к ним, настигали, брали в кольцо. Те заметались, но выход нашли: бросив машины в переворот, пронеслись над дорогой невдалеке от полуторки и скрылись за горизонтом.

- Повезло, - вздохнула Тамара и, подчиняясь внезапно охватившей ее слабости, долго сидела молча, безучастная ко всему, бездумная. Потом, будто опомнившись, выключила мотор, стрекотавший на малых оборотах, вышла из машины, постояла, вдыхая пропитанный сыростью воздух, спросила:

- Какой из этого случая сделаем вывод? - Не дождавшись

ответа, сказала: - К сожалению, это не случай, а система. Какой уже раз - третий, четвертый?

- Четвертый, - ответила Нина.

- А вывод такой, - продолжила мысль Тамара, - надо следить за воздухом. Постоянно. Один машину ведет, другой, отдыхающий, не в кабине сидит, как обычно, а в кузове, наблюдает за воздухом. Согласна?

- Чего спрашивать? - пожала плечами Корнеева.- Надо значит надо. Очень даже хорошее дело. Как ты до этого додумалась?

- Из тактики истребителей позаимствовала, улыбнулась Тамара, - они тоже парами действуют. Ведущий противника ищет и ориентировку ведет, ведомый за воздухом следит, оберегает ведущего от внезапных атак истребителей.

- Откуда ты это знаешь? - интересуется Нина.

- Летчик один рассказывал, когда в живых еще был, - отвечает Тамара.

- Кем он тебе доводился? - погрустнела Корнеева.

- Мужем. Отцом моей Верочки...

Письмо Владимиру.

"Как хорошо, Володя, если командир понимает своих подчиненных, говорит с ними по душам, откровенно и удовлетворяет их просьбы. Мне даже жаль уезжать из роты, от нашего командира капитана Власенко. Дело в том, что он обещал мне помочь снова уйти в авиацию. И помог. В ближайшие дни уезжаю.

Мы долго с ним говорили. Но суть моего разговора сводилась к следующему. Я сказала, что возить снаряды для танкистов и артиллеристов это не значит лично воевать. Воюют они, бьют фашистов они, а я только езжу, кручу баранку, а если точно, - катаюсь, прохлаждаюсь близ фронта. Сначала он посмеялся, а потом, когда я дошла до этих слов, обиделся: "Я, значит, тоже прохлаждаюсь? Ты хоть снаряды возишь, у линии фронта бываешь, а я что делаю? Командую теми, кто катается?.."

Так обиделся, что я даже подумала: все, не отпустит. Но ничего, отпустил. Потом, после беседы, сказал: "Разбередила ты мне душу, Константинова. Как я теперь буду служить, да девчонками-шоферами командовать? Придется идти к командиру..."

Миус-фронт

Февраль сорок третьего года. 25-й гвардейский полк кочует по аэродромам, расположенным в междуречье Дона и Маныча, подвигаясь все ближе и ближе к Ростову, по пути отступления немцев от Волги. В полку другой командир - майор Анатолий Захарович Калашников, живой, общительный человек, очень

хороший летчик. Главным в боевой и воспитательной работе считает личный пример. Кабину У-2 предпочитает штабной землянке. Интересен и по отношению к людям, ценит в них не высокие звания, а дело, воинское мастерство. Заблудившись однажды со штурманом части майором Морковкиным, летает теперь с молодыми штурманами Ашаровым, Константиновым, Маркашанским. Любит советоваться с людьми, причем советами не пренебрегает, что, конечно, всем нравится.

Аэродромы следуют один за другим... Полк бомбит врага в районе населенных пунктов Камышевиха, Хомутовская, Большие Салы, Веселое... И в самих населенных пунктах. Стоят очень холодные ночи, и главное в этот момент - выкурить немцев из хат, теплых домов. Это они отняли кров у местных жителей - женщин, детей, престарелых.

Экипажи бьют врага на дорогах, уходящих от Ростова на запад и на север. Уничтожают живую силу и автомашины, чтобы не на чем было бежать. Бьют не только ночью, даже и днем. Увидев колонну, летчики снижаются почти до земли. Гитлеровцы выскакивают из машин, разбегаются в разные стороны, штурманы расстреливают их из пулемета.

- Смотри, что получается! - говорит Бушуев Владимиру.- Противоположная картина. Когда наши войска отступали в направлении большой излучины Дона, нас посылали на разведку с целью определить, куда они отошли и куда продвинулись фашисты. Теперь наоборот, - куда отошли фашисты и намного ли наши наступающие войска оторвались от своих баз. Больше того, гитлеровцы так быстро удирают, что наши не могут догнать, и нам, разведчикам, приходится нацеливать их, указывать более короткий путь для преследования.

- А что, если нам не просто бомбить колонны и расстреливать живую силу, а задерживать врага, - предлагает Владимир, - создавать на дорогах пробки, замедлять движение?

И вот колонна, небольшая, десять автомашин-фургонов, идет по дороге Ростов - Таганрог. Самолет на боевом курсе. Ночь лунная, светлая. Машины видны на снегу, как снимки на фотобумаге: ярко, контрастно. Владимир прицеливается, сбрасывает бомбу, стараясь поразить головную. Взрыв впереди и немного правее. Машина остановилась. Идущая следом обходит ее стороной и снова несется вперед. Все остальные - за ней.

Летчик делает круг, снова заходит в атаку. Штурман прицеливается, сбрасывает бомбу. Опять по первой машине. Взрыв близ дороги. Колонна продолжает движение, увеличивая скорость.

Третий заход. Снизившись до двухсот метров, Бушуев идет

правее дороги. Штурман стреляет из пулемета по головному фургону. Машина встала. Солдаты, оставив ее, бегут от дороги в разные стороны.

Развернувшись, Бушуев снова идет рядом с дорогой, Константинов поливает колонну пулеметным огнем. Но вот боезапас иссяк, солдаты снова сели в машины, и колонна пошла.

- На дороге остались два фургона. И все, - подвел итоги Бушуев.Столпотворения нет. Паники нет. А почему? Продумано все. Отход планомерный. Видишь, идут небольшими колоннами. Небольшие - гибки, маневренны. Да и дороги хорошие, ровные. Пробку создать не просто.

Враг хоть и отступает, но огрызается как только может. 13 февраля наши войска освободили Ростов, а 14-го днем Бушуев и Константинов получили боевое задание разведать дорогу от Ростова до Большекрепинской, посмотреть, куда отступили немцы.

Самолет проходит над городом в направлении с юга на север. Высота сто пятьдесят метров. В городе народу пока немного. В основном на подходе. С узлами идут, с мешками, тянут санки со скарбом. Из деревень, станиц, расположенных близ Ростова, возвращаются в свои дома, квартиры. Увидев самолет, останавливаются, машут руками, платками, шапками. Погода как по заказу: сквозь редкие облака проглядывает веселое солнце.

Самолет над северной окраиной города. Владимир ищет дорогу на Большекрепинскую, но ее найти невозможно. Окраина исполосована окопами, ходами сообщений, и все это залито водой, все превратилось в тысячи больших и малых луж. Владимир пристально смотрит вниз, ищет, и вдруг волна сжатого воздуха - вихревой след пронесшейся пулеметной очереди - резко бьет по лицу. Мгновение, и огневые трассы прошивают пространство вокруг самолета.

- Влево! Влево давай! - кричит Владимир.- Влево!..

Стрелять могли только справа, оттуда, где окопы, а также с дороги, а она где-то здесь, под самолетом, может, немного правее, а слева - большое, еще покрытое снегом пятно - центральный аэродром Ростова, находящийся в стороне от дороги. Известно, что враг его оставил, значит, там никого нет, там безопасно, если будет необходимость, можно и приземлиться.

Летчик бросает машину влево, но снаряд "эрликона" настигает ее, попадает в крыло. Элерон разбит, воздушный поток треплет лоскутья обшивки. Но самолет управляем, мотор работает хорошо. Садиться не нужно. Бушуев кружит над аэродромом, рассматривает стоянки. На них: "мессершмитты", "хейнкели", "юнкерсы". Разбитые. Целые. Разбитые - это работа

гвардейцев, в том числе Бушуева и Константинова. Они прилетали сюда не раз, бомбили, а теперь видят результаты своей работы. Целые и, очевидно, исправные самолеты не улетели из-за отсутствия горючего: гвардейцы разбомбили и сожгли бензохранилище.

- Полюбовались и хватит, - говорит летчик.- Надо идти домой, докладывать: враг рядом с Ростовом.

Таганрогский залив, протянувшийся к западу от Ростова, огромен, как море. На южной его стороне - наши войска, на северной - вражеские. А вот где они там находятся, что делают, и предстоит разузнать нашим разведчикам - Бушуеву и Константинову.

С аэродрома Новониколаевка, расположенного в тридцати километрах южнее Ростова, им надо выйти к населенному пункту Семибалка, что на южном побережье залива, пересечь залив и, углубившись в тыл вражеских войск, обследовать район севернее Таганрога. Посмотреть: есть ли аэродромы, и если есть, то определить, какая на них авиация. Одновременно разведать расположение войск, движение автоколонн на дорогах.

И все это днем. Но при условии, если удержится плохая погода, если нижняя кромка облаков будет не выше двухсот метров. Если выше - лететь нельзя: негде будет укрыться от вражеских истребителей и от огня зениток. Такие условия командир полка поставил перед Бушуевым. Он уже знает своего летчика, знает, если ему не запретить, он сам не вернется, полезет в пекло.

И вот экипаж идет над заливом. Идет, а погода все лучше и лучше. При подходе к середине залива видно, что впереди безоблачно, ясно. И виден берег - высокий, обрывистый. Самолет, идущий над ледяной гладью, виден оттуда как на ладони. "Дальше идти нельзя, - думает Владимир, - надо возвращаться, иначе будет поздно". Но разве скажешь об этом Бушуеву? Наверняка ответит: "Не твое дело. Сиди и молчи". Хуже того, может назвать трусом.

Владимир молчит. Но сидит как на иголках. Ему уже кажется, что на них наводят пушки и пулеметы, вот-вот откроют огонь. Наконец Бушуев не выдержал:

- Это же самоубийство.

- Что верно, то верно, - нарочито спокойно говорит Константинов.

- Так чего же молчишь? - кричит, сразу вспылив, Бушуев. И, резко положив машину в глубокий вираж, разворачивается на обратный курс.

Такой он, Бушуев, когда дело касается выполнения боевого

задания принципиальный, непреклонный, непримиримый. Возвратившись, он будет теперь терзаться, что боевое задание не выполнено, будет думать, что краски он все же сгустил, что погода не такая уж хорошая, чтобы вернуться ни с чем. И хуже всего, что кто-то может подумать, что он, Бушуев, спасовал. Это ему хуже всего.

Опять полет на разведку. И опять днем. Стоит плохая погода, весь район закрыт низкой облачностью. Истребители, штурмовики, бомбардировщики прижаты к земле, надежда лишь на У-2. Командир полка ставит боевую задачу Бушуеву и Константинову:

- Надо сходить за Таганрогский залив, посмотреть, что там делают фашисты. Отходят или закрепились? Маршрут полета: Новониколаевка - Самбек Матвеев Курган - Успенское- Калиновка - Новониколаевка. Проложите маршрут, изучите, вылет по готовности.

Самбек - пункт на северном побережье залива, невдалеке от речки Миус, небольшой и пока что мало кому известной, но которая вскоре станет не только известной, но и знаменитой и даже войдет в историю Великой Отечественной. К ней и летит экипаж лейтенанта Бушуева. Летит под низкой рваной облачностью - всего сто метров отделяют ее от земли. Там, над высоким северным берегом, высота облаков уменьшится вдвое, и лететь будет еще сложнее.

И точно, над береговой чертой залива облака слились с туманом и, чтобы хоть что-то видеть под собой и немного вперед, экипаж летит над самой землей, на высоте десяти - пятнадцати метров, опасаясь встречи с телефонными столбами, с высокими деревьями.

При подходе к Самбеку летчик и штурман вдруг видят окопы. Может, это старые? Сделали круг, посмотрели. Нет, не старые. Свежеотрытые. Летят дальше. Около железной дороги - другая линия окопов, еще не законченная. Немецкие солдаты, побросав лопаты, разбежались. От неожиданности голову потеряли. Вместо того чтобы укрыться в окопах, выбежали на открытое место.

- Видал паникеров! - смеется Бушуев.- Как зайцы.

Еще одна линия - у самой реки Миус. Здесь работают наши, русские. Подростки, женщины. Машут руками, приветствуют. Понятно, не по своей воле трудятся, немцы на работу согнали.

Три линии окопов... Константинов сделал пометку на карте, снова смотрит на землю. И... прямо перед собой в полуотрытом окопе увидел фашиста. Оставив лопату, он мгновенно поднялся, кинул руку на бруствер - за автоматом...

- Вверх, Дима, вверх! - закричал Константинов.

Бушуев не видел фашиста, но по тому, как закричал штурман, по его тону, скороговорке, понял, что здесь что-то экстренное, что каждая секунда промедления грозит опасностью. Понял и, не раздумывая, рванул на себя ручку управления. Мгновение, и самолет влетел в облака.

Влететь легко, а вот выйти... Особенно, если нижняя кромка почти у земли и слилась с туманом. Во всем нужна ювелирная точность: в выдерживании прямой на снижении, в сохранении вертикальной скорости, в сохранении поступательной скорости.

- Снижайся тихонько, сохраняй курс, не допускай кренов, - осторожно советует Владимир.- Ты следи за приборами, а я буду следить за землей, как увижу, скажу.

За чем надо следить и что сохранять, Бушуев знает и сам - он же летчик, - и знает лучше, чем штурман, но доброе слово не помеха в трудных условиях, тем более, что самолет У-2 не приспособлен к полетам в облаках, к полетам вне видимости земли, нет у него нужных для этого дела приборов.

- Хорошо, следи за землей, - соглашается Бушуев и плавно, осторожно переводит самолет на снижение.

Ненамного они углубились в облачность, метров на двадцать-тридцать, не больше, и снижались недолго, с минуту, но минута показалась им вечностью. И это естественно, земля-то рядом, небольшая ошибка - а ее легко допустить! и все, ничего уже не исправишь.

- Земля, Дима! Земля! - закричал наконец Константинов.

Бушуев смеется:

- Так кричали люди, потерпевшие кораблекрушение...

И опять они кружат возле Самбека. Вновь видят окопы. Все новые, свзжеотрытые. И вдруг - небольшая площадка-углубление, на ней - орудие. Крупнокалиберное. Под желто-зеленым чехлом. Около орудия суетятся солдаты. Мелькнуло, как на экране, и пропало. И опять самолет над степью, над речкой, над железной дорогой. Но если погода была бы получше и самолет мог бы подняться повыше, то экипаж увидел бы не разрозненные линии окопов, не одно орудие, а почти подготовленную систему обороны остановившегося здесь противника.

Экипаж идет вдоль железной дороги на север, к Матвееву Кургану. Ничего примечательного. На дорогах отдельные повозки и автомашины. Может, и не отдельные, может, их больше, но что увидишь, если обзор ограничен и высотой полета, и довольно плотным туманом. И все-таки чувствуется, что главные силы гитлеровцев остались позади, в районе Таганрога, Самбека.

Начинается обледенение самолета. Это естественно при такой погоде. Ледок, пока едва заметный, покрывает переднюю

кромку крыла. Выглянув за борт кабины, Владимир замечает, как стекла очков покрываются тонкой прозрачной пленкой. Обледенение опасно: самолет теряет свои аэродинамические качества, становится плохо управляемым.

Над пунктом Успенское машина несется над самыми крышами. И здесь оказались фашисты. У одного из домов Владимир увидел походную кухню. Солдат в длиннополой шинели опрометью бросился к воротам, чтобы укрыться. На улицах тоже солдаты. Но их не так много. Это, наверное, из тех, что отступили быстрее других.

Остался последний пункт - Калиновка. После нее - домой.

Вскоре посветлело, а потом и совсем стало ясно. Через просветы в облаках весело засияло солнце.

- Надо же, такая погода, а мы чуть было не убились, - сетует летчик.

То, что Бушуев и Константинов обнаружили на реке Миус и близ Самбека, было началом возникновения Миус-фронта, началом оборудования оборонительных позиций. А через три дня полк получил боевое задание: бомбить артиллерию противника западнее Самбека. На нее натолкнулись наши наступающие войска.

Чтобы сократить путь до Самбека и сделать большее количество вылетов, полк летает с аэродрома подскока, с площадки, расположенной на южной стороне залива. Ночь лунная, на снегу все видно: повозки, машины, орудия. Самбек - большой населенный пункт - виден издали. За пять километров видны вспышки стреляющих орудий - бьют по нашим войскам.

В первом вылете Бушуев сделал три захода на цель. Владимир сбросил шесть осколочных бомб. В каждом заходе по две бомбы. Взорвались среди орудий.

Зенитки не били: немцы не слышали гула самолета из-за артиллерийской канонады. А прожекторов близ линии фронта обычно не бывает - это легко уязвимая цель для нашей артиллерии.

Второй вылет аналогичен первому. Третий тоже.

После трех вылетов на бомбометание экипаж Бушуева послан на разведку. Надо определить направление и интенсивность движения техники на дорогах, наличие вражеских войск в населенных пунктах Успенское, Амвросиевка, Калиновка, Куйбышево. По возможности определить предполагаемые планы гитлеровцев. Все это севернее Таганрога и Самбека.

Выполнив задание, разведчики выяснили, что дороги, можно сказать, пустынны, движение на них незначительно. Войска, артиллерия, танки, автомашины - очень много автомашин -

сосредоточены в населенных пунктах.

- Или здесь будут обороняться, или уйдут к Самбеку, - сделал свой вывод Бушуев. Владимир с ним согласился.

На южной окраине Калиновки заметили легковую автомашину. Она шла по дороге из Елизаветинской. На борту самолета У-2 оставались две осколочные бомбы.

- Штабная, - определил Бушуев, - надо ее уничтожить.

Летчик зашел на цель, штурман сбросил бомбу. Взрыв полыхнул в двадцати метрах от автомашины. Из нее выскочили трое гитлеровцев, кинулись к ближнему дому. Подгоняемые пулеметными очередями, фашисты удирали по-заячьи - огромными прыжками, зигзагами. Расстояние в двести метров они преодолели раньше, чем самолет развернулся для нового захода. Владимир сбросил последнюю бомбу, взрывная волна повалила машину набок.

На обратном пути, посмеявшись над удиравшими гитлеровцами, Бушуев сказал:

- Хлипкий враг пошел, трусливый и беспринципный. Год назад они бы от нас не побежали, ниже своего достоинства посчитали спасаться от самолета У-2. А теперь бегут, да еще как. Драпать мы их научили. Дай срок, еще и не тому научим, шелковыми будут!

Миус-фронт стабилизировался. Фашисты закрепились на занятых рубежах. Советское командование подтягивает войска, группирует, готовит удар по врагу. Немецкая авиация бомбит Ростов, переправы на Дону. Наши истребители отражают налеты, бомбардировщики бьют по эшелонам и резервам, легкие ночные бомбардировщики полка майора Калашникова бомбят позиции вражеских войск, артиллерию в районе Самбека, ведут разведку.

Бушуев и Константинов летали на разведку. Осмотрели участок железной дороги от станции Успенское до Донецко-Амвросиевки. Все станции прикрыты сильным огнем зениток. Обнаружили два эшелона в момент разгрузки войск и техники. Пока ходили, погода, вначале плохая, становилась все лучше и лучше. И вот на обратном пути, когда до линии фронта оставалось еще целых десять километров, пять минут полета, облачность растаяла, по-весеннему засветило солнце.

Экипаж решает вопрос: на какой высоте идти? Вопрос очень существенный. Если идти на большой, по самолету дольше будут бить и с большей площади. Можно попасть и на глаза вражескому истребителю. Если идти бреющим полетом, будут бить даже из автоматов, а их несчетное число. И каждая пуля может обернуться смертью.

- Пойдем на высоте четыреста метров, - говорит Владимир.

Бушуев соглашается молча и так же молча направляет машину вверх сейчас высота по прибору немногим более ста метров. На предложенной высоте - четыреста - он увидит, откуда пойдут трассы, успеет сманеврировать, увернуться от них.

Штурман внимательно смотрит вперед. Там река Миус. Видна густая сеть окопов, ходов сообщений.

- Смотри, Дима, сейчас начнется.- Только сказал, как справа потянулась красная трасса. "Эрликоны"! А лететь четыре километра. Две минуты под непрерывным огнем.

- Маневрируй, Дима!

Миус все ближе и ближе. Вот он уже под мотором. И вдруг удар в правую плоскость. Элерон повис, обшивка трепещет в воздушном потоке. Но это пустяк, главное то, что прорвались и огонь позади. Живы!..

- Иди, Дима, к Ростову.

Самолет летит у самой земли - бреющим. Навстречу - две колонны наших бойцов. Пешком. Солдаты машут руками, шапками. На кургане стоит генерал, осанистый, плотный. Увидев У-2, тоже снял шапку, помахал.

- Смотри, Володя, генерал нас приветствует.

Погиб Саша Боев, друг Константинова и Бушуева, любимец всего полка. Он и штурман Герман Смирнов летали бомбить железнодорожную станцию.

Ночь была темной и пасмурной, но они точно вышли на цель, отбомбились и взяли курс на свою территорию. В эту минуту и подошел к станции еще один эшелон.

- Зарядимся и прилетим опять, - сказал Боев Смирнову. И они прилетели, первыми из трех экипажей, других не выпустили из-за погоды.

Саша делал второй заход, когда его настигла фашистская пуля. Она была разрывная, и осколки достигли сердца. Саша умер в ту же минуту, только успел сказать: "Я ранен, бери управление". И все. Но штурман понял его как надо: взять управление и сбросить на эшелон последнюю бомбу. Он сбросил, и только тогда повернул на свою территорию. И все было так, как будто машину вел Боев.

Полк летает все дальше и дальше в Донбасс. Экипажи бомбят станции Харцизск, Снежная, Чистяково, Дебальцево. Бомбят эшелоны, скопление войск и техники врага. Препятствуют подтягиванию его сил и средств к линии фронта.

Но откуда летают фашисты? Откуда совершают налеты на наши войска? В Иловайской авиации нет. В Шахтах нет... Наконец обнаружили. Истребители и бомбардировщики стоят близ Таганрога. Обнаружили Бушуев и Константинов. Ночью. Весь

полк летал на бомбежку до рассвета.

Затем бомбили аэродром в Мариуполе. Летали туда с Ейского аэродрома, через Таганрогский залив. Ширина более восьмидесяти километров. Трудно летать над водой. Вверху звезды. Внизу - в воде - тоже звезды. Горизонта не видно: дымка стоит, мгла. Не хочется уходить от берега. Чуть отошел, и уже кажется, что мотор работает по-иному - хуже, глуше, и вот-вот остановится.

- Пойдем повыше, - советует Константинов Бушуеву, - запас высоты не мешает.

Бушуев "скребется" вверх. Набрал тысячу двести метров. Берег еще далеко, а прожекторы уже заработали, щупают небо, ищут. Схватили, и в дело вступили зенитки. Бьют, а экипаж идет "не шелохнувшись" - надо выдержать курс. "Подверни... Отверни..." - командует штурман. А разрывы все ближе и ближе.

Когда вышли на город, начали бить "зрликоны".

- Уснул, что ли! - не выдержал вдруг Бушуев.- Бросай САБ!

Владимир сбрасывает светящую бомбу, и фашисты переносят огонь на нее. Пусть бьют, экипажу меньше достанется.

Наконец штурман бросает бомбы-фугаски. Летчик резко снижается. Разрывы снарядов сзади и выше, но вот приближаются, уже идут по пятам.

- Разворот вправо, на степь! - командует штурман, и летчик направляет машину туда, где нет "эрликонов".

Аэродром бомбят два легкомоторных полка. Бомбят в течение ночи, а утром, будто ни в чем не бывало, фашисты поднимают с него свои самолеты. Наши снова бомбят, а они снова летают. "Разбейте взлетную полосу!" приказал командующий. Задание выполнили, полосу разбомбили, а утром... В чем же здесь дело? Разведчики выяснили: на засыпку воронок от бомб немцы сгоняют население города. С рассвета. А может, держат людей наготове в течение ночи.

Особенность Донбасса - терриконы, пирамиды из черно-бурой породы, поднятой из недр земли при добыче угля. Днем их вершины дымятся, а ночью, в темное время, виден неяркий огонь - голубоватый, зеленый, желтый: горит газ. На каждой пирамиде два-три огонька. Их видно издали. По расположению терриконов относительно населенных пунктов и друг друга экипажи ведут ориентировку, определяют свое место в полете и место цели. Огни терриконов имеют свою конфигурацию, и Владимир нанес их на полетную карту.

Ровеньки - аэродром подскока для полетов в Донбасс. Отсюда полк летает бомбить станции Дебальцево, Чистяково, Красная Звезда, Снежное... А отыскали Ровеньки Бушуев и Константинов,

выполняя специальное задание командования по подбору мест для аэродромов. Летали в районе севернее Ростова на удалении от него до ста километров. Найдя подходящую площадку, садились, определяли, можно ли здесь жить и летать. Все учитывали: размеры летного поля, плотность грунта, возможность маскировки техники, наличие жилья и питьевой воды.

Задание это сложное, небезопасное - сядешь, а площадка неровная, можно сломать машину; можно угодить и на минное поле; можно попасть под огонь "мессершмитта" - и Бушуев, как ни старается, не может скрыть своей гордости: ведь только его экипажу, только ему и Константинову доверяют подбор площадок.

Непостижим Бушуев для Константинова. Известно, что одной из характерных черт военного человека, и особенно летчика, является сдержанность. Но зачем скрывать свои чувства, если ты гордишься чем-то хорошим и гордость переполняет тебя? Если ты рад и радость не умещается в твоем сердце? Разве обязательно, будучи принципиальным, быть одновременно и черствым, сухим, несговорчивым? Ведь бывает же Бушуев иным - простым, душевным, даже ласковым.

Когда полк стоял на аэродроме Агробаза и личный состав был распределен по домам местного садоводческого совхоза, Бушуев и Константинов жили в семье Гамаюновых, где была пятилетняя девочка Зина. Как же к ней привязался Бушуев!

- Зиночка, почему у тебя глазки черненькие? - спрашивал Бушуев девочку.- Ты разве не умывалась?

- Умывалась, - отвечала Зиночка и, забравшись к нему на колени, начинала долгий разговор, состоявший из бесконечных "почему". И Бушуев терпеливо отвечал на вопросы. Больше того, ему это нравилось, занимало его, он становился добрым, улыбчивым, ласковым.

Утром, гуляя, Зиночка ждала его с полетов, издали бежала к нему навстречу, он подхватывал ее на руки, вносил в избу. И прежде чем лечь отдыхать, занимался с нею, играл, забавлял ее.

И вот перелет на другую точку, ближе к Ростову. Бушуев и Константинов собирали вещи, Зиночка помогала, но больше мешала, приставая к Бушуеву со своими вопросами. И вдруг она поняла, что он уезжает, что он уходит из дома надолго, может быть, навсегда. Она начала плакать, Бушуев ее успокаивал.

- Не надо, Зиночка, - говорил Бушуев.- Мы вернемся. Не мы, так другие дяди здесь будут.

- Нет, вы лючче, - качала головой девочка и вдруг разрыдалась безудержно, горько. Бушуев взял ее на руки и, пряча глаза от Владимира, долго ходил с ней по дому, что-то шептал ей

на ухо.

А был еще и такой случай. При возвращении из разведки на пути от Таганрога к Ростову мотор на машине Бушуева стал вдруг работать с перебоями. А внизу залив, и высота всего четыреста метров. Бушуев переводит машину в набор высоты, а мотор вот-вот остановится. Владимир приготовил ракеты для подсветки в случае посадки на воду. Но вот показались плавни заболоченные рукава в устье Дона, и от сердца отлегло, страх прошел, появилась надежда на спасение.

С большим трудом долетели до аэродрома.

- Перебои в работе мотора, температура масла на красной черте, сказал Бушуев технику самолета.

- Странно, - пожал плечами техник, - что же могло случиться?

Бушуев молча встал на стремянку, открыл масляный бак, посветил фонариком. В баке вместо масла пузырилась пена. Техник похолодел: за такое по головке не погладят. Ведь экипаж мог погибнуть. Внезапно обессилев, техник прислонился к крылу самолета, пояснил:

- Старый мотор. Перерасход масла... Я недозаправил перед этим полетом, думал хватит, а вы ходили около трех часов...

Наступило тягостное молчание.

- Ладно, - вдруг неожиданно-спокойно сказал Бушуев, - готовь самолет к повторному вылету. Да повнимательнее...

- Ты простил его за хорошую работу до этого случая?- спросил Константинов, когда они шли на командный пункт.

- Нет, - покачал головой летчик.- Человек, особенно если он связан с авиацией, с полетами, обязан всегда хорошо работать. Это его долг.

- За что же тогда? - настаивал Константинов.

- За то, что он человек, - ответил Бушуев.- Он совершил тяжелый проступок, но не умышленно. И никогда не поверю, чтобы техник пошел на такое со злым умыслом. И ты никогда не верь.

Да, необыкновенный человек Дмитрий Бушуев...

Донбасс - угольное месторождение - представлялся Владимиру мрачным, закопченным, грязным, а оказался очень красивым. Все украшает его: речки, сады, рощи, пирамиды терриконов, красивые балки, поросшие кустарником. В мае все здесь цветет и благоухает. Тем тяжелее смотреть на сожженные дома, разрушенные шахты, заводы.

Полк обосновался на аэродроме, расположенном невдалеке от деревни Власово-Аюта. По дальним целям действует с аэродрома подскока - полевой площадки близ колхоза имени Энгельса, что в двадцати километрах южнее Ворошиловграда.

Есть и еще один аэродром, вернее, полевая площадка в районе Зимовников. Площадка с очень узкой и короткой взлетно-посадочной, к боевой работе не приспособлена, но тем не менее, это постоянная база полка учебная и ремонтная. Здесь готовят молодых, вновь прибывающих летчиков и штурманов. Здесь, установив три огромных, будто ангары, палатки, ремонтируют, восстанавливают избитые в боях самолеты.

Одновременно с выполнением боевой задачи полк получил возможность организовать отдых летающих экипажей. И вот первые шесть человек, среди них и Бушуев с Константиновым, прибыли под Сальск, в местечко, расположенное на берегу реки Сал. Это и есть дом отдыха 8-й воздушной армии. Рядом фруктовый сад, бахча. Самый большой из домов - школа медицинских сестер. И место, и время - все способствует отдыху. С утра и в течение всего дня летчики купаются, загорают, играют в волейбол. И вечером скучать не приходится: одни смотрят кино, другие танцуют, третьи пропадают на волейбольной площадке.

Отдыхающие меняются через каждые пять дней. Прилетают и улетают на У-2, истребителях, бомбардировщиках, садятся тут же, в степи, необозримой, ровной.

Здесь, в доме отдыха, Владимир встретил летчиков из знаменитого полка истребителей, которым командовал Лев Шестаков. На всех фронтах были известны Герои Советского Союза Алексей Алелюхин, Павел Головачев, Владимир Лавриненков, Амет-хан Султан. Какое-то время полки Шестакова и Калашникова базировались на аэродроме в Ростове, и Константинов нередко встречался тогда с прославленными летчиками, но Амет-хана впервые он здесь увидел на волейбольной площадке.

Владимир читал о нем во фронтовых газетах, видел его фотографии, данные крупным планом, и представлял его высоким, плечистым, исполинской силы человеком. А он оказался совершенно иным: ниже среднего роста, тонкий, хрупкий. У него приветливая улыбка, мягкий характер.

На волейбольной площадке истребители сражались с "кукурузниками" (так окрестили штурманов и пилотов У-2), и Владимир, глядя на Амет-хана Султана, удивлялся: откуда в нем, скромном, неприметном, такая удивительная отвага, такая непоколебимая воля к победе.

А вскоре обнаружил в нем еще одну очень хорошую черту характера стремление помочь товарищу. Однажды над домом отдыха появился двухместный "як". Все собрались у площадки: интересно, кого-то привезли, кого-то увезут. Собрались все, а в степь побежал один - Амет-хан Султан. Отбежав метров на триста,

он остановился и, раскинув в стороны руки, лег, изобразил посадочный знак. "Ничего вроде особенного, - думал Владимир, - но никто, и я в том числе, не догадался этого сделать, а он догадался, помог товарищу". Этот, почти незначительный эпизод на всю жизнь запомнился Владимиру как пример хорошего, доброго.

На Миус-фронте, в пятидесяти километрах от переднего края, между станциями Иловайск и Донецко-Амвросиевка, немцы оборудовали аэродром, посадили на него истребители и бомбардировщики, оградили прожекторами, зенитками. Полк майора Калашникова получил боевую задачу: разбомбить это гнездо.

Летая с аэродрома Лысогорка, бомбили две ночи подряд. Как и обычно Бушуев с Константиновым. На третью ночь командир полка их разлучил. Сказал, что надо вводить в строй вновь прибывших летчиков.

- Полетишь с сержантом Фанышевым. Учти, у него это всего лишь четвертый боевой вылет, - предупредил он Константинова, - в прожекторах еще не был, под обстрел не попадал. Пойдете первыми.

Понятно, почему первыми: чтобы иметь возможность нагрянуть внезапно. Взлетели, по пути поднялись на тысячу двести метров. Погода хорошая, ночь звездная, луна светит в полдиска. Зная, что станция Донецко-Амвросиевка, лежащая на пути к цели, прикрыта сильным огнем зениток, оставили ее в стороне и вышли на Амвросиевку, на хорошо заметный ориентир в районе аэродрома. С нее и решили зайти на цель. Курс двести шестьдесят. Впереди аэродром. За ним железная дорога, обрамленная лесопосадкой. "Планируй!" командует штурман. Летчик убирает обороты мотора, начинает снижение. Прожекторы пока не включаются, "эрликоны" не бьют.

Владимир вдруг замечает, что планировать они начали рано. Аэродром еще впереди, а высота уже шестьсот метров. Он не ошибся, он рассчитал правильно. Ошибся летчик, резко сократил обороты мотора. Над границей аэродрома высота четыреста метров, а увеличить обороты нельзя: немцы услышат, обнаружат, откроют огонь.

- Володя! Что делать? - забеспокоился летчик.

- Ничего, - отвечает Владимир, - радуйся, пока не осветили.

Самолет идет по правой, северной стороне аэродрома, над капонирами, но... самолетов в них нет. В чем дело? Неужели перебазировались? Нет, не может быть: времени мало, не успели. А высота уже триста. Куда бросать бомбы? И вдруг Владимира будто толкнуло, он повернулся и посмотрел в левую сторону. Под

левым крылом самолета тускло блеснули широкие плоскости. "Юнкерсы!" Вот почему их нет в капонирах! Они рассредоточены по летному полю.

На решение - доли секунды. Если не отбомбиться сейчас же, потребуется новый заход. Но будет ли такая возможность? Едва ли. И Владимир спешно бросает серию бомб. Шесть осколочных. Слышит их близкие взрывы. Бросает светящую. Еще одну. И сразу включились прожекторы, начали бить "эрликоны". Все небо в огне.

- Разворот влево! - кричит штурман.- Влево, на восток!

Слева внизу вспыхнуло пламя. Это горит "юнкерс". Пламя охватило широкую плоскость. У-2 в глубоком развороте над границей аэродрома, высота сто метров. Владимир хватается за пулемет, бьет по прожекторам, по огневым установкам, откуда, пульсируя, вылетают шары "эрликонов". Летчик маневрирует, но неумело, вяло. Владимир хватает управление, резко бросает самолет из стороны в сторону. Кричит:

- Вот так надо! Быстрее, энергичнее!

Снова бросается к пулемету, стреляет. Снова хватается за управление...

Высота пятьдесят. Прожекторы отстали, бросили - слишком мала высота. Вслед еще летят пулеметные очереди, но проносятся выше, над головой - мала высота самолета. Все, ушли! Из воды вышли сухими.

- Все! - облегченно вздыхает штурман.- Набирай высоту.

Летчик послушно выполняет команду, набирает семьсот метров. Аэродром виден отлично. "Юнкерс" полыхает огромным костром. "Покажем себя, - говорит штурман.- Помигаем огнями, подразним фашистов".

Опять новое в тактике! И автор этого нового опять Дмитрий Бушуев. Константинов - помощник. Вместе думали, вместе рассчитывали, говорили с командиром полка, инженером Федоровым. Они одобрили, согласились, и идея претворилась в практику. До этого боевые задания выполняли одиночными экипажами, теперь летят в составе звена: Бушуев и Константинов, Кухаренко и Сапрыкин, Шибанов и Маркашанский. И это не днем, а ночью.

Чтобы лететь строем, надо друг друга видеть, а для этого надо держать включенными аэронавигационные огни. Но их увидят и вражеские зенитчики.

- А если установить лампочки на верхней части фюзеляжа?- спросил Александр Александрович Федоров.- Их будет видно только сбоку и сверху, то, что и нужно для полета в строю. А снизу, с земли, не видно...

Что еще может быть лучше такого предложения? Все согласились. Инженер полка по электроспецоборудованию Алексей Соколов установил лампочки, и вот звено летит строем. Звено Бушуева.

Говоря о тактике нанесения удара, Бушуев предложил два варианта.

Вариант первый: бомбить всем сразу по сигналу ведущего. Это повысит мощь удара. После сброса бомб экипажи рассредоточиваются, становятся в круг и с круга обрабатывают цель пулеметным огнем. Противник, хочет он того, или не хочет, ведет свой огонь сразу по нескольким целям, а это снижает вероятность попадания. Независимо от того, по одному он бьет самолету или по всем, экипажи, выручая друг друга, подавляют его огонь огнем своих пулеметов.

Второй вариант: так же, как и в первом, до цели экипажи идут звеном. Перед бомбометанием рассредоточиваются, отстают друг от друга на дистанцию семьсот - восемьсот метров. Ведущий, осветив цель для себя и первого ведомого, сбрасывает бомбы и с разворотом влево встает в боевой порядок "круг". Первый ведомый бьет по зенитным точкам, открывшим огонь по ведущему или по кому-то из ведомых. Затем, сбросив бомбы на освещенную цель, освещает ее для второго ведомого и идет в круг вслед за ведущим. Второй ведомый действует так же. Встав в круг, экипажи расстреливают прожекторы, подавляют огонь зенитных точек - готовят "рабочее место" для другого звена.

Договорились, что в первом вылете будут действовать по второму варианту. Так предложил Константинов.

- Цель незнакомая, - сказал он, - сколько там прожекторов и зениток, пока неизвестно. Вдруг всех сразу осветят?

С ним согласились, предложение дельное. Но следующее звено может действовать уже по первому варианту.

Звено на подходе к цели - пакгаузам и плавсредствам - небольшим суденышкам в порту Таганрога. Бушуев дает сигнал: "Рассредоточиться", и уходит вперед. Константинов сбрасывает бомбы-фугаски, затем светящую. Фашисты пока молчат. Бушуев разворачивается влево, зенитчики открывают огонь по второму самолету, подходящему в эту минуту к цели. Владимир берется за пулемет...

И вот звено уже дома, на аэродроме. Возвратившихся с боевого задания окружили товарищи.

- Ну как? Хорошо ли все получилось?

- Отлично! Здесь можно друг другу помочь, поддержать...

- Вижу, по Шибанову бьет "эрликон", но не успел я прицелиться, Константинов как его резанет, он и захлебнулся! -

восторгается Василий Сапрыкин.

- На секунду тебя потерял, - говорит Шибанов Бушуеву, - и вдруг трасса с твоего самолета... По трассе легко друг друга увидеть...

Все говорят, кричат, делятся впечатлениями. Молчит

только Бушуев. Молчит, чуть-чуть улыбается. Сдержанно, снисходительно. "Ну и выдержка, ну и характер, - думает Владимир, - позавидуешь".

Полк действует напряженно. Экипажи бомбят эшелоны на станциях, скопления войск, мотоколонны, переправы и мосты через реку Миус и Миусский лиман, плавсредства в порту. Действуют и одиночно, и в составе звена по плану Бушуева. И вдруг 20 августа важное сообщение: наши войска прорвали Миус-фронт, пошли вперед, на запад, параллельно береговой черте Азовского моря в направлении Токмак - Черниговка.

На аэродроме идет митинг. Выступает Остромогильский:

- Мы долго отступали, теряя товарищей, теряя территорию. Но, отступая, непрерывно бились с врагом, постепенно перемалывали его живую силу и технику, И мы отстояли Сталинград. Теперь одержали победу под Ростовом. Снова настал ответственный час: освобождение Донбасса. Мы собрались, чтобы сказать: задачу, поставленную перед нами, выполним.

На боевом курсе

Летит фронтовое время. Уже позади служба в роте связи, рейсы с боеприпасами к линии фронта, маневры на автомашине под ударами Ме-109. Тамара добилась своего: вновь летает, служит в полку легких ночных бомбардировщиков. Ее уже научили водить машину в лучах прожекторов, показали пути к передовой. Фронт недалеко, и его горячее дыхание доходит сюда, к Новгороду, в районе которого расположен авиаполк. Докатывается глухими раскатами канонады, воем моторов наших и фашистских бомбардировщиков, зарницами пожаров, полыхающих на горизонте.

Тамаре не терпится приступить к настоящему боевому делу, но командир полка майор Яковлев почему-то ее придерживает, не посылает на задания. При первой же встрече с ней он не скрыл своего недовольства, что в полк назначена женщина. "Лучше бы самолет прислали, - сказал он Тамаре, летчиков хоть отбавляй, а самолетов не хватает, за каждым закреплено по два экипажа, летают по очереди. Злые все ходят, недовольные. И вообще, не женское это дело - летать на бомбежку..."

- С этого надо было и начинать, что не женское, - обиделась Тамара.Бомбить, значит, не женское, а возить снаряды и быть под бомбежкой женское?

- Ладно, ладно, обижаться здесь нечего, - примиряюще говорил командир и вновь сердился: - Обидчивость, данную вам природой, при решении летных вопросов применять запрещаю. Учтите, полк здесь мужской, а не женский, поблажек не будет.

Тамара на поблажки и не рассчитывала, напротив, она хотела лишь одного, чтобы ей разрешили ходить на боевые задания. С этим вопросом она однажды и пришла к командиру полка. Майор, до того веселый, приветливый, вдруг рассердился:

- Константинова, не заставляйте меня командовать вам "кругом".

У Тамары затряслись губы, но она сдержала себя, не расплакалась. Проглотив незаслуженную обиду, молча ушла с командного пункта, Обидно. Все летают к переднему краю, бомбят позиции вражеских войск, а она все в районе аэродрома, все тренируется: летает в прожекторах, пилотирует в зоне. Это нужно, полезно для обретения навыков, опыта, но должен же быть какой-то предел!

Но вот тренировки закончились. Тамара идет на боевое задание. С ней Анатолий Гашков, лучший штурман полка, лейтенант. Тамара теперь иного мнения о майоре Яковлеве. Она от души благодарна командиру авиачасти. За чуткость, заботу, за доброе к ней отношение. И летать разрешил, и лучшего штурмана в экипаж назначил. А от штурмана зависит многое: и точность выхода в район цели, и поиск ее, и вероятность ее поражения: бомбы ведь сбрасывает штурман.

- Главное, что от тебя требуется, - говорит лейтенант Гашков, - это выдержать заданный курс на маршруте и боевой курс перед бомбометанием. И еще: сумей сманеврировать, когда немцы откроют огонь. Но маневрировать на боевом курсе нельзя. Даже при самом страшном огне. Иначе я промахнусь, бомбы пойдут впустую.

Мотор работает ровно, надежно. Тугая воздушная струя плавно обдувает кабину. Ночь безлунная, темная, и от этого только ярче кажутся огни из выхлопных патрубков. Они мельтешат перед глазами, мешают смотреть, но от них никуда не денешься. Тамара глядит на приборы. В темноте они светятся лучше, отчетливее. Высота тысяча двести метров, скорость сто километров, курс двести семьдесят. Наконец-то она летит на запад! Как долго Тамара ждала этого дня, как долго об этом мечтала!

- До цели осталось десять минут полета, - предупреждает Тамару штурман.

Нервы напряжены, но, как это ни странно, Тамара не чувствует страха, неуверенности. Она очень надеется на Гашкова,

на его опыт, мастерство. Наслышана Тамара и об умении штурмана внезапно нагрянуть на цель, точно ударить по ней, быстро сориентироваться и подсказать летчику, как незаметно и быстро уйти на свою территорию. Поэтому летчики, с которыми летает штурман Гашков, не теряют ориентировку даже в самых сложных

погодных условиях, меньше других попадают под огонь "эрликонов", а следовательно, и самолеты их меньше стоят на ремонте, больше других летают.

- Газок прибери, - командует штурман, - снижайся до высоты восемьсот.

Вот она, хитрость Гашкова, а что за нею скрывается - Тамаре уже известно. Еще на земле они уточнили, что ветер сегодня западный, то есть встречный. "Это и плохо и хорошо, - говорил Гашков еще на земле.- Встречный уменьшит путевую скорость самолета, увеличит время полета. Представь, пояснял Гашков, - нас обнаружили за пять километров до цели, открыли огонь. На какой скорости мы быстрее пройдем эти пять километров - на сто или сто пятьдесят?" Так ясно и коротко разъяснил он отрицательную сторону встречного ветра.

"И все-таки отрицательного здесь меньше, чем положительного", толковал далее штурман. И пояснил, что при встречном ветре, когда звук мотора относится назад, можно скрытно выйти на цель, внезапно нанести удар. А это самое главное. Потом, если противник и откроет огонь, то он уже не так страшен. Когда сброшены бомбы, летчик может энергично маневрировать, уходить на свою территорию. Огонь страшен тогда, когда самолет на боевом курсе, когда штурман прицеливается, а летчик, боясь "пошевелиться", старается провести машину "по ниточке" - с точностью до градуса выдержать курс, до километра скорость, до метра высоту. Ошибка, неточность приводят лишь к одному - бомбы пойдут впустую.

Уменьшив обороты мотора, Тамара ведет самолет со скижением. Мотор уже не рокочет, лишь приглушенно шумит. Высота восемьсот. Снижаться больше не нужно. Тамара переводит У-2 в горизонтальный полет, добавляет обороты мотору.

- На боевом! - командует штурман, и Тамара, впившись взглядом в приборы, мелкими точными движениями педалей и ручки точно выдерживает скорость, курс и высоту. - Бросаю светящую бомбу!

Самолет идет в темноте, а местность видна как на ладони. Тамара глядит вниз и на приборы. Впереди, за полусожженной деревней, - плавный изгиб речушки, на том берегу темные пятна

кустарника, за ним цель артиллерийская батарея. Тамара не видит ее, но знает, что именно здесь она и находится и именно в это место бросит бомбы Гашков.

- Бросаю!..

И сразу ожили прожекторы, подняли свои лучи, зашарили по небу, стараясь поймать самолет. Но поймать его трудно: пока светящая бомба в воздухе, самолет почти невидим. Но дело не только в том, что его трудно увидеть, свет САБ морально действует на зенитчиков и прожектористов противника: в любую минуту их может накрыть авиабомба или пронзить пулеметная очередь. И тут им, конечно, не до поиска, не до стрельбы.

Однако бомба горит недолго. Скоро она погаснет, и прожектористы снова начнут искать самолет. Но Гашков не ждет этой минуты, он быстро дает Тамаре курс на свою территорию.

После посадки летчик и штурман пришли на командный пункт. Тамара должна доложить командиру полка о выполнении боевого задания. Командир сидел за столом строгий и озабоченный. Он просматривал какие-то документы, но, увидев Тамару, вдруг просиял, улыбнулся, как ей показалось, облегченно вздохнул. Поднявшись из-за стола, шагнул навстречу и, не дослушав доклада, крепко пожал руку, поздравил:

- С первым боевым вылетом вас, Константинова! Как говорится, с боевым крещением! - посмотрев прямо в глаза, внимательно, испытующе спрашивает: Ну как? В прожекторы не попали? Под зенитным огнем не были?

Тамара пожимает плечами и говорит совершенно не то, чего, как она поняла, ожидал командир:

- Даже не верится, что все получилось так просто, обычно. Конечно, это все благодаря штурману. К цели подошли скрытно, неожиданно. Осветили ее, сбросили бомбы. Только тогда включились прожекторы, начали бить "эрликоны". Но уже было поздно, мы быстро ушли. Так что немцы ничего не успели...

Командир улыбается ласково, задумчиво. А Тамара продолжает:

- Боялась встретить ураганный огонь зениток, очень боялась прожекторов... А получилось - ничего особенного.

- Зря, выходит, боялась. Разочарование полное! - шутит командир.Может, и не стоит больше летать? А? Зачем же, если нет никаких впечатлений? - И серьезно закончил: - Вы правы, Константинова, огонь миновал вас благодаря умелым действиям штурмана, его опытности, предусмотрительности. Подумайте, еще раз оцените этот полет, проанализируйте его, критически оцените свои действия. А теперь - на отдых, сегодня больше не полетите.

- Нам запланировано два полета, - напоминает Тамара.

Командир не согласен:

- На сегодня хватит. Идите на отдых.

Время еще не позднее. Гашков и Тамара неспешно идут к деревне, близ которой расположена их боевая площадка. В деревне они и живут, по два-три человека в избе. Тамара живет одна у многодетной хозяйки, муж которой сражается здесь же, на Волховском фронте.

Наступает весна, под ногами хрустит ледок, затянувший перед вечером лужицы. В небе рокочет мотор. Экипаж, пришедший с боевого задания, проходит над стартом, мигая аэронавигационными огнями. Это сигнал - доклад о возвращении и запрос на посадку. Доклад - это понятно, но надо ли спрашивать разрешение на посадку. Оказывается, надо, поясняет Пашков. Научил и потребовал этого горький опыт войны, точнее, фашистские истребители Ме-110. Имея большой запас горючего и сильное пулеметно-пушечное вооружение, они ходят по нашим прифронтовым тылам, высматривают ночные аэродромы, подкарауливают и атакуют самолеты, когда те заходят на посадку. Иногда сбивают именно на планировании, когда самолет идет в створ полосы и внимание летчика приковано к земле.

- Чтобы фашист не нагрянул внезапно, - говорит Гашков, - под шум наших моторов, в помощь руководителю полетов выставляются посты "слухачей". Три-четыре поста вокруг аэродрома. На них - солдаты, умеющие отличать звук немецких моторов от наших. Расположившись по границе аэродрома, они слушают небо.

Летчик и штурман тихо идут по деревне, каждый занят своими мыслями, своими заботами, но получается, что и мысли и заботы у них общие, больше того, одни и те же.

- Ты обратила внимание, как обрадовался командир, когда мы пришли на КП? - спрашивает Гашков.- Это он тебе обрадовался. И разговаривал обратила внимание? - только с тобой.

Да, Тамара это увидела сразу, но вначале восприняла это как и положено: ведь она совершила первый боевой вылет. И она этому рада, и командиру должно быть приятно. Тем более показалась обидной и так больно кольнула фраза, произнесенная им в разговоре: "Может, не стоит больше летать?" И эта фраза не выходит из головы, хотя командир говорил вроде бы в шутку.

- То, что командир обрадовался, я это увидела сразу, - отвечает Тамара, - но никак не пойму причину. Может, я ошибаюсь, но мне кажется...Тамара помолчала, подумала, советуясь с собой: говорить или не говорить, и сказала: - Мне

кажется, что командир обрадовался не тому, что я сделала вылет, а что видит меня живой и здоровой.

- Так это естественно.

Но Тамара будто не слышит его.

- Ты знаешь, слово "обрадовался" здесь не совсем подходит. Мне кажется, что командир не обрадовался, а скорее удивился. И мне понятно теперь, почему так долго он не пускал меня на задание, почему невзначай, будто в шутку обронил фразу: "Может, не стоит больше летать?"

- Почему же? - недоумевает Гашков

- Он не верит в меня как в летчика, - с обидой поясняет Тамара. Все-таки женщина...

- Не сгущай краски, Тамара. - Остановившись, Гашков смотрит на проходящий вверху У-2. Самолет мигает огнями, просит разрешения на посадку. Отсюда не видно, но можно понять: разрешили. Летчик выключил аэронавигационные огни, пошел к третьему развороту для захода в створ полосы.

- Счастливые вы, мужчины, - вздыхает Тамара. - Экипаж сейчас приземлится, снова подвесит бомбы, снова пойдет на задание. А я полетик сделала - и домой, на отдых. "Хорошего понемножку", - решил командир.

- Так и я ведь тоже иду домой! Тоже выполнил только "полетик".

- Верно. Но из-за кого? Из-за меня. Если бы ты летал со своим летчиком, а не со мной, ты сделал бы три-четыре полета, а то и больше. Разве не так?

- Вообще-то, наверное, так, - помедлив, отвечает Гашков. - Нам ведь планировалось два полета, почему же один отменили? Непонятно.

На следующую ночь Тамара выполнила два полета. Один в самом начале, второй уже в конце ночи, под утро. И оба полета с Гашковым. Но кроме нее он еще трижды летал со своим летчиком. И Тамара твердо решила, что командир полка не доверяет ей, сомневается в ее летных способностях, мастерстве, мужестве. Поэтому и не пускает ее с другим, менее опытным штурманом.

Полк не летал три ночи - шли дожди, над районом висела низкая облачность. На четвертую ночь командир запланировал Тамаре три полета, но едва она выполнила первый, как случилась беда - один из экипажей был сбит зенитным огнем противника. Она узнала об этом сразу же после посадки. У нее заныло в груди, но она сдержалась, не показала, как ей тяжело, а когда ее самолет, пилотируемый другим летчиком, снова поднялся в небо, ушла в темноту и дала волю слезам. Она оплакивала и только что

погибших товарищей, и себя, так внезапно осиротевшую с гибелью мужа, и дочку, оставшуюся без отца.

Когда ее самолет возвратился и снова был подготовлен к полету, Тамара, соблюдая очередь, снова села в кабину с твердой решимостью выполнить боевую задачу. Она уже приготовилась к запуску мотора, но прибежал посыльный и сказал, что командир полка распорядился передать машину другому пилоту.

Нет ничего обиднее, когда летчик получает распоряжение уступить свой самолет кому-то другому. Даже если более опытному, старшему, даже если кому-то из командиров. И действительно, на самолете Тамары полетел командир другой эскадрильи - его самолет из боя пришел неисправным. Но Тамара не обиделась, она обеспокоилась. Для комэска самолет могли отобрать у любого из летчиков, отобрали же у нее.

На следующий день Тамара пришла к командиру полка. Надо поговорить, выяснить то, что волнует, не дает спокойно жить и работать. Оказалось, командир ее ждал,

- Обязательно надо, - сказал он.- По душам. Откровенно. По-человечески.

Они говорили долго, и последнее слово было за командиром:

- Не могу, Константинова, сил моих больше нет. Посылая вас на задание, посылаю в огонь, а если точнее, на возможную смерть. Сколько людей погибло! И вчера не вернулось двое. Случись подобное с вами, всю жизнь буду казниться. У вас же дочурка. Она потеряла отца. Не могу, чтобы в нашем полку она потеряла и мать. Поймите, не могу. И не допущу!

- Что же мне делать? - спросила Тамара в отчаянии.

- Я созвонился с начальством, попросил перевести вас из полка. Мне обещали. Будете служить в эскадрилье связи, там тоже У-2. Все решено, Константинова, приказ о назначении будет подписан на днях.

Эскадрилья связи - на том же Волховском фронте. В эскадрилье, как и в полку легких ночных бомбардировщиков, только мужчины, вернее, молодые ребята. И тот же У-2. Пожалел Тамару командир ночного полка, не хотел посылать под огонь, на риск и смерть, а получилось как в известной пословице: из огня да в полымя. На бомбежку она теперь не летает. Она развозит секретную почту, офицеров связи, иногда больших командиров, но все это близ линии фронта.

Если раньше, летая бомбить врага, Тамара опасалась только зениток, то теперь за ней охотятся истребители. Если раньше она летала только в темное время и ночь была ее надежным союзником, то теперь, когда она летает лишь в светлое, день, особенно солнечный, яркий, стал ее недругом. Так же, как

раньше, когда она возила боеприпасы. Только раньше, услышав гул моторов вражеских истребителей, она могла укрыться вместе с автомашиной в лесу, а теперь в лесу не укроешься и спасение только в одном - не попадаться фашистам на глаза. А как это сделать, если они на каждом шагу? Дважды она уже приходила домой на изрешеченном самолете.

Доставить в назначенный час секретный пакет, избежав при этом встречи с истребителями, или, встретившись с ними, благополучно от них уйти - это искусство. Но Тамаре это искусство не по душе. Не по душе ей такие полеты, когда надо скрываться, маскироваться и прятаться. Не по душе ей и легкокрылый У-2. Она уже чувствует, что нужен ей боевой самолет, нужно оружие, чтобы она могла рассчитаться с врагом за все, что накипело в душе. За потерянного мужа, за погибших товарищей по эскадрилье, за разбитый родной город Калинин...

Об этом она и сказала Мишуткину, своему товарищу, летчику эскадрильи связи.

- Ты знаешь, у нас с тобой одни и те же заботы. Я тоже мечтаю отсюда уйти, - признался Мишуткин.

- Куда же? И каким образом?

- По разнарядке уйти в какой-нибудь учебно-тренировочный полк, там переучиться на боевой самолет, а оттуда - на фронт по назначению.

- И это возможно?

- Конечно.

- А почему же ты раньше не использовал эту возможность?

- Не знал. Разнарядки в эскадрилью приходят, но командир их скрывает, не хочет отпускать летчиков. Об этом мне сказал товарищ, который служит в штабе дивизии, он и предупредит меня, когда придет разнарядка очередная.

- Мишуткин! - взмолилась Тамара.- Мы же друзья, неужели ты мне не поможешь?

- Помогу обязательно, иначе какой же я товарищ, - пообещал Мишуткин.

"Здравствуй сестричка! - пишет Владимир.- Наши полковые дела идут хорошо, это значит - победно. Отошло время, когда мы отступали. Теперь отступают фашисты. И не просто отступают, а порой и удирают. Да так, что наши войска не могут их догнать. Мы помогаем, нацеливаем их с воздуха, указываем направление преследования, а затем и ударов. Интересная работа! Никогда ничего подобного не испытывал. Представляешь!

Рад за тебя, что снова летаешь. Знаю, что сейчас у тебя на душе. Молодец, своего добилась. Так и надо..."

"А может, я не права, - думает Тамара, прочитав письмо брата, - может, поступаю не так, как следует? Возить снаряды на автомашине - не по мне. Хотя другие возят, и ничего, не жалуются. Возить на У-2 пакеты с особо важными распоряжениями - тоже не по мне. Хотя другие возят, и ничего, даже рады. Не слишком ли многого я хочу?

Нет, не слишком. Мишуткин тоже воевать хочет по-настоящему, своими руками фашистов бить. И другие тоже. Поэтому и разнарядки комэск под сукно прячет. Скажи только о них, только обмолвись, как все станут требовать отправить их на переучивание. Все захотят летать на "илах", Пе-2. Спасибо тебе, братишка, что за меня радуешься, но я не радуюсь, я еще не добилась того, что мне нужно, чего душа требует. Но я добьюсь, Добьюсь обязательно!"

В небе Донбасса

Полк майора Калашникова, содействовавший прорыву Миус-фронта, помогает теперь наземным войскам в наступлении, бомбит отходящего врага на дорогах, станциях, в населенных пунктах. Откатываясь на запад, фашисты ожесточенно сопротивляются на земле и в воздухе. Самолеты приходят разбитыми, ранен летчик Воронков, погибли летчик Кулагин и его штурман Чалый. Чалый опытный, знающий свое дело авиатор. Но несмотря на это, всегда учился, всегда обращался за помощью к еще более опытным товарищам, чаще всего к Константинову. Дошел почти до Донбасса, до родных своих мест, и погиб недалеко от своего дома: до войны он жил в Красноармейске.

Сейчас полк действует с аэродрома Николаевна, что в шестидесяти километрах севернее Мариуполя. Звено Бушуева бомбило разъезд Бельманка в пятнадцати километрах от станции Токмак. Через день бомбили Токмак. Затем разбили паром на Днепре. Когда подходили к цели, в облаках появились разрывы, и в лучах лунного света заблестела река.

- Смотри, Дима! - воскликнул Владимир.- Днепр! Красота-то какая!

- Вижу, - ответил Бушуев.- Но Днепр пока что немецкий. И переправы на нем - немецкие.- И вдруг запел: - "Из твоих стремнин ворог воду пьет..." Помолчал и жестко добавил: - Но недолго ему осталось...

Наши войска приближаются к Запорожью. Там расположены сильный вражеский гарнизон, долговременные укрепления. Полки У-2 дивизии генерала Павла Осиповича Кузнецова должны помочь нашим наземным войскам громить врага. Но Запорожье прикрыто прожекторами, зенитной артиллерией среднего и крупного калибра.

Звено в составе экипажей Бушуев - Константинов, Кухаренко - Сапрыкин, Шибанов - Маркашанский получает боевую задачу: обеспечить работу дивизии, заблаговременно нанеся удар по прожекторам и зенитным установкам.

Задача сложная и очень опасная: экипажи должны вызывать огонь на себя и сами же подавлять его.

Звено выполняет работу так, как предложил Бушуев. Майор Калашников с ним согласился. Впереди идет экипаж Бушуева, за ним с временным интервалом две-три минуты - экипаж Кухаренко, затем Шибанова. Каждый экипаж берет по шесть осколочных бомб и по три светящих. Кроме того, боекомплект для пулемета.

Двадцать минут полета, и вот она, цель - прожекторы и зенитки. Высота тысяча метров. Бушуев идет, не сбавляя оборотов мотора. Немцы молчат, очевидно в недоумении: почему самолет подходит так открыто, даже не приглушив мотор? Может, это разведчик?

И фашисты не выдерживают, включают прожектор. Пока один. Самолет заходит в его направлении, бросает бомбу. Прожектор погас, но тут же поднялись другие, заработали зенитки. Штурман бросает светящую бомбу, и дуэль начинается...

К цели подходит Кухаренко. Огонь врага усиливается, только успевай поворачиваться. Но теперь они действуют парой, так надежнее. Чувствовать локоть друга в бою - большое дело.

Подходит Виктор Шибанов, с ходу вступает в бой. Теперь их трое. Немцы ожесточились вконец. Снаряды зениток рвутся так

близко, что заглушают рокот моторов.

Бушуев и Константинов уходят. Два экипажа остаются. Потом остается только один. Можно было уйти всем сразу, но надо продлить пребывание советских машин над вражеской территорией, продлить воздействие на противника, нанести ему как можно больший ущерб. Наконец уходит и Шибанов, повесив над целью последнюю светящую бомбу - для экипажа, подошедшего во главе основных сил дивизии.

Конец сентября. Бушуев и Константинов летят подыскивать площадку для полка в районе юго-западнее станции Большой Токмак, на северном побережье Азовского моря.

Составили кроки на три площадки. А потом увидели четвертую, более подходящую. Бушуев спланировал, сел и... угодил колесом прямо в канавку след ручейка. Левый подкос шасси сломан, лонжероны нижнего крыла повреждены. Крылья опустились, будто у раненой птицы. Бушуев побледнел как полотно: авария!

Постояли, подумали, заторопились в деревню в надежде найти какую-то помощь. Фриденсбург оказался селением немецких колонистов. Прямая улица, кирпичные дома под цинком и черепицей, широкие окна. На усадьбах большие кирпичные сараи, фруктовые сады. Но повсюду безлюдье, будто все вымерло ни души. В одном из домов нашли старого крестьянина.

- А где же люди?

- Немцы угнали...

- Как же так, немцы угнали немцев?

- Да, угнали силой, в фатерланд.

Бушуев принял решение: добираться до полка будет сам. Владимир останется стеречь самолет. Посмотрел на часы, подумал и сказал:

- Туда и обратно сто сорок километров. Пока доберусь, пока соберемся обратно... Завтра во второй половине дня буду здесь с техниками.

И действительно, под вечер следующего дня к месту посадки прибыли две грузовые машины. На первой Бушуев, на второй инженер эскадрильи Бардин и трое механиков.

Приступили к разборке самолета. Отсоединили крылья, шасси, мотор, погрузили на автомашину.

- Не беспокойся, - говорит инженер Бушуеву, - спишем. Мотор пригодится, а самолет спишем, ему ресурс добавляли пять раз. Ты летал на старье и считай, что тебе повезло: самолет мог развалиться в воздухе.

Бушуев молчит, понимает: инженер утешает его. Дело-то

теперь не исправишь. Посмотрел на часы, заторопился:

- Едем. К утру будем дома, отдохнем, а ночью пойдем на задание. Поломку оправдывать надо.

Всем ясно, что торопиться незачем, что дорог в степи много и все перепутаны, что проплутаешь ночь понапрасну. Но и все понимают Бушуева, его состояние.

Едут. Ночь звездная, светлая, а видимости нет, мгла стоит, серая дымка. Фары включать нельзя - можно попасть под огонь вражеского самолета. Остановились. Посовещались. Решили: на первой машине поедет Константинов; на второй, вместе со всеми - Бушуев.

- Ты штурман, тебе и искать дорогу, - говорит командир.- Посматривай назад. Увидишь, что мы отстали, - жди.

Тронулись. Едут. Трудность в том, что дороги на карте не сходятся с дорогами на местности. Много новых, уже военного времени - от танков, автомашин. Еще трудность: дорога неожиданно разветвляется на две, на три, а то и четыре. Остановившись у второго разветвления, Константинов поджидает Бушуева. Вот он подъехал. Посоветовавшись, решили, что общее направление штурман будет определять по Полярной звезде, что особенно пригодится на развилках, а детальную ориентировку восстанавливать в населенных пунктах.

У Бушуева все время что-то не клеилось. Его шофер то отставал, то уходил в сторону, на другую дорогу. Владимир останавливался, сигналил, ждал. Машина появлялась откуда-то сбоку, то слева, то справа. Не вылезая из машины, Бушуев давал команду; "поехали", и движение возобновлялось.

Но вот Бушуев отстал окончательно. Владимир остановился, надеясь, что машина вот-вот подойдет и они снова тронутся вместе. Машина не появлялась. Он стал подавать звуковые сигналы, включал и выключал фары - бесполезно. В его машине был разобранный самолет, в нем ракеты и ракетницы. Владимир стрелял, надеясь, что Бушуев увидит. Но все было напрасным. Первая машина в полк пришла утром, к завтраку.

- А где вторая, где Бушуев? - спросил командир полка.

- Сзади, - ответил Владимир, - скоро приедут.

Но вторая машина приехала только после обеда. Владимир не находил себе места, уже решил, что с Бушуевым что-то случилось. А случиться могло. И "мессер" мог обстрелять, и "юнкерс" разбомбить. К счастью, все обошлось. Бушуев вышел из кабины живой, невредимый, но чернее тучи. Смерив Владимира недобрым взглядом, зло процедил:

- Бросил... Если решил нас бросить, то хотя бы предупредил. Мы бы не надеялись...

Владимир задохнулся от обиды, несправедливости, хотел что-то сказать, оправдаться, возмутиться, но Бушуев отвернулся. Оправдываться было бесполезно. Он ничему не верил. Три дня Бушуев молчал, не разговаривал, игнорировал своего штурмана. Владимир переживал, не знал, что делать. Нет слов как тяжело, если тебе не верят.

Все эти дни они продолжали летать. Причем с того же самого дня, вернее, с той ночи, накануне которой вернулись после скитаний по степи. Бушуев даже не успел отдохнуть перед полетами, ведь он приехал во второй половине дня. Да и Владимир не отдыхал, дожидаясь Бушуева, беспокоясь за него. И за то, что они сразу пошли на задание, спасибо майору Калашникову. Анатолий Захарович понял состояние Бушуева, понял, как он будет терзаться, мучиться, думая, что ему не доверяют как летчику. Ведь после поломки машины ему надо было дать два-три контрольных полета по кругу, два-три тренировочных... Так положено по инструкции.

Калашников с пониманием отнесся к Бушуеву и Константинову, и они вылетели на задание в ту же ночь.

А в следующие ночи они летали с аэродрома подскока Копани, который они сами же подыскали несколько дней назад.

Отношения между боевыми друзьями оставались натянутыми: Бушуев оставался непреклонным, непримиримым, и трудно сказать, сколько бы это продолжалось, если бы не случай. Однажды командир полка приказал вылетать немедленно.

- Давай побыстрее! - бросил Бушуеву Владимир, и они побежали к машине. Техника рядом не оказалось, и Владимир, не теряя времени, сам взялся за винт, зная, как только мотор заработает, техник сразу окажется рядом, Бушуев, сел в кабину, командует:

- К запуску!

- Есть, к запуску! - отвечает Константинов.

- Выключено. Провернуть винт!..

Владимир поворачивает винт, подбирая момент, когда надо дать команду: "Контакт". По этой команде летчик, убедившись, что техник (в данном случае штурман) отбежал от винта, должен включить магнето, и мотор заработает.

Но еще не остывший мотор дал самопроизвольную вспышку значительно раньше, когда штурман только еще проворачивал винт и еще не давал команду на включение магнето. Винт крутнулся и встал. Но это было достаточно: ударом в плечо Владимир брошен на землю, ошеломлен.

Бушуев бросает краги, выскакивает из кабины, подбегает к нему, наклоняется. На лице, в глазах - растерянность, выражение

беспомощности. И вдруг видит: живой штурман, живой.

- Володька! - кричит сразу оживший Бушуев.- Володька!..

Схватил, прижал к себе, но Владимир сдержался, на порыв не ответил обидно, три дня не разговаривал с ним Бушуев. Три дня, даже в полете. Крепясь, молча поднялся, молча шагнул на крыло, сел в кабину.

Они бомбили мотоколонну. Потом, когда Владимир расстреливал ее из пулемета, Бушуев, как обычно, кричал: "Бей их, Володька! Бей! Кроши гадов!"

А спасла штурмана шинель, что была поверх свитера и комбинезона. Она, родная, серая, самортизировала смертельный удар винта. Над ним еще посмеивались тепло ведь еще, сентябрь, - а он ничего, не обижался отшучивался: пар костей не ломит. И вот беда обошла его стороной.

Немцы уходили за Днепр, и довольно поспешно. Полк майора Калашникова получает задачу: задержать их, не дать уйти. Для этого надо бомбить переправы в районе Никополя. Их здесь три: одна в самом городе и две неподалеку - у Довгалевки и Каменки-Днепровской.

Первым на переправу в Никополе пришло звено Бушуева. Сбросили бомбы, осветили цель для других экипажей, взяли курс на свою территорию. Идут, а вокруг - сплошные пожары. Отступая, фашисты сжигают наши деревни. По злобе сжигают, из ненависти к набирающей все большую силу Красной Армии. Обычно деревни горят близ линии фронта, по пожарам летчики ее и определяют. А здесь горит все на многие километры. Зрелище вызывает в душе жутковатое чувство: пожары в кромешной тьме. Вверху черное небо, внизу, насколько хватает глаз, - огонь. Благодатный край превращается в пустыню. Владимир ведет ориентировку по контурам горящих деревень. Лежат на земле огненные буквы Г, П или прямые длинные стрелы, - когда в деревне всего одна улица.

- Летим над горящей землей! - кричит Бушуев.- Что делают, гады! Что делают!

И Владимир будто воочию видит горевшие раньше Харьков, Сталинград, Ростов, многие города Донбасса. "Что делают, сволочи!" - повторяет он за Бушуевым.

Середина октября. Наши войска близ Мелитополя. На пути река Молочная. По ней и проходит фронт. Одновременно с бомбардировкой фашистов в Никополе полк бомбит их в Мелитополе, в прилегающих к нему районах. Город хорошо защищен прожекторами, зенитками. Несколько ночей подряд Бушуев и Константинов били по укреплениям немцев на реке Молочной, делали по пять-шесть вылетов за ночь. Хотелось бы

больше, не получается, на полет уходит почти полтора часа.

Опять ранен Виктор Шибанов, на двести семьдесят втором боевом вылете. Под Сталинградом ранили, теперь вот здесь, под Мелитополем. Полетел с молодым штурманом на бомбежку мотоколонны в районе Зеленого Гая, далеко за линию фронта. Взяли с собой четыре большие осколочные бомбы и две кассеты мелких.

Увидев цель на дороге, Виктор начал снижаться, прицеливаться. И уже хотел было сказать: "Бросай!", как вдруг - прожектор. Поймал сразу, будто был нацелен заранее. По лучу пошли "эрликонные" трассы. Сбросив бомбы, летчик поспешно взял курс к линии фронта.

- Стреляй по прожектору! - крикнул он штурману. А штурман в шоке, потерял способность к действиям. В этот момент перестали бить "эрликоны". У летчика мысль: почему? Может, в атаку идет истребитель? Только подумал, как в ту же секунду - вспышка огня позади, резкий тяжелый удар по машине, болью обожгло правую ногу. Но мотор продолжал работать, и летчик продолжал полет. Потом он увидел, что в кабину льется бензин. Обнаружив пробоину в баке она оказалась рядом с приборной доской, - летчик заткнул ее пальцем... Все, что мог сделать в этой трудной обстановке.

Так и летел, стоная от боли. Одежда, пропитавшись бензином, жгла будто огнем. Не повезло и при посадке. Колесо оказалось разбитым, машину закрутило, и летчик ударился лицом о приборную доску. Но в госпиталь, когда его вытащили из кабины, ехать отказался, упросил командира полка оставить его в медсанбате, рядом с боевыми друзьями. Анатолий Захарович разрешил, уступил отважному летчику, а за подвиг представил его к награде.

22 октября в экипаже знаменательный день. Действуя по переднему краю фашистов с аэродрома подскока Харьково, Бушуев и Константинов совершили десять вылетов. Такого количества вылетов за одну летную ночь в полку еще не было. Десять поединков со смертью за одну летную ночь!

Седьмой вылет оказался и юбилейным и трагикомическим одновременно. Друзья чуть было не рассорились окончательно.

- У меня сегодня должен быть юбилей, - сказал Бушуев Владимиру, пятьсот боевых вылетов. Надо отметить.

- Ну и что? - не понял Владимир, - у меня давно за пятьсот,

- Как что? Согласно приказу народного комиссара обороны за пятьсот вылетов могут представить к званию Героя, - пояснил Бушуев.

- А я и не знал, - удивился Константинов.- Ну и как же мы это

отметим?

- Возьми у финишера трехцветную ракету, - сказал Бушуев, - и когда мы возвратимся из седьмого полета, ты выпустишь ее над стартом. Чтобы все видели. Мы потом поясним, что это значит.

- До юбилейного целых семь вылетов, а ты уже затеял небесный банкет, недовольно сказал Владимир.- Не рано ли?

- Не рано, - отрезал Бушуев.- Не люблю суеверных. Погибнуть можно в любую минуту, но это не значит, что мы должны отказаться от всех радостей жизни и каждый полет считать своим последним.

Полеты следуют один за другим. Огневые, напряженные - в прожекторах, под залпами вражеских зениток и пулеметов. Первый... Третий... Пятый... И вот наконец седьмой. При подходе к аэродрому Владимир достал ракетницу, вставил в нее ракету.

- Приготовиться! - командует Бушуев...- Стреляй!

Раздается звучный хлопок, и вместо тройной - белой, зеленой и красной ракет - в небо взлетает лишь красная.

- Что ты наделал?! - зло кричит Бушуев.

Ошибся финишер, давая Владимиру ракету. Внешне их и в самом деле отличить невозможно, только по упаковке, а тут еще ночь... И вот вместо праздничной ракеты над стартом взлетела красная, означающая сигнал: "Терплю бедствие".

По этому сигналу к месту посадки должны прибежать механики, приехать пожарная и санитарная машины. Так и случилось, все собрались, все ждали беды и все хотели помочь экипажу, терпящему бедствие.

- Ошибка! - громко сказал Бушуев, приподнявшись в кабине.- Прошу по своим местам.

Когда все разъехались и разошлись, он повернулся к штурману взъерошенный, обозленный.

- Ты надо мной смеешься? - закричал Бушуев.- Ты меня за дурака считаешь! Ты... Ты...- он заикался, подбирая обидное слово, наконец крикнул в запальчивости: - Ты подвести можешь в тяжелый момент, предать!

Владимир был ошеломлен. Он мог ожидать всего, но такое...

- Иди ты!..- крикнул он и, вырвав из кармана горсть сигнальных ракет, с силой швырнул на землю. Они разлетелись в разные стороны.- Чтобы я еще с тобой полетел!

Он повернулся и, оставив обозленного и изумленного летчика, быстро пошел на старт, к командиру полка, чтобы пожаловаться, чтобы раз и навсегда отказаться летать с Бушуевым. Зачем это нужно терпеть унижения, оскорбления... С ним, опытным штурманом, согласится летать любой из пилотов. С ним даже летал сам Калашников. Это было еще в июле. Они

бомбили живую силу и технику противника в районе населенного пункта Первомайский. Сделали три вылета, несмотря на плохую погоду и низкую облачность. В третьем вылете облачность понизилась до двухсот метров, но экипаж точно вышел на цель и удачно отбомбился. Командир полка остался доволен и потом не раз летал с Константиновым.

Идет Владимир на старт, а ночь звездная, прохладная. Ветерок обдувает разгоряченное лицо, освежает, успокаивает. Постепенно с крупного, размашистого шага Владимир переходит на тихий, неспешный. Возникает новая мысль: не ошибиться бы. Верно, Бушуев человек бескомпромиссный, ошибок не прощает, случайностей не признает. Ну и что же? Не так уж это и плохо. Главное, что они, штурман и летчик, сработались, в бою понимают друг друга без слов. А то, что разозлился, наговорил грубостей, оскорбил товарища, так себе же и сделал хуже. Ибо сам будет терзаться, сам мучиться. Человек он, в общем-то, справедливый, хороший.

Владимир остановился, подумал и... снова пошел к самолету. Бушуев стоял в стороне, дожидался. Они сели в кабину, Бушуев запустил мотор и порулил на старт. В эту ночь они выполнили еще три полета. Молча.

На следующую ночь они бомбили скопление вражеских войск в районе близ линии фронта. В третьем вылете, подходя к цели, Владимир увидел трассы "эрликона", идущие далеко в стороне от их самолета. Самолет, к которому тянулись снаряды, вдруг загорелся. Было хорошо видно, что пламя охватило правую плоскость, но машина, как догадался Владимир, находилась на боевом курсе и летчик не "шелохнулся", не отвернул в сторону. Но вот сброшены бомбы, и самолет начал скользить на левую плоскость, летчик пытался сбить пламя. Но было уже поздно, огонь перекинулся на кабину, уже горел фюзеляж... Минута, и самолет, полыхая как факел, понесся к земле.

- Они сгорели в воздухе, - глухим и хрипловатым от волнения голосом сказал Бушуев.- Чей это экипаж?

- Не знаю, - тихо ответил Владимир.

Вернувшись из полета, узнали: летчик старший сержант Стернин и штурман лейтенант Головин. Оба пришли в полк под Ростовом. Они были еще совсем молоды.

В полк возвратились Оглоблин и Фунтиков. Немцы подбили их месяц назад при бомбежке переправы у Никополя. Осколками снаряда был поврежден мотор, управление самолетом. Сколько могли они тянули на восток, на свою территорию. Шли со снижением, сели в днепровские плавни на чужой территории. Замаскировав свой самолет, они выбрались к населенному

пункту, связались с партизанами и около месяца пробыли в их отряде, выполняли боевые задания. Вернувшись в родную часть, Оглоблин спустя несколько дней вызволил из трясины и свой самолет. Прибыв на место посадки со старшим техником Бардиным, они отремонтировали У-2 и перегнали его на свой аэродром.

О том, что Оглоблин и Фунтиков живы, стало известно за несколько дней до их возвращения. Об этом сообщили партизаны. К ним и улетел командир эскадрильи Дудник. В полку знали, когда примерно он возвратится, и все равно прилет был неожиданным: товарищей ждали с нетерпением, радостью и, как обычно бывает в таких случаях, с любопытством.

К месту приземления самолета бежали все, кто был на стоянке. Первым подоспел Бушуев. Он порывисто обнял Оглоблина, прижал к себе. Владимир удивился: Бушуев, и вдруг такие эмоции. Вот и пойми человека...

Нет, необычный все-таки человек, этот Бушуев. Недавно Владимир был свидетелем острого разговора между Калашниковым и Бушуевым. Говорили об одном из командиров в его же присутствии.

- Почему, товарищ майор, его вы посылаете только на передовую, когда полет составляет тридцать - сорок минут, а меня на разведку, и я хожу под огнем часами? Он за пять ночей сделал двадцать полетов, а мы с Константиновым только лишь семь. Почему? Потому что он начальник? А к наградам, как известно, представляют именно за количество боевых вылетов...

- А ты что, за ордена воюешь?! - возмутился Калашников.

- И за ордена тоже, товарищ майор, - отрезал Бушуев.- Я воюю за Родину, и мне не безразлично, что обо мне скажут после войны. Глядя на мои ордена, никто не скажет и никто не подумает, что я не был на фронте, что я обошел его стороной.

- Ты знаешь, что твоему экипажу я доверяю больше, чем многим другим, смягчился Калашников.- У вас большой опыт.

- Пусть и другие его набираются, - стоял на своем Бушуев, - а опыт приходит с полетами.

После того разговора Константинов сказал Бушуеву: "Не удивлюсь, если после такой "беседы" ты будешь иметь неприятности. Командир тоже человек, у него есть нервы, самолюбие, и если каждый из нас будет вставать в позу и говорить все, что ему вздумается, то недолго наскочить и на неприятность".

Но Владимир ошибся, Анатолий Захарович не затаил зло на Бушуева, а боевые задания стал распределять еще более справедливо, еще с большей тщательностью. А по истечении

какого-то времени представил Бушуева и Константинова к ордену Александра Невского. И теперь только у них, у двоих из всего полка, такие большие награды: ордена Красного Знамени, Красной Звезды и вот теперь - Невского.

И Владимир приходит к твердому выводу: надо быть таким, как Дмитрий Бушуев, - знающим, принципиальным, умеющим отстоять свое мнение.

Аэродром Аккерман близ Мелитополя, 7 ноября 1943 года. В полку митинг в честь 26-й годовщины Великого Октября. Общее построение с выносом гвардейского знамени. Знаменосец Константинов, ассистенты Оглоблин и Бушуев. Так их втроем и засняли. Это последний из немногих снимков Бушуева...

8 и 11 ноября последние ночи совместной боевой работы Бушуева и Константинова. Из Аккермана они улетали в Тимошевку, на аэродром подскока, и ни с чем возвращались обратно - мешала нелетная погода. Тридцать минут туда, тридцать обратно. В последующие ночи Бушуев летал с Фунтиковым. "Его надо вводить в строй, - сказал командир полка Константинову, - а ты пока посиди на земле, отдохни, у тебя вылетов больше, чем у любого, а самолетов у нас, сам видишь, не хватает".

В ночь на 20 ноября полк бомбил переправу у Никополя. На левом берегу Днепра немцы удерживали плацдарм и очень его оберегали, надеясь перейти с него в наступление. Плацдарм - сплошные доты, дзоты, артпозиции. Переправа питала этот плацдарм, и его надо было во что бы то ни стало разрушить.

- Разбить переправу, - сказал прилетевший из дивизии офицер, требование командующего фронтом. Кто разобьет, будет представлен к званию Героя Советского Союза.

Дело, конечно, не в звании, а в сути: задание надо выполнить. И люди полетели, подвесив не фугасные бомбы, а осколочные - для поражения понтонов. Первым, как и всегда, полетел Дмитрий Бушуев. А высота облаков понизилась до двухсот метров. Идти на такой высоте - явная гибель. До переправы никто не дошел, все сбросили бомбы на плацдарм и возвратились. Не вернулся только Бушуев. "Уверен, он до цели дошел, - сказал Константинов Калашникову.- Не мог не дойти. Вот там его и подбили".

Потянулись дни ожидания: может, еще вернутся, может, придут... Пришел же Фунтиков с Оглоблиным, может, придет и с Бушуевым. А полеты продолжаются. Полк действует теперь по никопольскому плацдарму. Константинов летает с Оглоблиным. Казалось, сама судьба свела их воедино: один потерял летчика, другой штурмана. Делают по шесть-семь вылетов за ночь. Войск

на плацдарме много, "эрликонов" тоже хватает, а вот прожекторов нет: близ линии фронта их держать не резон, побьет артиллерия.

Горем своим Владимир поделился с сестрой. "Я потерял своего командира, Диму Бушуева - ты знаешь его по письмам. Сложный был человек, и характер не мед. Но воевал отлично. Теперь летаю с другим, очень хорошим парнем, но Диму - настоящего командира и друга - мне не заменит никто. Представляю горе его матери. Я написал ей, только ее не утешишь".

Полк сосредоточил удары по населенным пунктам Днепровка, Белозерка, Верхний Рогачик. Владимир летает с молодыми летчиками, вводит их в строй, но больше с Оглоблиным.

Плацдарм еще не ликвидирован, и, чтобы понять замысел противника, Оглоблин с Константиновым идут на разведку станции Никополь. Что там делают немцы? Подвозят живую силу и технику или увозят? Вопрос существенный. Увидели несколько эшелонов: два из них уходили на запад, на Кривой Рог. Уходили, увозя раненых, технику, имущество. Это говорит о том, что плацдарм немцы скоро оставят. И действительно, после жестокого штурма наши войска отбросили их за Днепр.

На "летающем танке"

Май 1944 года, 15-й отдельный учебно-тренировочный смешанный авиаполк. Смешанный - это значит разнотипный. Когда-то в нем были разных типов машины: истребители, штурмовики, бомбардировщики. В настоящее время только штурмовики. А наименование осталось прежнее.

Тамара приехала в полк, чтобы учиться летать. Она хочет освоить Ил-2 и сражаться на нем против фашистов. Она знает, как ценится штурмовик на фронте, как он грозен в бою. Наша пехота называет его летающим танком, фашисты - черной смертью. И то, и другое верно. Все жизненно важные части машины - мотор, бензобаки, кабина - все бронировано. Летчик, идя в атаку, прикрывает маслорадиатор стальной заслонкой, чтобы его не пробили осколки и пули. Лобовое стекло фонаря, установленное перед лицом летчика, тоже пуленепробиваемо.

Мощно вооружение "ила". Из передней кромки крыла выступают четыре вороненых ствола двух пушек и двух пулеметов. Еще один пулемет, турельный, установлен в кабине стрелка. Под крылом, на металлических рейках, восемь "эрэсов" (реактивных снарядов). В центроплане четыре бомбоотсека, в них можно подвесить четыре бомбы, да две на внешней подвеске под фюзеляжем. Шесть бомб по сто килограммов или две по двести пятьдесят.

Таков штурмовик Ил-2 - гордость фронтовой авиации, помощник нашей пехоты. Для ее поддержки он и создан.

Авиационные командиры, находясь в боевых порядках идущей вперед пехоты на командных и наблюдательных пунктах и даже в танках, управляя штурмовиками с земли, наводят их на противника, на его артиллерию, танки, пулеметные точки. И летчики их громят, уничтожают, расчищают пехоте путь.

Вот на таком самолете решила Тамара воевать. Так решил и Мишуткин. Они вместе сюда и приехали. Но Мишуткина приняли безоговорочно, а Тамару почему-то послали к командиру полка, генералу, Тамара стоит перед ним, как перед судьбой: от него зависит - быть ей в полку или не быть.

- Машина тяжелая, в управлении сложная, ее с У-2 не сравнишь, говорит генерал и делает вывод: - Ничего у вас не получится. Штурмовик даже мужчинам не всем по плечу.

Трудно говорить старшине с генералом. Да еще в такой обстановке, когда тебя убеждают в невозможности затеянного. Но Тамара не падает духом, берет себя в руки и пока что молчит, думает. Она понимает: одно неверное слово и дело может быть испорчено. В тебе усомнятся как в летчике, а это в данный момент самое страшное. Рухнут все планы, надежды. Молчит и генерал, пытается разобраться в не совсем обычной ситуации: женщина просится на Ил-2.

- Получится, - убежденно говорит Тамара.- В себе я, товарищ генерал, не хвалясь скажу, уверена. Я сильная, смелая...

Генерал улыбается. А это уже хорошо. Можно надеяться на обстоятельный разговор.

- Обоснованно говорите? - спрашивает он, вновь сосредоточившись.- Но ведь для того, чтобы сказать: "Я сильная, смелая", надо проверить себя в соответствующих условиях. Причем здесь важно не физическое развитие, хотя и это для летчика важно, а духовная сила, жизненная закалка. Только в этом случае человек становится смелым, упорным в достижении цели. Вам действительно довелось проверить себя?

- Довелось, - утверждает Тамара.

По-военному коротко рассказывает она о гибели мужа, о службе в роте связи, в полку легких ночных бомбардировщиков, эскадрилье связи.

- Уверена, товарищ генерал, освою Ил-2. Цель у меня: воевать по-настоящему, фашистов бить. Не сумею, не получится, отчислите. Даже сама попрошусь из полка.

Генерал глядит на Тамару, ее статную, спортивного склада фигуру, сильные руки. Смотрит прямо в глаза: в них твердость, решимость. Помолчав, согласно кивает:

- Хорошо, Константинова, учитесь.

Не было бы войны, не надо было бы торопиться, летчики досконально изучили бы и самолет, включая конструкцию, и мотор, и вооружение. Но времени нет, фронт требует летчиков, и они изучают лишь то, что нужно для полета, для выполнения боевого задания. Как запустить и опробовать двигатель. Как пользоваться радиосвязью. Как подготовить оружие к стрельбе и как стрелять, чтобы наверняка и с первого захода поразить цель. Как заряжать пушки и пулеметы. Как подвешивать бомбы....

И еще: приборы, тумблеры и кнопки в кабине. Их назначение, расположение. Это надо знать досконально. На память. Закрыть глаза и пальцем тронуть каждый прибор, включить и выключить каждый тумблер, нажать каждую кнопку. Чтобы не искать их, не путаться в них, когда находишься в воздухе, когда атакуешь наземную цель или ведешь бой с истребителем противника. Надо многое знать на случай отказа... Отказать может и мотор, и оружие, и радио, и любая из систем самолета - уборки и выпуска шасси, охлаждения двигателя, маслопитания... Ничего не попишешь, война, летать придется за линию фронта, снаряд в самолет угодил - смотри на приборы, определяй, что отказало, думай, что надо делать. А думать и решать нужно быстро, в считанные секунды.

После занятий в классе пилоты пришли на стоянку. Здесь их встретил летчик-инструктор, лукавый, с юморком, лейтенант Иван Гончаренко. Знакомит пилотов с машиной, ее особенностями.

- Самолет тяжеловат, что верно, то верно, - говорит лейтенант, - но прост. Грубые ошибки прощает, в штопор не срывается, взлетает и садится сам. Главное, что от вас требуется, - не мешайте ему.- Лейтенант хитроватым взглядом осматривает собравшихся, бодро обещает: - В ближайшие дни убедитесь сами.

- Странно, - удивляется летчик Мишуткин, товарищ Тамары, - в инструкции я прочитал почему-то другое. Там говорится, что при взлете, в момент начала разбега, самолет имеет тенденцию к развороту влево...

- Не может этого быть, - хитрит лейтенант.

Тамара, не чувствуя подвоха, твердо поддерживает Мишуткина:

- Как это, не может быть? Мы все читали инструкцию. Черным по белому сказано: самолет имеет тенденцию....

- Кто еще подтвердит о тенденции? Поднимите руки!

Поднимают все как один. Лейтенант улыбается:

- Убедился, инструкцию знаете. Самолет, конечно, развернется. Больше того, может так крутануть, что шасси не

выдержит. Но в каких это случаях? Только в одном: если летчик в кабине задремлет.

Все смеются. Инструктор - вместе со всеми. Но вот он посерьезнел, ждет, пока все успокоятся, командует:

- А теперь всем на тренаж!

Тренировались на трех машинах. На одной осваивали арматуру кабины, изучали расположение приборов, тумблеров, кранов. На другой, установленной во взлетное положение, запоминали, как проектируется капот мотора относительно линии горизонта. На третьей, поднятой на козелки, осваивали уборку и выпуск шасси, посадочных щитков, выпуск шасси аварийным способом.

В конце рабочего дня лейтенант подвел итоги занятий.

- Осталось немного, товарищи: зачет по знанию кабины, знанию инструкции летчику по эксплуатации самолета и мотора - и всё, можно приступать к полетам. Готовьтесь, друзья!

После занятий Мишуткин поделился с Тамарой мнением об инструкторе:

- Странный какой-то...

Тамара не согласилась.

- Напротив, Мишуткин, он умный, веселый, а главное, имеет свою методику. Представь, с тоской в глазах и трагическим голосом инструктор говорил бы о том, как "илов" сбивают "мессеры"... Как бы ты себя чувствовал? Какой бы остался осадок в душе после такого занятия?

- А что, в самом деле сбивают? А броня, - спрашивает Мишуткин, - броня разве его не спасает?

- Не прикидывайся простачком, Мишуткин, - сердится Тамара, - ты же отлично знаешь, что броня спасает только от пуль и осколков, а "мессер" стреляет снарядами, зенитные пушки тоже. Снаряды броню пробивают.

Программа переучивания, освоения новой машины обычна. Прежде чем вылететь самостоятельно на боевом самолете, надо полетать на учебном - на "спарке" - вместе с инструктором. Сначала в пилотажную зону. Только при пилотаже, выполнении различных фигур - виражей, спиралей, боевых разворотов - можно освоить машину, понять ее летные свойства, почувствовать ее особенности, характер. Первый ознакомительный полет в зону - это первый шаг к обретению чувства машины, то есть к такому высокому мастерству, когда летчик, не глядя на приборы, чувствует скорость, положение самолета в пространстве, непроизвольно возникающие крены... Когда летчик, не напрягаясь, почти автоматически пилотирует машину.

"Учтите, это нужно для боя", - не устает повторять своим

питомцам Гончаренко. Так получилось, что Тамара и Мишуткин оказались в его летной группе, он их учит летать, тренирует, наставляет. Причем учит как новичков, будто они никогда не летали вообще. И Тамара понимает это как надо, ведь грозный "ил" не сравнишь с У-2.

После ознакомительного полета в зону следуют вывозные полеты по кругу. Основное внимание здесь - взлету и посадке. Потом снова зона, отработка элементов пилотирования.

Девять летных дней - всего только девять! - летала Тамара с инструктором. На десятый Гончаренко сказал:

- Без меня полетишь, Константинова, сама, на боевом самолете.

Она вылетала одной из первых в полку.

- Так неожиданно, даже неудобно, - поделилась она с инструктором, хотя чувствую себя хорошо и, кажется, уверенно.

- Ну и молодец, а смущаться здесь нечего, - подбодрил ее Гончаренко.

Смотреть, как полетит женщина, на старте собрался весь полк. Женщина и вдруг на самолете Ил-2. Женщина - и вдруг вылетает раньше многих мужчин. А Тамару это не удивляло. Летать хорошо она считала своей обязанностью. Не зря убеждала она генерала, что освоит Ил-2, что она сильная, смелая. Порукой тому были полеты в аэроклубе, рейсы на автомашине с боеприпасами, ночные бомбоудары на самолете У-2...

И вот она в небе одна, без инструктора. Настроение прекрасное. Можно даже украдкой полюбоваться природой. И Тамара смотрит, любуется. Солнце уже поднялось высоко, посеребрило реку - большую, привольную. Огибая аэродром, она сверкает и искрится, затем, чуть потемнев, уходит на юго-восток, в леса. К ней, извиваясь, примыкают две небольшие речушки. Берега будто в зеленом бархате...

Самостоятельные полеты по кругу на боевом самолете чередуются с полетами на учебном: в зону - для пилотажа, строем - для отработки боевых порядков пары и звена, на полигон - для стрельбы и бомбометания. Сначала на учебном, затем на боевом самолете. И все у Тамары получается, все идет хорошо. Генерал Тамарой доволен. Так он и сказал, встретив ее на старте. Затем спросил:

- В чем нуждаетесь, Константинова? Может, помощь моя требуется?

Приятно, когда с тобой, рядовым летчиком, старшиной, беседует бывалый ас, да еще генерал, хвалит тебя за службу, беспокоится о тебе и намерен принять участие в делах твоих, нуждах. Но Тамара человек скромный, она довольна тем, что

имеет, чем располагает.

- Спасибо, товарищ генерал. Единственное, чего бы хотелось, это побольше летать на полигон. Стрельбы и бомбометание, по-моему, главное, что нужно штурмовику, а в программе всего только пять полетов. Мало, конечно. И это не только мое мнение.

Сказала и уже жалеет о сказанном. Разве генерал не знает, что нужно для подготовки штурмовиков. Знает. И не ее это дело вмешиваться в планы руководства. Смутившись, Тамара просит ее извинить, а генерал, напротив, очень доволен.

- Похвально, - говорит, - что вы беспокоитесь о деле, о боевой подготовке, и не только о личной, но и товарищей. Однако поймите и нас: война, полк ограничен жестким лимитом времени и горючего, И все-таки мы вам даем ровно столько, сколько нужно, и именно то, что нужно...

Минута, и генерал в кругу обступивших его летчиков. Главное, поясняет он, это пилотаж в зоне. Только пилотаж дает возможность освоить машину, почувствовать ее, слиться с ней в единое целое. Чем больше летчик пилотирует в зоне, тем более он становится уверенным как в себе, так и в своем самолете, тем более свободно ориентируется в пространстве. Бот почему, освоив машину в пилотировании, летчик-штурмовик легко овладевает стрельбой по наземным целям, истребитель - воздушным боем, бомбардировщик бомбометанием.

"Володя! Я летаю на "иле"! - пишет Тамара.- Знаменитом и грозном Ил-2, самолете-штурмовике. Понимаю, для тебя это неожиданность, но ты не сердись, молчала, не сообщала тебе, потому что сама была не уверена, что все будет так, как мне очень хотелось. Не сразу зачислили на учебу, отговаривали: не женское, мол, это дело. Убедила, что справлюсь. Поверили, приняли. И не ошиблись, все у меня шло хорошо. Теперь летаю самостоятельно и скоро буду на фронте.

Настроение хорошее, боевое, но вполне понимаю и ответственность и опасность. Хочу мстить за Василия и надеюсь выжить: ведь у меня Верочка, ее надо растить и воспитывать...

Твоя сестра Тамара".

Сиваш, Крым

20 января 1944 года полк майора Калашникова из-под Аккермана перелетел ближе к Сивашу и расположился в пятидесяти километрах северо-западнее Геническа.

Предстоящая боевая задача - помочь войскам фронта в их боевых делах по освобождению Крыма.

Сиваш называют гнилым морем. Оно мелкое, грязное, перенасыщенное солью. Ни рыбы в нем, ни растительности. Неровное, изрезанное побережье Сиваша со множеством заливов,

плесов, островов и полуостровов - большое подспорье для экипажей в ведении и сохранении ориентировки. "Сравнивай местность с картой, и все, - говорит Константинов Оглоблину.- Ориентировку здесь не потеряешь; где немцы, где наши - запоминай..."

Действительно, все ясно, понятно, наглядно: на северном побережье наши войска, на южном - немецкие. Полк действует по укрепленным пунктам врага Чонгар, Таганаш, Биюк-Кучу-Нейман. 23 января Оглоблин и Константинов выполнили шесть боевых вылетов, видели знаменитый Чонгарский мост, Перекоп, Армянский вал. Исторические места. В годы гражданской войны здесь шли жестокие бои, красноармейцы под командованием М. В. Фрунзе бились с армией ставленника Антанты Врангеля.

Никопольский плацдарм ликвидирован, район, из которого не вернулся экипаж Бушуева, освобожден, а его все нет и нет. "Неужели погиб? Надо искать", - сказал командир полка, и Оглоблин с Константиновым пошли по маршруту: Попелак - Никополь-Днепровка - Первомаевка - Балки - Никополь Попелак.- По пути надо было искать остатки У-2, садиться, выяснять, не на нем ли летали Бушуев и Фунтиков и куда они делись. Летая над освобожденной местностью, Владимир наблюдал величественную и грозную картину победы наших войск над фашистами. Все было изрыто снарядами, бомбами. Разрушены долговременные укрепления. Всюду валялись сожженные и разбитые автомашины, бронетранспортеры, повозки, орудия. Здесь же, вперемежку с машинами, валялись трупы лошадей, вздувшихся до

невероятных размеров. Зловоние отравляло воздух, вызывало тошноту.

На поле боя были и наши подбитые самолеты: штурмовики, истребители. Экипаж обнаружил три разбитых У-2, но самолета Бушуева среди них не было. Приземлившись, Оглоблин и Константинов заходили в селения, беседовали с жителями, расспрашивали, надеясь напасть на след пропавшего экипажа. Нет, никто ничего не знал. Вывод напрашивался сам по себе: самолет сбит и вместе с экипажем упал в Днепр.

И все же не верится, все же теплится надежда. Может, Бушуев был ранен и прятался в плавнях или у местных жителей, а теперь находится в госпитале? А может, в плену? Попал раненым, неспособным к сопротивлению. Но и этот, последний возможный вариант не принес облегчения: с таким характером, как у Бушуева, в плену не выживешь.

Владимир приходил в отчаяние при мысли о матери Дмитрия - Ульяне Васильевне. Он знает ее, эту простую и сердечную женщину, труженицу, вся жизнь которой была отдана детям,

дому, работе на фабрике. После битвы под Сталинградом, получив отпуск на несколько дней, Владимир и Дмитрий были в Москве, отдыхали в семье Бушуевых. И сейчас, будто воочию, Владимир видит его мать, видит ее взгляд, устремленный на сына при прощании. Взгляд надежды и скорби. Два ее сына - Алексей и Николай - тогда уже погибли. Когда Дмитрий и Владимир уезжали после короткого отпуска, дома оставался младший, Виталий, прибывший с фронта больным, контуженым. Как мать перенесет горькую весть о Дмитрии?..

Полк действует с аэродрома подскока. Это южнее Никополя, в семидесяти километрах. Владимир летает за Днепр, бомбит отступающего врага, его технику. Летает и в Крым, бомбит укрепления на Сиваше, эшелона на станциях Джанкой, Курман-Кемельчи, Сейтлер... Летает с молодыми летчиками, вводит их в строй, учит. Над целью в нужный момент сам берет управление, маневрирует, попав в зенитный огонь. Больше того, помогает пилотам при взлете, во время посадки. Он уже может летать.

Быть летчиком - его давняя мечта. Но Владимир стал штурманом, и очень хорошим. Теперь ему этого мало, он хочет стать летчиком, командиром экипажа. Официально. Он же умеет летать, научился. Не только он, все штурманы, его сверстники. Примером может служить штурман Герман Смирнов: он сам привел самолет, привез погибшего летчика Боева.

Владимир поделился мечтой со Смирновым и Рудиным, другими штурманами-ветеранами. И вот они пришли к командиру полка. Шли без надежды. Кому это нужно брать на себя такую ответственность. Боевой полк, не запасный, не авиашкола. Только там, согласно наставлению, можно переучиваться, получить звание летчика...

Но майор Калашников выслушал их, о наставлении напоминать не стал, только спросил:

- А кто будет летать на задания, если вы будете переучиваться? Кроме того, вам нужны самолеты, инструкторы...

Владимир ответил за всех:

- Вначале будем тренироваться днем, и это не помешает летать на задания ночью. Самолет нам нужен только один, инструктор тоже один. Наша учеба не помешает ночной боевой работе.

- Вы отличные штурманы, - сказал Калашников, - а вдруг из вас получатся плохие летчики? Лучше быть хорошим штурманом...

- Товарищ майор! Так мы уже летчики, только не официально...

- Ну ладно, подумаю, - обещает Калашников.

Проходит несколько дней, и вдруг приказ: приступить к переучиванию... Перечислены фамилии: Константинов, Смирнов, Рудин, Маркашанский, Сапрыкин. Шесть человек. Инструктор для них - старший лейтенант Петр Гладышев, опытный аэроклубный работник. Аэродром для тренировки - полевая площадка невдалеке от Попелака.

5 марта приступили к тренировкам, а 9-го, первым в группе, Владимир вылетел самостоятельно, сначала днем, а вскоре и ночью. Прошло полтора месяца, и он пошел на задание в качестве летчика со штурманом лейтенантом Комаровым. Сначала на передовую линию, затем в глубь Крыма.

11 апреля бомбили фашистский аэродром Сарабуз, расположенный в районе Симферополя. Шли первыми, чтобы осветить аэродром, помочь обнаружить его другим экипажам. Летели более двух часов, и Владимир все время ждал, что его машину схватят прожекторы, начнут обстреливать зенитки. Это постоянное и напряженное ожидание угнетало, обессиливало. И когда над целью поднялись лучи, он даже вздохнул облегченно: лучше враг открытый, чем тайный, невидимый. Но обошлось все хорошо, огонь был не плотным, не метким. Задание выполнили успешно.

Фронт по Сивашу стабилизировался, экипажи летать стали поменьше, появилось свободное время. "Бездельничать не будем, - сказал командир полка, - будем развивать спорт, самодеятельность. Дело это полезное, нужное".

Люди восприняли это как задачу, извлекли из своих чемоданов спортинвентарь. Владимир - футбольный мяч, Сергей Сорокин - две пары боксерских перчаток, комсорг полка сержант Егоров - волейбольную сетку, штурман Жора Ашаров - мяч.

И состязания начались. В волейбол играли эскадрилья на эскадрилью. Активное участие приняла и жена командира, "гвардии машинистка", как ее звали, Елена Михайловна Калашникова, красивая, серьезная женщина. Ее уважали, стеснялись, старались быть подтянутыми. А она вдруг оказалась очень веселой, общительной. Но все равно во время игры при ней соблюдалась дисциплина, порядок, сдержанность. Анатолий Захарович смеялся: "Только женщина вас и приучит к культуре!"

Штурман Сережа Сорокин оказался настоящим боксером. Еще до войны, когда снималась картина "Боксеры" и артист Сагал играл в ней главного героя фильма Кочеванова, то во время состязаний подменяя его, в картине снимался Сорокин. Теперь он провел несколько показательных боев, провел их играючи, щадя и оберегая своих противников. И потом Сережа не избивал их, а лишь утомлял до изнеможения и принуждал к сдаче.

Футбольный мяч гоняли прямо на летном поле. В основном в отведенное время, а подчас и во время классных занятий. Начав игру в перерыв, чтобы поразмяться, увлекались и прекращали только тогда, когда появлялся кто-то из командиров, начальников.

Коллективом художественной самодеятельности руководили комсомольцы штурман Сапрыкин и летчик Попенко. Сапрыкин руководил хором, Попенко джазом. В хор вошли Константинов, Смирнов, Артамонов, Мелешков, Маркашанский, другие летчики, штурманы и механики. Пели, как правило, вечерами в столовой - большом деревенском доме. На концерты и даже на спевки всегда приходили Калашников и Остромогильский. Командир смеялся до слез, слушая Маркашанского, не имевшего ни слуха, ни голоса. Пели русские народные песни, украинские, современные военные. На концерты приходило и местное население, почти вся деревня, в которой жили авиаторы.

Все это было разрядкой, отдыхом, снимало с воинов моральную и физическую усталость. Они воевали уже два года. А это не просто быть под огнем, ждать невернувшихся, хоронить погибших.

Фронт стабилизировался, но боевая работа идет, и почти ежедневно. Экипажи бомбят позиции гитлеровцев на Сиваше, бомбят Чонгар, Джейтугай, Карача-Китай, Чумак, Тархан, Ишунь... Не сами пункты, а укрепления в районе этих пунктов - земляные валы, заграждения, минные поля, инженерные сооружения. Бомбят объекты и в глубине Крымского полуострова, летают на разведку.

Владимир вылетел на разведку с командиром звена Павленко в качестве штурмана. Им надо посмотреть, нет ли аэродромов в северо-восточной части Крыма. До выхода наших войск к Сивашу немцы имели авиацию в Джанкое. Но внезапно все самолеты куда-то убрали. Вот и надо отыскать - куда именно. Маршрут полета: Джанкой - Карасу-Базар - станция Ислам-Терек - станция Сейтлер. Взяли четыре САБ и четыре фугаски.

Над станцией Джанкой самолет схватили прожекторы, обстреляли "эрликоны". Владимир осветил местность, аэродром. Самолетов нет. После Джанкоя, при полете на юг, самолет опять попадает в луч прожектора. Высота восемьсот метров. Летчик ведет самолет по приборам, Владимир следит, не начнут ли стрелять "эрликоны". Нет, не стреляют. Луч наклоняется, ослабевает, гаснет. Но в ту же секунду самолет попадает в другой. Спустя какое-то время - в третий...

- Эстафету устроили, передают нас из рук в руки. С чего бы это? беспокоится штурман.- Не создают ли условия для атаки

"мессера"? Ударит из темноты, - и будь здоров! Давай-ка лучше маневрировать.

- Давай, - соглашается летчик, направляя машину вниз.- Знаешь, такое впечатление, будто весь Крым заставлен прожекторами, причем одиночными. Неприятно не только то, что ты виден как на ладони и тебя могут атаковать из темноты, но и то, что ты ослеплен и не имеешь возможности рассматривать наземные цели, выполнять разведку. Может, для этого и освещают?

- Ты, наверное, прав, - говорит Владимир.- Это тактический прием.

Пройдя по маршруту, аэродромов не обнаружили. Возвращаясь, зашли на Джанкой, бомбы сбросили на станцию. Их осветили прожекторы, обстреляли зенитки. Уходя, видели: на станции возникли пожары.

Назревает операция по освобождению Крыма. Войска 4-го Украинского фронта концентрируют свои силы близ Сиваша. Полк майора Калашникова действует по передовой линии обороны вражеских войск, по их укреплениям, расположенным по всему побережью. Экипажи взаимодействуют с наземными войсками, помогают друг другу. Как только по самолетам начинают стрелять "эрликоны", наша артиллерия открывает огонь по их позициям. Когда вражеская артиллерия бьет по нашим войскам, экипажи бомбят ее и обстреливают из пулеметов.

Несколько дней подряд Константинов летал в качестве штурмана, вводил в строй нового командира эскадрильи капитана Мустафина, пришедшего в полк из бомбардировочной части. Он давно не летал на У-2 - со времени окончания аэроклуба, - не имеет ночного налета. А над водой летать трудно, особенно новичку: вверху звезды, и внизу, отражаясь в воде, тоже звезды. Летчик не может сохранить пространственную ориентировку, не замечает, как самолет заваливается в крены, снижается, непроизвольно меняет курс...

Наше командование интересует не только передовая линия немецкой обороны, но и тылы на глубине до двадцати - тридцати километров. Это чрезвычайно важно для определения места сосредоточения резервов противника. Владимир летал на разведку с заместителем комэска Халипским. Сначала посмотрели станцию Джанкой, обнаружили три эшелона с живой силой и техникой, затем пошли по узкоколейке, идущей от Джанкоя на запад. Что там? Чтобы лучше видеть дорогу и чтобы им не мешали прожекторы, установленные близ станции, они снизились до трехсот метров. На удалении трех-четырех километров от станции дорога оборвалась, и в тупике оказался

склад горючего. Осветив местность, Владимир обнаружил цистерны и бочки. Набрав высоту, сбросили четыре бомбы. Начался сильный пожар. Не было сомнений, что был уничтожен склад с горючим.

Штурм укреплений на Сиваше начался ночью. Сначала действовали бомбардировщики, в том числе и полк майора Калашникова. С рассветом ударила наша артиллерия. В работу включились "катюши" - гвардейские минометы. Когда экипажи бомбардировщиков ушли на свои аэродромы, на цели пошли штурмовики. Потом поднялась пехота...

Прорвав оборону фашистов, наши войска быстро стали наступать. Враг, почти не сопротивляясь, отходит к новому укрепленному рубежу - к горной гряде. Гвардейцы Калашникова перелетели в Крым, на полевую площадку Адаргин. Это название деревни. Рядом река Салгир, узкая, быстрая, прозрачная.

14 апреля. Незабываемый день. В полк на У-2 прилетел начальник политотдела дивизии. Полковник Стамм - великолепный оратор. Прилетая в полк, он выступает с лекциями по философии, истории партии. Не имея никакого конспекта, даже плана, говорит по два, а то и по три часа, умело, убедительно, ярко. Авиаторы только удивлялись: как он может? И сколько он знает!

И вот он снова перед строем. Высокий, худощавый. Улыбается взволнованно, радостно.

- Товарищи! - говорит полковник.- В вашей гвардейской семье и в нашей дивизии прибавилось еще три Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР это высокое звание присвоено товарищам, секунду помедлив, Стамм называет фамилии, - Оглоблину, Константинову, Томашевскому.

У Владимира перехватило дыхание, зарябило перед глазами. Не верит: "Это ошибка... Конечно же, ошибка", - твердит он про себя. Но вот звучит команда майора Калашникова, и Константинов делает шаг вперед, выходит из строя. Стоит, словно в полусне. И вдруг видит совсем рядом Стамма. Полковник обнимает его, крепко пожимает руку, проходит дальше, к Оглоблину...

Нет, не ошибка. Правда! Старший лейтенант Константинов - Герой Советского Союза. Жаль, что нет сейчас в части Шибанова, первого Героя полка. Вот бы с кем поделиться радостью! Сфотографироваться бы вместе на память. Сначала вдвоем, а потом вчетвером. Но Виктор в Москве. После ранения под Мелитополем он долго, в течение месяца, лечился здесь, в санчасти дивизии, но дело не пошло на поправку, и вот теперь он в госпитале.

Немцы укрепились в горах на юго-западной оконечности Крыма, Севастополь - центр их обороны. Полк гвардейцев-авиаторов перелетел в Дорт-Куль, ближе к объектам ударов. Это всего в тридцати километрах от Севастополя. Теперь условия работы резко изменились. Полк будет летать над непривычной для экипажей горной местностью. Командир полка провел по этому поводу летно-тактическую конференцию. Разговор шел об особенностях боевой работы в новых условиях и методах ориентировки в полете.

Выступили майор Морковкин, штурманы эскадрилий, звеньев, экипажей. Средняя часть Крыма - безориентирная местность, подспорьем могут быть только железные дороги на участках: Джанкой - Симферополь, Армянск Джанкой - Владиславовна, Сарабуз - Евпатория. Главный, надежный метод восстановления ориентировки - выходом на береговую черту северным курсом. Южная часть Крыма - горы. Нет населенных пунктов. Дороги, если идешь от них в стороне, не увидишь, только под собой, когда проходишь над ними. Речки тоже, они закрыты горами, растительностью. Горные массивы затрудняют детальную ориентировку, а следовательно, и поиск целей...

Для ведения общей ориентировки выступающие рекомендуют использовать вершины крупных гор. Для детальной - лесные массивы, площадки в горах, особенности их конфигурации. На Симферополь надо выходить южным курсом, при этом надо идти над морем правее береговой черты, подальше от прожекторов и зениток. Все, кажется, учли. Но не учли, что зенитные пушки и пулеметы немцы поднимут наверх, на вершины возвышенностей и склоны гор - так будет удобнее стрелять по самолетам.

5 мая полк бомбил позиции противника в районе Мекензиевых гор, восточнее Севастополя. Цели - огневые точки, артиллерийские позиции, штабы - найти было очень трудно, мешали горы. Вот здесь-то во время поиска, когда Константинов со штурманом Дмитрием Комаровым шли вдоль ущелья, вокруг самолета замелькали трассы "эрликонов". Они тянулись сверху вниз по наклонной. Слева и справа. Владимир, глянув на вершины гор, понял, что они попали в ловушку.

- Дима! Бей по огневым точкам! - крикнул Владимир и, довернув влево, стал прижиматься к горе. Штурман, поняв его замысел, схватился за пулемет и быстро подавил огонь "эрликона", бьющего слева. Справа, потеряв самолет на фоне темной горы, стреляли уже наугад, неприцельно.

Прижимаясь к склону горы, экипаж вышел на цель и сбросил бомбы.

Возвратившись домой, Константинов и Комаров продумали

свой полет, поговорили с другими летчиками, командирами эскадрилий, высказали им свое мнение. Затем уже с готовыми предложениями пошли к командиру полка. Майор Калашников выслушал их, предложение одобрил, и экипажи пошли на задание уже не одиночно, а звеньями, для того чтобы фашисты, начав обстрел, не могли сконцентрировать свой огонь на одном самолете. В первой эскадрилье звенья возглавили комэск Дудник, его заместитель Халипский, командир звена Ряховский. Чтобы еще больше рассредоточить огонь фашистов и тем самым ослабить его, звенья пошли не в плотном боевом порядке, а расчлененном по фронту. Впереди звеньев с временным интервалом полторы - две минуты пошли одиночные самолеты, специально выделенные для подавления огневых точек противника. Их повели летчики средней подготовленности, которым пока еще было трудно держаться в строю. Среди них был Константинов.

Не очень-то, конечно, приятно, что тебя, одного из лучших штурманов, считают за летчика-середняка, но Владимир доволен: он, как бы там ни было, - летчик, его посылают на ответственные задания, и то, что полет осуществляется звеньями, - в конце концов его же предложение, его инициатива. Пусть это не новое, в таком боевом порядке они уже действовали, но и тогда, под Таганрогом, это была инициатива его и Бушуева, и очень важно, что такой боевой порядок, такая тактика пригодились и здесь, в горных условиях Крыма.

В последующем, изучив систему противовоздушной обороны противника в районе Мекензиевых гор и в других горных районах, экипажи, совершенствуя тактику, стали строить маршруты полетов так, чтобы вообще не попадать под обстрел зениток, поднятых в горы, - они обходили их с тыла, теряя во времени, но выгадывая в безопасности.

Полеты, полеты... Константинов и Комаров бомбили укрепления противника на Сапун-горе в самом Севастополе, на Малаховом кургане, в порту, на причалах и пирсах. Город горит. Город прикрыт прожекторами, зенитками. Повсюду в темном небе блуждают голубоватые лучи прожекторов, взлетают и гаснут на излете разноцветные пунктиры трассирующих очередей...

Если полк в течение нескольких ночей кряду бомбит передовые позиции обороны противника - это верный признак приближения штурма. И еще признак: враг, не надеясь устоять, начинает оттягивать в тыл живую силу и технику. Было замечено: противник перебрасывает войска из Севастополя, плавсредства - из бухт Херсонеса. И 25-й гвардейский полк получил боевую задачу: совершать налеты на бухты.

Это было 8 мая. Оглоблин и Константинов выполнили четыре полета, бомбили бухты Круглую и Омегу. Ночь лунная, видимость хорошая. Кроме того, сбросили САБ. Все как на ладони: катера, транспортные суда, люди. Шла погрузка. Сбросив бомбы, Владимир видел разрывы на пристани, в воде среди катеров, на берегу в скоплении войск.

Потом, когда наши войска освободили Севастополь, экипажи наблюдали жестокую картину поражения гитлеровцев: начиная от берега и далее на семьсот - восемьсот метров, море было сплошь покрыто трупами чужих солдат, лошадей, обломками плавсредств - всем, что могло держаться на поверхности. Враг получил по заслугам.

В эту ночь произошло незабываемое событие. Возвращаясь из четвертого вылета и подойдя к аэродрому, Оглоблин и Константинов увидели неизвестный самолет. Он проходил над стартом и, что удивительно, с включенными огнями. Свои, полковые экипажи, прося разрешение на посадку, включали огни только перед четвертым разворотом, а если сказать точнее, то не включали, а только подмигивали ими. Погода к этому времени ухудшилась, особенно видимость, и Оглоблин с Константиновым поняли, что экипаж неизвестной машины потерял ориентировку, принял их аэродром за свой. Посадочный знак был включен, но самолет не сел, пошел на повторный заход. При повторном заходе, снизившись до пятидесяти метров, летчик включил посадочную фару, очевидно, для осмотра полосы. Убедившись, что она пригодна для посадки, пошел на третий заход.

В тот момент, когда летчик осматривал полосу, Оглоблин и Константинов при отраженном от земли свете фары увидели силуэт самолета. Это был Ю-52, трехмоторный немецкий транспортник.

- Что будем делать? - спросил Оглоблин, - если после посадки, увидев свою ошибку, экипаж будет взлетать?

Он не зря задал вопрос; на соседнем аэродроме, потеряв ориентировку, приземлился немецкий самолет. И тоже ночью. Но экипаж в плен не попал. Летчик, увидев, что он приземлился на советском аэродроме, вырулил на старт и улетел.

- Будем таранить, - ответил Владимир, - держись к нему ближе, а в момент взлета бей по хвосту винтом.

Они понимали, чем это может кончиться: вражеский самолет улетит, а свой будет разбитым. Ведь винт самолета У-2 деревянный... Можно ли деревянным винтом нанести ощутимый удар по металлу? Но и оставаться спокойным в такой обстановке нельзя: враг не должен уйти безнаказанно!

Таранить не пришлось. Летчик понял свою ошибку только

тогда, когда, выключив моторы, вышел на плоскость и начал снимать парашют. Экипаж был пленен.

9 мая. Константинов опять с Оглоблиным. Последнее время оба они летали как инструкторы, как тренеры.

Константинов с молодыми пилотами, Оглоблин-с молодыми штурманами. Учили их, вводили в строй. А сегодня летают вместе, и обоим приятно, у обоих легко на душе. Большое дело - уверенность в друге, его мастерстве, боевой подготовленности.

В первом вылете они бомбили бухту Казачью на мысе Херсонес, во втором - аэродром Херсонес. Но, как это ни странно, при бомбежке аэродрома они обнаружили всего несколько самолетов. Кроме того, на аэродроме почему-то не оказалось прожекторов и "эрликонов", лишь слегка постреливали пулеметы. Такое впечатление, будто аэродром недействующий. Может, они бомбили ложный? О своих сомнениях доложили майору Калашникову.

- Пожалуй, вы правы, - сказал командир и распорядился: - туда больше не ходить, надо поискать в близлежащем районе.

Оглоблин и Константинов посмотрели на карту, подумали, прикинули, где могут обосноваться фашисты. Получалось, что самое подходящее место, это район Балаклавы, Байдары, совхоз Яйлы. Решили вначале проверить Байдары. И не ошиблись. При подходе к населенному пункту Байдары заметили самолет с включенными аэронавигационными огнями. Он заходил на посадку. Идя вслед за ним, обнаружили аэродром, осветили его; посмотрев расположение стоянок, сбросили бомбы. Немцы открыли огонь из "эрликонов", но поздно, экипаж уже развернулся в сторону линии фронта. Возвратившись, доложили о вновь обнаруженном аэродроме, и экипажи один за другим пошли на бомбежку.

А Константинов и Оглоблин получили новое задание: отыскать и нанести бомбовый удар по кораблям противника в море. Два эсминца и транспорт стояли где-то между Балаклавой и мысом Сарач в четырех-пяти километрах от берега.

Экипаж прошел горный район, миновал Севастополь - он был слева на траверзе - и впереди, будто черная бездна, показалось море. Вот так, ночью, в полете, Владимир увидел его впервые. С непривычки стало жутковато.

Горы остались позади, и самолет оказался над морем. Над ним висела тонкая, с разрывами-окнами облачность, освещенная сверху луной. Луна вдруг появилась в разрыве, осветила поверхность моря, и Владимир увидел цель. Это были два больших корабля и транспорт. Притаившиеся на темной водной глади, они вдруг осветились вспышками пулеметных очередей и

"эрликонов", потянувшихся в небо, к невидимому в темноте какому-то самолету.

- Курс! - крикнул Владимир, решив нагрянуть внезапно. И действительно, вначале их не заметили. Но раньше чем они сбросили бомбы, противник перенес свой огонь на их самолет. Пришлось прикрываться светящей авиабомбой, затем сбрасывать фугасные. Владимир видел, что одна взорвалась рядом с бортом эсминца, вторая дальше, метрах в пятидесяти. Уходили сопровождаемые сильным огнем. Берег был уже рядом, скорость максимальная, а Владимиру казалось, что самолет не летит, а висит: страшно быть подбитым над морем.

Второй раз они пришли сюда на рассвете. Бросать светящую бомбу было уже бесполезно, цель хорошо просматривалась. Но и самолет был как на ладони, и такую плотность, такую интенсивность огня Владимир не испытывал давно, со времени налетов на харьковский аэродром. Бомбы он сбросил, они взорвались рядом с эсминцем, но здесь, в борьбе с морскими судами, он впервые почувствовал какую-то странную неуверенность: казалось, слишком уж малы были шансы попасть в малоразмерную и хорошо защищенную цель.

До 9 мая полк помогал войскам штурмовать Севастополь. Экипажи всю ночь бомбили бухты на мысе Херсонес, позиции вражеских войск на Сапун-горе. К ним было трудно подступиться. Все заминировано. Все пристреляно. Склоны укреплены бетоном и камнем. Летая, Константинов и Оглоблин видели перестрелку наших и вражеских войск, сотни разного цвета ракет над линией соприкосновения, всплески залпов "катюш". И пожары, пожары...

Десятого, уже на рассвете, возвращаясь после бомбежки по бухте Омега, они видели, как самолет У-2, идущий над морем к цели, подвергся обстрелу с земли. Потом они увидели трассы, идущие сзади сверху, - по самолету стрелял истребитель. Но его не было видно, только трассы. Две-три пушечные очереди, и У-2 пошел со снижением.

- Он маневрирует, - сказал Константинов, - может, ему удастся уйти.

Но самолет не маневрировал, он падал. И упал в море. Это был последний боевой вылет летчика лейтенанта Ревина и штурмана капитана Витязева, последняя потеря полка. А эта ночь была последней боевой ночью гвардейцев. Утром они были ошеломлены шумом и грохотом. Стреляли везде. Из пистолетов, карабинов, ракетниц. Ракеты взлетали рядом и дальше - в степи, на горизонте. Потом покатилось "Ура!". Око возникло далеко, в каком-то гарнизоне, и постепенно докатилось сюда, в гарнизон авиаторов. И они закричали "Ура!". И тоже стали стрелять,

салютовать новой победе - взятию Севастополя, освобождению Крыма.

Через несколько дней на построении личного состава полка майор Калашников поставил новую, совершенно неожиданную задачу: переучиваться, осваивать самолет-штурмовик Ил-2.

- Когда? - спросили его.

- Ждите команду, - сказал Анатолий Захарович.- А пока отдыхайте.

Первое, что сделал Владимир, это перечитал письма Тамары. Их у него набралось много. Вот они, бесконвертные письма, треугольники военного времени, со штампом цензуры. Вот здесь Тамара пишет о семье, беспокоится, что нет писем из дома, давно нет от него, Владимира. Вот здесь о друзьях, хороших людях. А здесь о работе, о своем самолете: "Очень люблю "горбатого"..." Так штурмовик Ил-2 называют на фронте.

Владимир пишет письмо, сообщает Тамаре о своих летных успехах. Семьсот боевых вылетов совершил он, награжден пятью орденами, назначен на должность старшего штурмана полка. И все это за два года, ровно за два. Просматривая свою летную книжку, запись полетов, Владимир удивился неожиданному совпадению: первый боевой вылет он совершил 11 мая 1942 года, последний 11 мая 1944 года.

Пусть Тамаре не будет в диковинку: до конца войны еще далеко, а Владимир уже подвел итоги работы. Есть причина: с самолетом У-2 он расстается, как и она, будет летать на "горбатом"...

Вскоре пришел ответ. Тамара пишет: "Ил-2 - машина хорошая, нужная, особенно для пехоты, но летать на ней трудно, опасно, все время она у самой земли, все время под огнем. Как переучишься, попробуй перебраться в нашу воздушную армию, вместе будем летать, вместе фашистов громить. Я тебе помогу..."

Но помогать не пришлось. Не думал Владимир расставаться с друзьями, с родным боевым коллективом, но дело не только в этом, а в том, что и воевать ему больше не довелось. Не успел. Пока перелетели под Киев, сдали свои самолеты, изучили Ил-2, наступила осень, пошла плохая погода, и дело переучивания затянулось. Правда, передовая команда и батальон авиационного обслуживания отбыли на запад, в Германию.

Полк Домущея

В ненастный день июля 1944 года Константинова и Мишуткин прибыли в 566-й штурмовой авиаполк, расположенный на одном из аэродромов Ленинградского фронта под Кингисеппом. Вместо командира подполковника Домущея, уехавшего в штаб дивизии, летчиков встретил подполковник

Андросов, заместитель по политической части,

- Вернется часа через два, -сказал Борис Арсентьевич и, предложив подождать, не теряя времени даром, рассказал о прошедших событиях под Ленинградом, о командире, о летчиках, с которыми им придется служить, воевать.

А события произошли знаменательные. Перейдя в наступление, советские войска в течение короткого промежутка времени, за две недели января 1944 года, местами продвинулись до ста километров, избавили Ленинград от блокады, освободили много крупных городов области, Октябрьскую железную дорогу, разбили врага под Новгородом. Затем, преследуя противника на нарвском, гдовском, лужском, а несколько позже на псковско-островском направлениях, к началу весны очистили от врага всю Ленинградскую область. И все это при содействии авиации, в тесном контакте с ней.

Среди многих частей и соединений отличилась 277-я штурмовая дивизия.

- В состав дивизии, - отметил Андросов, - входят полки 943-й, 999-й и наш 566-й...

И начал рассказ о том, как дивизия, поддерживая наступление 42-й армии при прорыве обороны противника, наносила сосредоточенные удары по артиллерии врага, громила ее, несмотря на сложные метеоусловия. Когда

погода не позволяла летать большими группами, летчики, действуя малыми, помогали атакующей пехоте, подавляли огневые средства и живую силу врага в траншеях главной полосы обороны.

Потом, поддерживая наступление войск, штурмовики громили вражеские опорные пункты, артиллерию, танки. Действиями летчиков руководил сам командир дивизии полковник Хатминский, находясь в боевых порядках танкистов. Имея радиосвязь со своими офицерами, следовавшими непосредственно в танках, он своевременно уточнял задачи группам штурмовиков, перенацеливал их на более важные объекты удара.

Одновременно с поддержкой наступающих войск дивизия наносила бомбо-штурмовые удары по подходящим резервам и отступавшим войскам противника. И особенно успешно на дорогах, ведущих к Красному Селу и Ропше. Поэтому дивизия именуется Ропшинской.

- Вы, конечно, читали о Григории Паршине? - спрашивает подполковник Андросов и добавляет с гордостью: - Старший лейтенат Паршин - командир эскадрильи 943-го штурмового полка. Его эскадрилья особенно отличилась во время боев. А

пример для всех в бою - сам командир. Паршина вы увидите: наши полки нередко, как и сейчас, базируются на одном аэродроме, и летчики встречаются часто, - замполит улыбается, - чаще всего, конечно, в столовой. Поговорите с ним, толковый летчик, интересный человек.

Тамаре тепло, приятно. И потому, что здесь, в этих местах, сражался ее Василий. И потому, что встретили ее как свою, доброжелательно, рассказывают о делах своей части, дивизии, рекомендуют встретиться с Паршиным, героем Ленинградского фронта. Пройдет какое-то время, и Тамара встретит его и не раз увидит потом, и всегда будет дивиться его простоте и доступности. "Обыкновенный, - подумает она, - ничего особенного, летчик как летчик". И будто с целью убедить ее в его необычности летчик Юрий Хухриков, будущий однополчанин Тамары, расскажет ей о первой своей встрече с этим удивительным летчиком.

- Я обучался в запасном полку, - скажет Хухриков, - перед тем как попасть в боевой. Для отбора летчиков во фронтовые полки туда и прибыл Паршин. Командир полка попросил его показать инструкторам и обучающимся летчикам огневую мощь "ила" и мастерство летчика-фронтовика. Паршин удовлетворил просьбу. Взлетел и, сделав несколько заходов, у всех на глазах сжег все мишени. Командир даже подосадовал: где он найдет материал для сооружения новых...

Через месяц после прибытия в полк, в августе 1944 года, Тамара прочитает Указ о присвоении Паршину звания Героя Советского Союза, увидит его со Звездой, капитаном, но по-прежнему скромным, обычным. В апреле 1945 года она прочитает новый Указ и увидит его дважды Героем Советского Союза и уже майором, штурманом части. И сделает вывод о хорошем сочетании в человеке двух, казалось бы, мало сочетающихся качеств: героизма и скромности.

- А как воевали летчики нашего 566-го полка? - спрашивает Тамара.

Подполковник улыбается: в ее голосе звучит ревность. Отвечает:

- Хорошо воевали. О налете на аэродром Тарту слышали? Это работа летчиков нашей части.

Еще бы не слышать! Выдающийся даже среди других не менее героических подвигов: о нем писали во фронтовых газетах, его приводили в пример как образец мастерства и отваги, творческого подхода к выполнению очень сложного боевого задания.

...Это было 26 февраля 1944 года. К тому времена, стремясь

задержать наступление наших войск ударами с воздуха, противник начал усиливать свою авиацию, стягивать на аэродромы перед Ленинградским фронтом новые авиачасти. До пятидесяти самолетов скопилось и в Тарту.

С аэродрома, расположенного под Ленинградом, поднялось двенадцать Ил-2. Во главе группы - командир третьей эскадрильи Леонид Маркелов. К ним пристроились четыре Ил-2 от соседей. Группу из шестнадцати штурмовиков сопровождали шесть истребителей. Летели курсом на юго-запад мимо Красногвардейска, Сабска, Гдова, через Чудское озеро...

Чтобы достичь внезапности, шли бреющим, у самой земли. Расход горючего в этих условиях - полет группой и у самой земли - максимальный, а расстояние в оба конца - семьсот километров, предел для самолета Ил-2. В случае задержки (бой с истребителями, српровождение подбитого товарища), горючего на обратный путь могло не хватить, а большая часть пути проходила над вражеской территорией.

Но все обошлось хорошо. И именно потому, что достигли внезапности. Атаковали неожиданно, дерзко. Аэродром, расположенный на небольшой возвышенности, увидели издали, перед ним поднялись горкой, будто из-под земли выскочили, и сразу пошли над стоянками. Сбросили бомбы, развернулись для второго захода. Следуя обратным курсом, обстреляли стоянки эрэсами, затем из пушек и пулеметов.

- Немцы открыли зенитный огонь лишь после второго захода, - уточняет Андросов, - когда летчики взяли курс на свою территорию. Опоздали, вреда, естественно, не причинили. Но группу настигли фашистские истребители, взлетевшие с соседнего аэродрома. Гвардейцы не допустили их к штурмовикам, отсекли, однако самолет замыкающего, лейтенанта Обелова, они все же атаковали. Но ничего, выкрутился...

Позже Тамара узнает, что Лев Обелов - один из лучших летчиков части, отчаянный штурмовик, смелый и хитрый разведчик. Он и замыкающим шел потому, что кроме штурмовки имел задачу сфотографировать результаты удара. Когда немцы атаковали его, он маневрировал, уходил от прицельных очередей и давал возможность стрелку отбиваться. Стрелок Николай Касьянов, отражая атаки фашистов, сбил в том бою два "мессершмитта", остальные поубавили пыл и больше не подходили.

- Каков же результат налета? - спрашивает летчик Мишуткин.

- Результат превзошел все ожидания, - отвечает Андросов, - уничтожены два склада с горючим и боеприпасами и двадцать один самолет. В налете участвовали: Мачнев, Чекин,

Масленников, Обелов...

- Мы их увидим? - спрашивает Тамара.

Замполит улыбается!

- А как же! С ними и летать будете.

- А если окажемся в разных эскадрильях?

- Это неважно. Бывает, чтобы скомплектовать группу и срочно послать ее на задание, самолеты и летчиков собирают со всех эскадрилий. Даже шестерку или четверку. Подчас и пары бывают случайными. Не удивляйтесь, фронтовая обстановка изменчива. Представьте, на задание вышли две или три шестерки, и вдруг команда: "По тревоге поднять звено...". Кто в эту минуту оказался возле своих самолетов, тот и взлетает. Задачу получают по радио.

Тамара смеется:

- Учти, Мишуткин, надо все время быть у своего самолета.

- Месяц назад, - продолжает Андросов, - наши войска перешли в наступление. Карельский перешеек враг превратил в мощный укрепленный район. 20 июня наши войска овладели городом-крепостью Выборг... И опять отличились Паршин, Обелов, Мачнев, Мыхлик и Захаров.

- Опоздали мы с тобой, Мишуткин, - сожалеет Тамара.- Так опоздали, что даже перед людьми стыдно. К шапошному разбору прибыли...

Подполковник задумался. Грустная усмешка чуть тронула губы.

- К сожалению, это не так. Перед нами, друзья мои, Нарва. А по ту сторону Чудского озера - Тарту. Бои предстоят жестокие, как на земле, так и в воздухе. Так что готовьтесь.

О ком Тамара наслышана, с теми теперь и служит. Командир эскадрильи Афанасий Мачнев, молчаливый, строгий, суровый. Его ведомый Лев Обелов, простой, общительный, выше среднего роста, красивый. Увидев его, Тамара подумала: "Судьба хорошо обошлась с ним, все дала - и внешность, и ум, и смелость". Здесь и Борис Чекин, очень хороший летчик, культурный и вежливый человек. Именно за это - за мягкость, вежливость, интеллигентность его уважает вся эскадрилья, весь полк...

У каждого есть чему поучиться, а особенно у Мачнева. О его отваге, смелости, умении бить врага говорит Золотая Звезда на груди этого летчика. Начав воевать сержантом, рядовым летчиком, он через два года стал командиром эскадрильи, старшим лейтенантом, а теперь капитан.

Полк, сформированный осенью 1941 года, защищал нашу столицу. Сражался с врагом на одном из самых тяжелых направлений, клинско-солнечногорском, с которого враг, сконцентрировав силы, рвался к Москве. Поэтому полку и присвоено наименование Солнечногорский. Большая заслуга в этом всего личного состава, и каждого летчика в отдельности. Но больше всего Мачнева. Воевать в тех условиях было не просто - и обстановка была очень тяжелой, и штурмовик был еще одноместным, летчик летал без стрелка. Погибли многие.

А Мачнев сразу себя проявил, показал способным воздушным бойцом, смелым и хитрым, и очень надежным товарищем. А это в бою самое главное.

После разгрома немцев под Москвой полк воевал на орловско-брянском направлении. И опять в очень тяжелых условиях, при численном превосходстве вражеской авиации. И Мачнев участвовал в каждом боевом вылете, и в каждом проявлял мастерство и отвагу.

Вскоре Мачнев стал командиром звена, начал водить на задание группу, и если другие теряли своих ведомых, он не терял, да и задание выполнял точно, своевременно, успешно. К нему стали обращаться за помощью боевые друзья.

Вот и сейчас Мачнев учит Тамару.

- Глазное при полете на боевое задание - это строй самолетов, боевой порядок, и твое место в этом порядке. Как бы ни маневрировал ведущий, что бы он ни делал, держись своего места. Зубами держись, чувствуй крыло друга в бою. Если строй плотен и крепок, "мессершмитты" нам не страшны. Держись плотнее, и друг поможет, выручит, отсечет атаку вражеского истребителя. Он тебе поможет, а ты ему...

Жестами, полетом рук, комэск изображает полет самолетов; словами, мимикой, выражением глаз дополняет картину строя, боевого порядка, взаимное расположение в нем самолетов. И Тамара видит строй будто воочию: видит в нем себя, слышит гул мотора, ощущает нарастание скорости, предшествующее бою с противником...

- Однако не всегда преемлем плотный боевой порядок, не всегда он удобен, хорош, - поясняет комэск и спрашивает: - А когда не преемлем? В каких случаях?

Вопрос задан неожиданно, но Тамара не растерялась,

отвечает:

- Когда попадаешь в зону зенитного огня.

- Верно, - подтверждает Мачнев, - попав в зону зенитного огня, надо немедленно рассредоточиться. Рассредоточиться - это не значит разлететься в разные стороны, что иногда бывает, - комэск хмурится, - а увеличить интервалы и дистанции между самолетами. И не просто бросать самолет из стороны в сторону, а с умом уходить от огня, постоянно наблюдая за разрывами снарядов зениток.

- А в бою с истребителями маневрировать надо? - спрашивает Тамара.

- А как же! - отвечает Мачнев.- Обязательно надо. Жаль, что ты не охотник... Но это понятно и так. В какую утку труднее попасть: в ту, которая летит по прямой, или в ту, которая мечется? Отсюда и вывод... Учти еще одну немаловажную деталь: выполняя маневр против истребителя, летчик-штурмовик выполняет двойную задачу - и от огня уходит и стрелку условия для стрельбы создает... Здесь нужны и быстрота, и четкость действий, и хладнокровие...

"А говорят, что он молчалив и суров, - думает Тамара о Мачневе.Неправда все это. Напротив, он очень внимателен, очень заботлив. Очевидно, в этом и строгость его: добиться, чтобы летчики знали все, что положено, для боевого успеха. А как же иначе? Неумение, ошибки в бою кончаются гибелью. Нелюдимым Мачнева называют, а только и слышишь: "Командир говорил... Командир это делает так... Командир проверял, сказал, что нормально..."

- Когда же я полечу на задание? - спрашивает Тамара.- Зачет по знанию района боевых действий сдала. По самолету, мотору и вооружению сдала. Наставления и инструкции тоже...

- А когда все это сдала? - вопросом на вопрос отвечает Мачнев.- Только вчера? И хочешь лететь на боевое задание? Да ты что! Нет, дорогой товарищ, так не пойдет. Не первый год воюем, а третий. Нет такой нужды, чтобы в бой посылать неподготовленных. Полетаешь еще по кругу, попилотируешь в зоне, походишь по маршруту...

И Тамара падает духом:

- Все понятно, товарищ капитан, все ясно. Вы хотите тренировать меня до конца войны...

- Э, нет, дорогой товарищ, - улыбается Мачнев.- Такую роскошь позволить себе не могу, - и сразу суровеет: - Летчики нам нужны, война требует. Тренироваться начнешь завтра. Срок - неделя. Летать с утра до вечера.- Задумывается: - Вот только как с самолетом?.. Нет пока постоянного. Но через неделю будет, из

ремонта вернется. А пока полетаешь на разных. Обратись к инженеру, он позаботится.

- Вы ему скажете?

- Конечно. Сейчас к нему и пойдем. Советую с ним побеседовать. Поспрашивать его, послушать. То, что ты сдала ему как зачет, - это лишь часть того, что положено знать. В памятке летчику все не напишешь. Многое приобретается опытом. Возьмем, например, фонарь кабины. Он очень тяжелый, а открывается и закрывается легко. Почему? Потому, что на роликах. Представь теперь: ты открыла фонарь и рулишь, торопишься укрыться в капонире, так как вот-вот нагрянут "юнкерсы". А чтобы лучше видеть пространство впереди самолета, приподнялась в кабине. И вдруг - препятствие. Ты резко нажимаешь на тормоз... Что может случиться?

- А что? - пожимает плечами Тамара.- Вроде бы ничего.

- Беда может случиться, - поясняет Мачнев.- При сильном торможении фонарь может соскочить со стопора и, резко пойдя вперед по инерции, может не только ушибить летчика, но и отрубить ему голову.

- Я поняла, товарищ капитан, мне надо больше бывать с людьми - с летчиками, техниками, стрелками, беседовать с ними, перенимать все необходимое для дела.

- Верно. Старайся узнать как можно больше. Тактикой интересуйся. Учись, как надо отыскивать цель. Как ее атаковать. Как маневрировать в зоне зенитного огня и в бою с истребителями... Все пригодится. Особенно, если взлетишь по тревоге.

- Такое бывает?

- Бывает. Хотя мы и не истребители, на перехват воздушных целей не ходим, но срочные вылеты не редкость.

- А как же с постановкой задачи, с изучением боевого задания?

- Задачу ставят по радио, - отвечает Мачнев, - в воздухе. А вот с изучением боевого задания... Если оно типовое, обычное, тогда и изучать нечего, и так понятно. А если не типовое, тогда подумаем, прикинем варианты, но тоже по пути, в воздухе. А вообще, ситуаций в воздухе столько, что каждая - новое боевое задание. Изучать их надо на земле, на досуге, а в воздухе реализовать, но для этого надо уметь думать и принимать правильные решения.

Над командным пунктом взлетела ракета. Летчики, техники, воздушные стрелки отовсюду - из каптерок, курилки, кустов, близ которых расположена стоянка, - бегут к самолетам.

- Что это? - спрашивает Тамара.- В чем дело?

- Легкий на помине срочный вылет, - отвечает Мачнев и быстро идет к своему самолету, быстро садится в кабину.

Минута - и группа пошла на взлет. "Вот так и я буду летать, - думает Тамара.- Осталось уже недолго".

Советские войска, разгромив немецко-фашистские армии под Ленинградом и Новгородом, далеко шагнули на запад и юго-запад, отбросили их за Чудское озеро. Но Нарва пока у них. Псков тоже под пятою врага.

И вот 24 июля 1944 года войска Ленинградского фронта начали Нарвскую операцию. Им предстоит разгромить группу фашистских войск "Нарва". Это большая оперативная группа. С ее разгромом наши войска пойдут в направлении Таллина для освобождения Советской Эстонии.

Одновременно, начавшаяся 17 июля, продолжается Псковско-Островская наступательная операция. Войска 3-го Прибалтийского фронта должны разгромить 18-ю армию противника, освободить Псков, чтобы пойти затем в направлении Риги для освобождения Советской Латвии.

Бои идут очень тяжелые. Отступая, враг стянул сюда значительные силы истребительной авиации, зенитной артиллерии. Псков и Нарва - для него основные направления. Для нас после разгрома врага под Ленинградом - уже второстепенные. Главное внимание уделяется теперь другим фронтам Белорусским и Украинским, подготовке их к широкому, мощному наступлению. Туда и переброшены основные силы. Штурмовики дивизии Хатминского, в том числе и полк Домущея, действующие по переднему краю врага, возвращаются с большими повреждениями, нередко с потерями.

Нелегко приходится экипажам под Псковом и Нарвой. Под Псковом погиб Николай Синяков, командир звена второй эскадрильи.

Синяков в паре с Обеловым на свободной охоте обнаружили танки. С высоты полторы тысячи метров их было видно отлично. Стали на них пикировать. В этот момент и появились фашистские истребители, четыре Ме-109. Штурмовик - машина тяжелая, и если сказать точнее, то на цель она не пикирует, а полого снижается, и истребителям совершенно нетрудно взять ее в клещи, атаковать сзади с обеих сторон.

Обстоятельства сложились в пользу истребителей. И то, что их было в два раза больше, и то, что день клонился к концу, был на исходе. Солнце мешало заходить на танки в направлении с востока на запад, и поэтому летчики заходили с запада на восток, со стороны солнца. С той стороны зашли и истребители. Солнце помешало воздушным стрелкам их обнаружить вовремя. А когда

обнаружили, было уже поздно: самолет Синякова уже загорелся.

Обелова сбить фашистам не удалось. Отбиваясь, он ушел от них бреющим. И благодаря тому, что он остался живым, полк узнал о подвиге экипажа Синякова. Летчик и воздушный стрелок не выпрыгнули из горящей машины. Продолжая пикировать, летчик сбросил на танки бомбы, выпустил все эрэсы, до самого своего конца стрелял из пушек и пулеметов. А потом бросил на врага и свой бронированный "ил", и себя, и стрелка, до последней секунды стрелявшего по вражеским самолетам.

В полку был митинг. Выступали летчики, техники, воздушные стрелки. Тамара слушала их выступления, и сердце ее полнилось скорбью и гордостью. Гибель друзей не поколебала их мужества, не внесла смятения в их боевые ряды. Надо усилить бдительность в воздухе, говорили выступающие. Надо неустанно оттачивать свое мастерство, чтобы каждая бомба, реактивный снаряд, пулеметно-пушечный залп всегда находили врага. Надо совершенствовать огневое взаимодействие в группе, отрабатывать взаимное понимание и взаимную помощь в экипаже, между летчиком и воздушным стрелком...

Выступил подполковник Домущей.

- Дорогие товарищи! - говорил он.- Гибель боевых друзей, однополчан всегда невосполнимая утрата. Мы воюем в очень тяжелых условиях, и надо сделать все возможное, чтобы уменьшить потери. Надо усилить бдительность в воздухе, не допускать внезапных атак вражеских истребителей, умело сочетать храбрость и осторожность, заранее предусматривать изменение воздушной обстановки. Надо шире использовать опыт лучших летчиков части: Мачнева, Чекина, Мыхлика, Масленникова, Корчагина...

Тамара слушала, думала, делала выводы. Она понимает теперь, как трудно быть летчиком-штурмовиком, как много ему надо знать и уметь, каким ему надо быть смелым, инициативным и думающим.

И вот первый боевой вылет на Ил-2.

Вчера Тамара доложила Мачневу, что задание его выполнила, тренировку по составленной программе закончила,

- Вы знаете, сколько я налетала? Двенадцать часов! Чуть меньше, чем в запасном полку.

- Так это же здорово! Этому надо радоваться, - восхищается Мачнев и отдает приказание: - Иди принимай "девятку".

Сердце Тамары наполнилось радостью, гордостью.

- Есть, товарищ капитан! - сказала она и пошла к самолету с бортовым номером "девять". Она понимала, что это значит, если тебе дают самолет, назначают тебя командиром экипажа. Это

значит, что тебя считают за летчика и на днях, а может, и завтра доверят боевое задание.

Ее встретил сержант, механик ее самолета. Увидев Тамару, он сделал навстречу несколько четких шагов, остановился и доложил:

- Товарищ командир, машина к полету готова! - И представился: Сержант Савельев...

А ведь механик мог назвать ее товарищем младшим лейтенантом. И это было бы правильно, по уставу...

- Хорошо, товарищ Савельев, - говорит Тамара механику и здоровается с ним за руку: так принято в части, и Тамара не хочет нарушать неписаный закон дружеских отношений между летчиком и техником самолета.

- Товарищ командир, оружие к бою готово! - слышит Тамара новый доклад.

Это доклад Мукосеевой. Шура Мукосеева, маленькая рыжеватая девушка, воздушный стрелок в экипаже Тамары, ее боевой товарищ, ее защитник от "мессеров". Но воздушным стрелком она еще только числится. Боевым товарищем летчика - тоже. Все пока еще впереди. До прихода Тамары в полк Шура была мотористом, помогала механику готовить машину к полету, следила за ней, ухаживала, держала ее в чистоте и порядке. И считала, что лучше, чем она, выполнять свой долг перед боевыми друзьями-летчиками невозможно. И вот в полку появляется женщина-летчик, молчаливая, с серыми спокойными глазами, нередко тоскливыми, грустными.

- Кто она? Откуда? - заинтересовалась Шура.

- Из запасного полка, - сказали ей, - с У-2 переучилась на "ил", решила на нем воевать, мстить за погибшего мужа-летчика.

Шура слышала о женских полках, о летчиках, воевавших на истребителях, бомбардировщиках, но чтобы женщина летала на тяжелом бронированном "иле", на "летающем танке", такого она не слыхала.

- Как же ей удалось? - не раз спрашивала Шура у летчиков.

- Добилась... - нередко было ответом.

И это "добилась" заставило Шуру по-иному взглянуть на свою службу, на жизнь. А Тамара меж тем летала, тренировалась, готовилась к боевой работе.

Как-то, отдыхая после полета, Тамара сидела одна. Впереди, невдалеке от беседки, стоял ее самолет, за ним простиралось летное поле, сливалось вдали с горизонтом, оттуда плыли редкие белые облачка. "С востока идут... Как-то там моя Верочка?.." В этот момент ее и увидела Шура. Чутким девичьим сердцем поняла, как нелегко ей, этой спокойной, красивой женщине.

Спросила участливо:

- Тяжело вам, товарищ командир?

- Тяжело, - просто сказала Тамара, тронутая и душевностью девушки, и необычным сочетанием слов -воинского "товарищ командир" и чисто женского, сердечного "тяжело вам".

- И мне тоже, - призналась Шура.- Брат у меня на фронте погиб, минером был, вместо него я и в армию попросилась. Чтобы фашистам мстить. Но все получилось не так, как ожидала. Я понимаю: механик и моторист, готовя машины к полету, тоже в войне участвуют, но я хочу не участвовать, а воевать. Лично фашистов бить.- Она помолчала, подумала и вдруг спросила: Возьмите меня в свой экипаж воздушным стрелком.- И заверила: - Не беспокойтесь, я научусь быстро. Очень прошу вас...

Тамара улыбнулась, вспомнив, как просила она генерала, командира УТАП, чтобы приняли ее на переучивание, как убеждала, что она освоит эту машину, что она сильная, что она привыкла к труду, невзгодам, лишениям.

- Я не против, - сказала Тамара, - но согласится ли командир. Мотористов и так в полку не хватает.

- Согласится, если попросите вы, - убежденно сказала Шура.

Командир полка согласился, и вот они в одном экипаже, на одном самолете, вместе летят на боевое задание в район Нарвы.

Шестерку штурмовиков ведет капитан Мачнев. Здесь же идут Обелов, Чекин, Масленников, Харламов. Тамара завершает боевой порядок. Мачнев долго думал над тем, куда поставить ее, где определить ее место. Вопрос в самом деле не простой.

Самое трудное и самое опасное место - это место замыкающего. Замыкающему всегда труднее держаться в строю: уменьшение или увеличение скорости самолета ведущего он воспринимает в последнюю очередь. И если он малоопытен, он всегда нарушает дистанцию: то сокращает ее, то увеличивает сверх допустимой. А это самое страшное: замыкающего, если он хотя бы немного отстал, нарушил огневую связь с товарищами, тут же подкараулят вражеские истребители.

И все-таки молодого летчика ставят в хвост боевого порядка. Жизнь заставляет, опыт. Были случаи, пожалеют летчика, поставят рядом с ведущим, а он слабонервный. При первом ударе зениток, когда надо разомкнуться, при первой пушечной очереди вражеских истребителей, когда надо сомкнуться, сплотить боевой порядок, летчик начинает метаться, бездумно кидаться то вправо, то влево, рискуя столкнуться с товарищами, разгонит всю свою группу, а истребителям противника того и нужно, атакуют каждого поодиночке.

День ясный и солнечный. Группа идет на высоте полторы

тысячи метров. Идет в район Нарвы. Ей предстоит нанести штурмовой удар по скоплению автомашин близ населенного пункта Райденылу и далее по дороге на запад. Такую цель отыскать нелегко. Раз "скопление" - значит, машины не движутся, а где-то стоят. А если стоят, значит, замаскированы. В лесу, в овраге, а возможно, и в населенном пункте.

Полторы тысячи метров - высота для "ила" довольно большая. Группу, идущую на такой высоте, противник увидит издали, поэтому на внезапность рассчитывать нечего. Кроме того, цель еще надо найти, для чего, очевидно, придется сделать круг, а это - потеря времени. Могут подойти вражеские истребители. Поэтому группу сопровождает восьмерка "Яковлевых". Тамара их видит. Они идут позади и выше боевого порядка "илов". Идут двумя четверками. Задняя несколько выше передней. Передняя - это ударная группа. Ее задача: не допускать "мессершмитты" к группе штурмовиков, отражать их атаки. Задняя - группа прикрытия. Она защищает ударную группу от атак вражеских истребителей.

От Ястребино, аэродрома под Кингисеппом, до Нарвы лететь недолго. Прошло какое-то время, и вот Нарва уже видна. Задымленная, черная, насторожившаяся. Там враг. Он ждет, он готовится к отпору. Штурмовики обходят город стороной, южнее. И потому что там меньше зениток, и потому что подходить к самой Нарве просто не нужно, цель находится юго-западнее.

- Проходим линию фронта! - слышится голос Мачнева.

Тамара понимает, что это он и ее информирует, чтобы она постоянно была в курсе событий, знала, где находится, знала, куда развернуться и сколько времени надо идти до линии фронта, если вдруг тебя подобьют, а ты не знаешь, где твое место. Он понимает, что Тамаре сейчас не до сличения карты с местностью, не до ориентировки. Главное, что от нее требуется, - твердо держаться в строю и быть готовой к любому маневру группы.

Мачнев качнул крылом, дал команду по радио:

- Приготовиться к атаке! Цель по курсу, на опушке березовой рощи правее деревни...

Зоркий у Мачнева глаз, безошибочный. А главное то, что знает он тактику вражеских войск. Знает, где надо искать и что можно найти. И как, по каким признакам, следам.

Тамара знает, что по команде "приготовиться" группа из боевого порядка "пеленг" вытянется в колонну. На это уйдут секунды. После чего Мачнев даст команду "атака" и перейдет в пике. И все один за другим будут пикировать, будут бить по цели эрэсами, а когда подойдут к ней вплотную, - бомбами. Выходя из

атаки, Мачнев пойдет с разворотом влево и вверх, чтобы выйти в хвост последней машине на дистанции четыреста метров. За ним, на ту же дистанцию, встанет другой самолет, затем третий, четвертый... Так боевой порядок колонна быстро преобразуется в круг.

- Если замкнем круг, атаковать истребителям будет некого, - говорил Константиновой Мачнев, когда готовил ее к этому вылету.- Они атакуют последнего, замыкающего, а в кругу последнего нет, все в равных условиях. Ясно теперь, для чего нам круг нужен?

Это было вчера, а сейчас Мачнев дает команду "атака" и переводит машину в пологое пике. За ним следуют Обелов, Чекин, Масленников... Перед полетом Мачнев сказал Тамаре, что, если ей будет трудно действовать самостоятельно, она может остаться в паре с ведущим и вместе с ним, по его команде, сбрасывать бомбы, пускать эрэсы, стрелять из пушек и пулеметов. "Скопление автомашин, - говорил он, - цель площадная, надо и бить как по площади, все равно попадешь".

Но Тамара не чувствует трудности. По команде "приготовиться к атаке" она, как и все, перестроилась из боевого порядка "пеленг" в колонну. Она видит и цель, и впереди идущих товарищей. Пикируя, она начинает прицеливаться. Перекрестие сетки, нанесенной на лобовое стекло кабины, направляет на опушку березовой рощицы, совмещает перекрестие со штырем на капоте мотора. Нажимает на кнопку электросброса. Скрежетнув под крылом, пара огненных молний - эрэсы - устремляется к цели, в скопление автомашин.

Внезапно за прозрачным фонарем кабины замелькали черно-багровые дымные вспышки. "Зенитки!" - мелькает мысль, но Тамара продолжает пикировать, снова нажимает на кнопку, и бомбы уносятся вниз. Она это чувствует по легкой встряске машины и сразу берет на себя ручку, тянет самолет к горизонту, левым боевым разворотом уносится вверх за впереди идущей машиной.

Они сделали три захода. Тамара трижды пускала эрэсы, била из пушек, видела взрывы своих снарядов, огонь, бушевавший в бело-зеленой роще.

После посадки при разборе боевого задания Мачнев сказал:

- Я все время следил за тобой, Константинова. Прямо скажу, молодец. И бомбишь точно, и эрэсы пускаешь метко, и из пушек бьешь умело.

Тамара пожимает плечами, смеется: "Сама удивляюсь". И все смеются, все за нее рады. Хорошо, когда начало удачное. Первый успех окрыляет. Человек сразу начинает верить в себя, в свой

самолет, в товарищей.

- А зенитки как били, видела?

- Видела.

- А бой наших истребителей с немецкими?

- Нет...

- Они же рядом носились! Чекину плоскость пробили.

Тамара пожимает плечами: что делать, не видела.

- Все равно хорошо, - успокаивает ее командир.- Такое впечатление, будто только и делала, что с нами все время летала. А "мессершмиттов" еще увидишь, это уж обязательно...

Позже к ней подошел лейтенант Обелов. Спрашивает:

- Как же так, Тамара? Из опыта других и своего опыта знаю, что первый боевой вылет проходит будто в тумане, ничего летчик не видит: ни местности, над которой летит, ни зениток... Летчик видит лишь хвост самолета ведущего. Одно из двух: или у тебя железные нервы, или ты уже воевала.

- Во всем ты, Лева, прав понемножку, - вздыхает Тамара, - а главное все-таки в том, что боевое крещение я получила в другой авиачасти, немного воевала на самолете У-2. А если точнее, то еще раньше, когда шофером была, возила на фронт боеприпасы. И бомбили меня нередко, и из пулеметов и пушек обстреливали. Все это, Лева, трудный опыт, и теперь он пригодился.

- Ты права, боевой опыт, каким бы он ни был, со счета не сбросишь, подтверждает Обелов.- Вот, к примеру, мой воздушный стрелок Коля Касьянов. Он пришел к нам из пехоты, когда мы переходили с одноместных Ил-2 на двухместные, с воздушным стрелком. Кажется, что общего между авиацией и пехотой? Ничего. Но Коля имел боевой опыт. Он уже повоевал и даже был ранен. И обладал всем, что нужно стрелку-авиатору: сноровкой, бдительностью, смелостью. Ему оставалось научиться метко стрелять по воздушным целям. Он научился и стал одним из лучших воздушных стрелков полка. В боях сбил два Ме-109, награжден орденом Славы.

- Ничего, - пообещала Тамара, - пообвыкнемся и мы.

В небе Прибалтики

Полк летает с утра до вечера. Все, что было до этого, Тамаре кажется отдыхом. Даже то время, когда служила в роте связи, возила на фронт боеприпасы. Даже ночные полеты на боевое задание. Наши войска теперь наступали, и каждому из фронтовиков дел теперь прибавилось втрое.

Наши войска освобождают Прибалтику. Освобождение началось в июле, в ходе Белорусской операции, когда войска 1-го Прибалтийского фронта, выйдя на восточную границу Литвы, пересекли железную дорогу Даугавпилс - Вильнюс, а войска 3-го

Белорусского развернули бои за столицу республики.

25 июля 3-й Прибалтийский фронт, также вступив на земли Латвии и Эстонии, освободил Тарту и вышел к Валге, а Ленинградский, наступавший севернее, освободил Нарву. Это произошло 26 июля.

За июль - август, продвинувшись на глубину более двухсот километров, наши войска освободили часть Эстонии, значительную часть Латвии и большую часть Литвы.

С 14 сентября идет новая наступательная операция. Основное направление - Рига. Двумя ударами (один южнее Западной Двины, другой - севернее) нашим войскам предстоит расчленить группу армий "Север" и отсечь ее от основных сил противника.

Боевой работы летчикам и стрелкам прибавилось настолько, что теперь домом для них стала кабина штурмовика. Парашют - постоянная их принадлежность. Только для переукладки извлекают его из чашки сиденья. Но делают это часто: в сырое осеннее время шелк может слежаться, и в нужный момент парашют не раскроешь. А необходимость его раскрытия возможна в каждом полете.

Гул мотора, мощный грохот пушек и дробный стук пулеметов, резкий скрежет слетающих с балок эрэсов стали настолько привычны, что кажется, с ними Тамара родилась и даже век прожила. Но жизнь есть жизнь. Все чаще стал вспоминаться город Калинин, дом рядом с фабрикой, мать и сестренка Августа, а с ними и Верочка, дочка. Как она там? Из дома пишут, что все у них хорошо, все, дескать, благополучно, а Тамара, читая между строк, все видит иначе, так, как и есть в самом деле, как сердце подсказывает: трудно в разбитом, разграбленном немцами городе. С отоплением трудно, с одеждой, питанием.

Засыпает Тамара с думой о доме, просыпается с думой о новом бое. Иногда прямо с рассвета, иногда немного попозже вновь, как и вчера, поднимается в небо, везет на фронт свои бомбы, эрэсы, боевые комплекты пушек. Летает, дерется с врагом, а вечером, с окончанием напряженного дня, ждет товарищей, не долетевших до базы (так пишут в газетах) - родного аэродрома. Бывает же чудо, приходят. Не те, конечно, о ком доложили "погиб", а те, о ком "не вернулся"...

Синяков, таранивший наземную цель, уже не вернется. Улетел, как улетал всегда, но назад не пришел, так там и остался. Вспоминая о нем, Тамара будто воочию видит пасмурный день, непролазную грязь на дорогах, боль в руках и ногах от усталости. Вместо отдыха между боевыми полетами в тот день она носила боеприпасы, потому что к стоянке подъехать было просто

невозможно.

А Добровольский вернулся. Командир эскадрильи капитан Добровольский с воздушным стрелком Анашкиным были сбиты еще под Брянском при налете на железнодорожную станцию. Группу в составе шести самолетов Ил-2 уже на обратном пути перехватили истребители. Бой был долгим и напряженным. Добровольского ранили: осколок снаряда повредил ему позвоночник. Летчик сел вынужденно и вместе с воздушным стрелком оказался в плену, в лагере авиаторов.

К лагерю, обнесенному колючей проволокой, подходили местные жители, чем могли помогали попавшим в беду людям. Куском хлеба, одеждой. В деревне, близ которой немцы устроили лагерь, проживала мать Николая Анашкина. Увидев сына за колючей проволокой, она не пала духом, наоборот, воспрянула и решила его спасти. На следующий день она передала сыну буханку хлеба с запеченным в ней напильником. Не так уж вроде много- напильник, но в нужный момент он и сыграл свою роль.

Когда наши войска пошли в наступление, немцы погрузили пленных в эшелон и повезли куда-то на запад. В пути и был устроен побег. Спаслись все, кто оказался с Анашкиным в одном вагоне. Они прорезали отверстие в двери, открыли засов и оказались на свободе. Встретившись с партизанами, действовавшими в Брянских лесах, воевали. Добровольский был комендантом партизанского аэродрома. Потом возвратился на Большую землю, а несколько позже - и в полк.

- Добровольский вернулся! Борода возвратился! - разнеслось по полку. И Тамара, не видевшая его до этого, но знавшая о нем многое, почувствовала: возвратился однополчанин, свой, родной человек. И для нее, как и для всех, кто знал Добровольского ранее, день его возвращения был праздником.

Тактично, но очень твердо Добровольский поставил вопрос перед командиром полка:

- Мне надо летать. Не хочу терять ни единого дня, ни единого часа. Я потерял непростительно много.

И подполковник Николай Кузьмич Домущей понял этого непреклонного человека, сразу же дал ему самолет, и Добровольский начал летать на задания.

"Каким же надо быть человеком, какую надо иметь силу воли, чтобы столько пережить, перемучиться, перенести душевную и физическую травму и остаться прежним - принципиальным коммунистом, отважным летчиком?" - думала Тамара, в душе восторгаясь Добровольским. И не только она гордилась однополчанином, весь полк.

- Ты даже бороду сохранил! - воскликнул один из друзей

Добровольского, обнимая его.- Ну молодец!..

И Тамара поняла Добровольского. "Я тот же, друзья, - хотел он сказать однополчанам, - тот же, каким вы меня знали. Даже внешне". И он доказал это своим поведением в коллективе, отношением к людям, боевыми делами. Ни одного дня, ни одного часа он не терял понапрасну. Летать, воевать, бить фашистов, наверстывать упущенное - стало его постоянным стремлением, его жизненной необходимостью.

Вскоре он был переведен в другой полк - 15-й гвардейский. Переведен туда командиром эскадрильи. Точнее сказать, не повышен, а восстановлен в прежней своей должности. "Хорошо, что оставлен в нашей дивизии, - думает Тамара, - жаль расставаться с таким человеком... А вот Паников, так же как Синяков, уже не вернется, - переживает Тамара, - никогда не вернется". Старшего лейтенанта Петра Паникова, как и Добровольского, немцы сбили под Брянском. Выпрыгнул с парашютом, пытался пройти через линию фронта, не удалось, задержали. Прикинулся больным, а местные жители подтвердили. Работал у немцев на кухне, воду носил, дрова колол, посуду мыл. Потом сбежал. Прошел проверку и снова вернулся в полк, в эскадрилью Мачнева, был у него заместителем.

Добровольский - серьезный, суровый, а Паников, напротив, - веселый, добродушный, открытый. Пел хорошо. И летчик был прирожденный, и методист отменный. Все Тамару учил, командир-воспитатель.

- Запомни, - говорил Паников, - боевой порядок подразделения в воздухе, его монолитность, сплоченность - основа успеха, победы, вместе с тем это и гарантия от всяких случайностей. Тебе нужны примеры? Пожалуйста. Назову самый последний: лейтенант Харламов в бою с "мессершмиттами" не смог удержаться в строю, оторвался, попал под огонь. Результат: тяжелое ранение. Жить будет, летать - нет. Итак, сохранение боевого порядка, сохранение своего места в строю - это, Тамара, закон.

- Еще, Тамара, закон, - поучал он, - постоянная требовательность к себе. Запомни, постоянная! Летчик никогда не должен расслабляться, если он на фронте. Устал ты, не выспался, горе у тебя непомерное, но если уж ты сел в самолет, ты - в первой степени боеготовности. Устремления, воля, мысли все сконцентрировано, все нацелено на полет, на выполнение боевого задания. Летчик, требовательный к себе, никогда не упустит машину на взлете, а Ростислав Долинский упустил, потерял направление. Результат знаешь сама: самолет разбит, летчик получил тяжелую травму. Летать больше не сможет.

Еще закон - безусловное знание района аэродрома в радиусе двести километров. На память, Тамара! На чистом листе бумаги надо на память чертить систему линейных и площадных ориентиров, их правильное расположение. Твердо знать расстояния, время полета и курсы от аэродрома до крупных характерных ориентиров. Знать расположение целей, по которым придется действовать сегодня и завтра, их нумерацию. Для чего это нужно? Предположим, ты летишь штурмовать цель номер один, а тебя перенацеливают на одиннадцатую. Не копаясь в карте, ты должна мысленно представить себе эту цель, вспомнить, где она находится, и безошибочно взять на нее курс.

Хороший учитель был Паников, очень хороший летчик. Быстро стал командиром эскадрильи. Командовал третьей, а летать приходилось и с первой, где раньше был командиром звена. И погиб на глазах у первой, у старых своих товарищей: Левы Обелова, Бори Чекина, Тамары Константиновой...

С аэродрома Ястребино они поднялись в составе шестерки. Им предстояла штурмовка переднего края в районе Нарвы. Погода стояла плохая: дымка, низкая облачность. Полетели без сопровождения. Зачем оно, если такая погода? А над целью погода оказалась получше, облачность немного повыше. Этим и воспользовались немецкие истребители.

Выполнив боевое задание, штурмовики собрались и пошли на свою территорию. В этот момент и появились "мессеры". Шестерка. Их заметили сразу, группа сомкнулась. Немцы сделали пять или шесть атак, но все они были отбиты.

И все же бой для грозной и для очень тяжелой машины Ил-2 с легким, маневренным и скоростным Ме-109 - это бой неравный. Скорость штурмовика у земли немногим более трехсот, у истребителя - пятьсот. Уйти все равно не удастся. Единственное, что могли предпринять наши пилоты, - это усложнить условия атаки по их самолетам маневрированием.

Бой был уже над нашей территорией, когда один из фашистов скользнул под строй штурмовиков и атаковал ведущего снизу. Очевидно, летчик был ранен, а машина повреждена. Паников вел свой "ил" со снижением, но силы, наверное, оставили пилота, самолет потерял управление и взорвался, врезавшись в землю,

"Правильно ли мы действовали? - переживает Тамара.- Все ли мы сделали в том бою, чтобы его не сбили, вообще никого не сбили?"

Они сделали все, что могли. Ошибок не было. И все-таки Паников сбит, а все остальные пришли на поврежденных машинах. Они могли бы встать в оборонительный круг, и немцы,

возможно, ушли бы ни с чем. Но могло быть и хуже: посадка на чужой территории без горючего, - а оно было на исходе гибель всей группы.

Да, они действовали правильно. Но истребитель есть истребитель, он и создан для воздушного боя. Штурмовик, встретясь с истребителем, нападать может лишь в исключительных случаях, при благоприятных для этого условиях: если истребитель окажется в передней его полусфере, перед пушками летчика. В основном же штурмовик обороняется, причем огонь ведет только стрелок из своего пулемета. Но поражаемая дальность пулемета штурмовика значительно меньше поражаемой дальности пушек истребителя. "Мессершмитт" может стрелять по Ил-2 с дистанции пятьсот метров и более, оставаясь при этом неуязвимым.

Конечно, не женское это дело, война. Мужчинам и то нелегко, а Тамаре тем более. Трудности на каждом шагу. Прежде всего, неустроенность, жизнь кочевая. Но она привыкла. Так вроде и надо. За роскошь считает, если живет в деревенской избе, и здесь же поблизости - банька.

И к труду своему Тамара привыкла. Нелегкое дело водить "летающий танк", но она втянулась и даже не замечает, как это трудно. "Я сильная, говорила она генералу, командиру учебно-тренировочного полка, когда тот отговаривал ее учиться летать на "иле", - у меня крепкие руки..." Действительно, она оказалась сильной, выносливой. Мужчины устают подчас от непомерной летной нагрузки, а она ничего, держится. Больше того, всегда работоспособна, бодра, уверена в себе.

К постоянной опасности тоже привыкла - все время ведь под огнем, над чужой территорией, в боях с "мессершмиттами", зенитками, в борьбе с собой, со своими нервами. Привыкла, закалилась.

Ко всему можно привыкнуть и очерстветь при этом. Душой очерстветь, сердцем. И такое бывает. И, надо сказать, бывает со многими. В полку погиб летчик, старшина Шахов. Тамара почти не знала его, видела несколько раз, и все, вместе летать не приходилось. Вроде бы посторонний для нее человек, но гибель его больно отозвалась в сердце. И не потому, что Василия вспомнила, а потому, что жаль не успевшего пожить парня, почти юношу.

Нет, Тамара не очерствела. Прежней осталась: чуткой к чужому горю, отзывчивой, мягкой, душевной. Она скучает о дочке, скорбит о погибшем муже. Беспокоится о брате. Писал, радовался, что будет летать на новой машине, строил планы, восторгался данными "ила", а потом поутих, присмирел. Тамара

написала ему, спросила, в чем дело. Ответил коротко, ясно: переучиванию конца не видать... Надо успокоить его, сказать, что сейчас время иное, не сорок первый год, когда в бой ходили порой без достаточной подготовки. Сказать-то можно, а поймет ли...

Спасибо друзьям, не дают голову вешать, духом падать, отвлекают от дум тяжелых и мрачных. Бывало, скажут: "Пойдем, Тамара, на вечер, что дома скучать..." В полку вечера отдыха бывают нередко. Артисты иногда приезжают с концертами. Художественная самодеятельность выступает. А в основном, вечера - это танцы.

Любит Тамара на танцы ходить. Целый день ведь на аэродроме пропадает, целый день в рабочем комбинезоне, в тяжелых кирзовых сапогах. А тут единственная возможность! - можно одеться легко и красиво: туфли, юбка, новенькая гимнастерка с погонами, со звездочками. Приятно ходить в гимнастерке: и лейтенантские звездочки видно, и орден Красной Звезды.

Приятно Тамаре на людей посмотреть, на то, как они в редкие часы досуга веселятся - летчики, техники, девушки - оружейницы, мотористки, парашютоукладчицы. Приятно и грустно. Молодежь кругом, а ей уже двадцать пять. Мачнев, командир эскадрильи, и то моложе на целых три года. И другие тоже: Чекин, Обелов, Масленников...

- Пойдем, Тамара, покружимся, - приглашает Обелов.

Чуткий, добрый товарищ Лева Обелов. И девчонок не забывает, и с Тамарой танцует. Все смотрят на них, когда они вместе: рослые оба, красивые, видные, и оба летчики. Причем Обелов уже командир эскадрильи. Недавно назначили вместо погибшего Паникова. Но дело, конечно, не в этом. Просто она благодарна Обелову за внимательность, чуткость. Всегда он подойдет, когда особенно нужно, когда на душе тяжело.

Вот рядом кружат с девчатами Мачнев и Чекин: раскрасневшиеся лица, задорные, озорные глаза. Словно и не было четыре часа назад жестокого боя, тяжелых минут.

Сколько их было, этих тяжелых минут! Этих на всю жизнь запомнившихся боевых эпизодов, случаев, когда жизнь висела на волоске и попавший в беду товарищ нередко доходил до дома лишь потому, что рядом были друзья, настоящие, преданные, для которых нет выше закона: сам погибай, а товарища выручай.

Хотя бы вот этот случай. Четыре летчика - Обелов, Чекин, Коротков и Константинова получили боевое задание - проштурмовать вражеские войска. Группу возглавил Обелов, заместителем, как и обычно, был Чекин. Так они летают всегда:

Обелов - командиром, Чекин - заместителем. Так и по должностям они рядом шагали.

В том знаменательном для них вылете Обелов был еще заместителем комэска. Как и всегда, он вышел на цель, строго соблюдая свой принцип: нагрянуть неожиданно, ударить с ходу. И как всегда, немного увлекся, излишне задержался над целью. Сделай он четыре захода на цель, как и предписывалось, и немецкие истребители, возможно, их не настигли бы. Обелов же сделал шесть.

Погода стояла солнечная, видимость, как говорят летчики, миллион на миллион, безгранична, как по горизонту, так и по вертикали. Спрятаться некуда. Не успев еще снизиться, чтобы хоть как-то замаскироваться, затеряться на фоне земли, группа шла на высоте восьмисот метров. В этот момент и настигла ее шестерка ФВ-190. А до линии фронта более семидесяти километров, двадцать минут полета.

До этого Тамара встречалась только с Ме-109, знает их сильные и слабые стороны, привыкла к ним, если так можно сказать в отношении вражеских истребителей. С "фокке-вульфами" еще не встречалась. И вот встретилась. У нее поневоле екнуло сердце. В боях с нашими истребителями, особенно с Як-3, они не очень зарекомендовали себя - тяжеловаты, маломаневренны. Но в бою со штурмовиками и бомбардировщиками, где маневренность не так уже важна, а важен пушечный залп, к сожалению, зарекомендовали: четыре пушки, бьющие залпом, чего-нибудь да стоят...

Настигнув штурмовиков, фашисты ринулись в атаку. Все было на их стороне: и численное превосходство, и тактически выгодное положение возможность почти беспрепятственно атаковать штурмовиков снизу, - и то, что под крылом своя территория: можно, если возникнет необходимость, оставить машину, спастись на парашюте. Атакуя машину Обелова, фашист стремился прежде всего сбить ведущего группы. И своего добился: снаряд попал в водяной радиатор. "Фоккер" все же отвалил, получив хороший заряд от стрелка. Но дело было сделано. Радиатор расположен внизу, под ногами пилота, и кипяток стал хлестать в кабину. Нестерпимо жгло ноги, руки, лицо. Пар, густо наполнивший кабину, мешал видеть обстановку воздушного боя, своих ведомых. Но Обелов терпел и страстно желал одного, чтобы вода не ушла из системы, чтобы мотор не сгорел, не заклинился. Но воды оставалось все меньше и меньше, и мотор, перегреваясь, начал терять силу, перестал тянуть самолет с нужной скоростью. "Из-за меня могут сбить и других!" - подумал Обелов и подал команду:

- Всем немедленно уходить!

"Как он мог такое сказать? - в душе возмутилась Тамара.- И подумать, что мы оставим его на съедение?" Очевидно, так подумал и Чекин. Он не вышел вперед, не возглавил, как это положено, группу, а подал команду: "Змейка". Обелов как шел, так и остался впереди, продолжая вести свою группу, а группа, имея избыток в скорости, стала ходить над ним "змейкой", прикрывая командира огнем, не подпуская к нему вражеских летчиков.

Получив моральную и огневую поддержку, Обелов воспрянул духом и сделал все возможное, чтобы помочь товарищам и стрелку Николаю Касьянову. Когда Николай закричал: "Пулемет отказал! Утыкание!..", он сразу понял причину: мешок, в который падают стреляные гильзы, наполнился доверху.

- Сними мешок!-приказал он Касьянову.- Или разрежь его. Быстро!..

Николай выполнил указание командира, и пулемет заработал.

Так, прикрывая своего командира, отбиваясь от наседавших фашистов, они шли до линии фронта, шли, казалось, целую вечность, целых двадцать минут. И все двадцать минут под непрерывным огнем.

Ко всему Тамара привыкла... Достойно, вместе со всеми выдержала этот неравный, смертельный бой, нечеловеческое напряжение и не дрогнула, не спасовала, сражалась уверенно, дерзко. А когда Обелов вышел из кабины, обожженный, черный от усталости и хриплым, клокочущим басом сказал: "Спасибо, друзья!", не выдержала: разрыдалась откровенно, по-женски безудержно.

И еще один эпизод. Недавний. Группа в составе шести экипажей - Мачкев, Обелов, Чекин, Харламов, Масленников и Константинова -выполняла задание по сопровождению пехоты в наступлении. Так как удар был по переднему краю, истребителей сопровождения не было.

Когда штурмовка закончилась, сзади появилась четверка Ме-109. Обрушились неожиданно и в самый опасный момент: экипажи, выйдя из последней атаки, не успели сомкнуться, наладить огневое взаимодействие в группе. Впереди шел Мачнев, его догонял Обелов, другие были еще на подходе к ведущему. Тамара шла последней и была еще далеко, а первый удар, как известно, всегда приходится по последнему. И фашисты уже заходили в атаку.

Все решали секунды. Мачнев это увидел, понял, какая опасность грозит Константиновой, и сразу принял решение:

прикрыть ее, отсечь от нее атаку вражеских истребителей. Он мог приказать это любому из летчиков, но никто лучше его, он был уверен в этом, не видел всей остроты ситуации, а чтобы ее увидеть, оценить, принять решение на атаку и выполнить маневр, надо было иметь какой-то минимум времени. Но его уже не было...

- Обелов, выйди вперед! Всем подтянуться немедленно! Приготовиться к бою! - скомандовал Мачнев.

Его намерения поняли все, поняла и Тамара. Он прибрал обороты мотора, чтобы уменьшить скорость, чтобы как можно скорее оказаться над ее самолетом. Она, напротив, увеличила ее и быстро нырнула под его самолет. Замыкающим стал Мачнев. Его стрелок и встретил фашистов. Но силы слишком неравны. Один против четверых. У них восемь пушек, у него только один пулемет. В данном случае, когда атакуют сзади, летчик может лишь маневрировать, уходить от прицельных ударов. И все время стремиться вперед, догонять своих товарищей, уходить под огонь пулеметов воздушных стрелков, под их защиту.

Он и стремился. Но не успел. Четыре Ме-109 атаковали его слева, справа, снизу и сверху, подбили самолет.

Штурмовики были уже над своей территорией, и фашисты вернулись назад, преследовать не стали. Подбитый штурмовик Мачнева упал на болото. Это летчика и спасло. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы довелось приземлиться на лес, на окопы, на поле, изрытое снарядами, бомбами.

О том, что Мачнев жив, стало известно не сразу, а спустя какое-то время: три или четыре часа. А тогда никто из группы не сомневался, что Мачнев погиб. Так думали летчики, так и доложили командиру полка. И можно только представить, что было с Тамарой, пока она не узнала, что Мачнев жив и здоров и скоро прибудет в часть. Она считала, что командир погиб из-за нее, из-за ее, как ей казалось, нерасторопности, неправильных действий в сложной обстановке.

Ко всему можно привыкнуть: к тяготам фронтовой жизни, к постоянной опасности, но к тому, что товарищ погиб из-за твоей оплошности, привыкнуть нельзя, невозможно.

Огонь на себя

Лев Обелов идет на разведку. Его задача - сфотографировать оборону противника на одном из участков фронта. Вместе с ним в группе прикрытия идет и Тамара. Она должна посмотреть, как будет действовать разведчик. Как он будет строить маневр при заходе на цель, фотографировать...

Обелов, развернув карту, инструктирует Тамару:

- Чтобы сфотографировать оборону противника, надо точно

над ней пройти. Вот эта прямая между двумя точками - линия боевого пути. Ее длина тридцать - тридцать два километра, это шесть минут полета. На столько хватает пленки. Все шесть минут надо идеально выдерживать скорость, курс, высоту. Иначе снимки не получатся. "Шелохнулся", - начинай все сначала.

Это не первая их беседа, и Тамара ясно представляет себе, как летчик включает фотоаппаратуру над первой заданной точкой, то есть в начале боевого пути. Но до выхода в точку, на пути в два-три километра, он подправляет курс, уточняет его. Этот путь так и называется: участок уточнения боевого курса. Уже на этом участке противник открывает огонь по разведчику. Бьет и по тем, кто его сопровождает, но больше всего по нему. Из всех видов оружия. Здесь нужны железные нервы.

Обычно в помощь Обелову, когда он идет на разведку, придается группа подавления огневых средств противника - лучшие летчики-штурмовики. Сопровождая Обелова, они подавляют на его пути огневые точки противника, не дают им сбить самолет-разведчик. В группу подавления огневых средств, как правило, входит шесть летчиков. Сегодня среди них Константинова, а ведет группу прикрытия Ворис Чекин.

Для прикрытия Обелова назначены и истребители. Тоже шестерка. И тоже самые лучшие летчики. Их обязанность: не допустить к разведчику вражеских истребителей. Сохранить его любой ценой. Обезопасить его от атак "мессеров" и "фокке-вульфов", дать ему возможность уверенно работать.

Это входит в обязанность и летчиков-штурмовиков. В случае необходимости они тоже вступят в бой с вражескими истребителями, помогут своим истребителям отразить атаки по самолету-разведчику.

Самолет капитана Обелова - единственный на фронте Ил-2, снабженный фотоаппаратом АФА-3с, который устанавливается лишь на самолетах Пе-2.

На Обелова работают две фотолаборатории - две автомашины со специальным оборудованием. Замаскированные, они стоят невдалеке от стоянки его самолета. Снимками, привезенными Обеловым с поля боя, обеспечиваются, как правило, все, начиная от командующего фронтом и кончая командирами рот, участвующих в боевых действиях.

На разведку переднего края обороны противника Лев Обелов летал на многих участках фронта, и больше всего под Нарвой и Псковом. На высотах четыреста - шестьсот метров бороздил он пространство над Нарвой, над укрепленным районом Нарва - Раквери, над рекой Великой и дальше за ней, на запад. Фотографировал вторую и третью линии обороны противника,

шоссейные и железные дороги, по которым противник подтягивал к переднему краю войска и технику.

Иногда приходилось ему совершать серию таких ответственных вылетов и за очень короткий срок. Так, в период подготовки наступательных операций на нарвском направлении он ходил на разведку шесть раз и детально вскрыл оборону противника, что дало возможность нашим войскам овладеть важным опорным пунктом фашистов - городом и крепостью Нарвой относительно с небольшими для нас потерями.

За снимки, добытые из-под огня противника, Лев Обелов получил благодарность Маршала Советского Союза Василевского, представителя Ставки Верховного Главнокомандования, награжден орденами. А листовка политуправления фронта, в которой рассказано о его боевых делах и успехах, заканчивается так: "Летчики-штурмовики! Учитесь искать и уничтожать противника, как капитан Обелов".

До конца войны на счету у Обелова будет 145 вылетов на штурмовку и 50 на разведку, всего 195 успешных боевых вылетов - это очень много! И немалая часть из этого огромного числа будет выполнена вместе с Тамарой, в совместных полетах, крыло к крылу. И в огромном успехе Обелова будет доля труда Тамары: летая с ним на разведку, она будет его прикрывать, подавлять огонь зениток, нацеленных на его самолет, отсекать атаки вражеских истребителей, поддерживать морально.

В феврале сорок пятого года капитана Обелова представят к званию Героя Советского Союза, в апреле того же года он получит свою Золотую Звезду. И в этой Звезде Обелова, полученной за тяжкий труд пилота военного времени, будет и доля ратного труда Константиновой, боевого друга Обелова.

Несколько позже, в июне того же года Константинова тоже получит свою Золотую Звезду, и в ней будет доля труда Обелова, у которого (как и у Мачнева, Паникова) она позаимствует боевое умение, военную сметку, ответственность за порученное дело.

Все это будет впереди, а сейчас разведчик и сопровождающие его истребители и штурмовики - двенадцать экипажей - подходят к линии фронта, к характерному ориентиру - пересечению реки и железной дороги. Это и есть начало боевого пути. Тамара не видит, но знает, кто и чем занят в этот напряженный момент обстановки. Обелов наверняка включил "АФА" и нацелился взглядом на компас. Летчики-истребители зорко осматривают воздух в тех направлениях, откуда могут появиться вражеские истребители. Штурмовики местность близ железнодорожного моста, где могут быть "эрликоны". Тамара не видит, но чувствует, как стволы зениток поворачиваются навстречу разведчику, как

берут его в прицелы своих установок.

Не только чувствует, но и твердо уверена, ибо здесь, у моста через реку, установки должны быть обязательно. И если бы капитан Обелов летел на штурмовку, а не на разведку, он обошел бы этот мост стороной, но сейчас его обойти невозможно так же, как невозможно обойти и другие хорошо защищенные объекты - таковы требования разведки. Разведчик, если это необходимо, должен идти сквозь огонь, держа постоянными курс, скорость и высоту.

Вот на берегах реки засверкали вспышки огня, а на пути полета разведчика заклубились дымные шапки. Секунда, и они встали стеной. Она разрасталась вверх и в стороны и казалась живой, движущейся навстречу группе самолетов.

- Подавить огонь батарей! - командует Чекин.

Штурмовики, вся шестерка, устремляются вниз. Но шестерка тут же делится на две подгруппы: первая, во главе с Чекиным, идет на дальний западный берег реки, вторая, во главе с Харламовым, - на ближний, восточный. Так было решено еще на земле, при подготовке к полету, при обсуждении различных вариантов штурмовки, подавления огня вражеских зенитных батарей.

В правой тройке "илов", возглавляемых Харламовым, Тамара идет замыкающей. Значит, крайняя справа зенитка, та, что дальше других от воды, - ее цель. "Бьешь крайнюю справа", - подтверждает Харламов. Тамара видит четко очерченный круг на земле - углубление, в центре которого установлена пушка, видит задранный кверху ствол, пульсирующие вспышки огня.

Довернув самолет в направлении круга, открывает пулеметный огонь. Стреляет навскидку, не прицеливаясь. Главное, что нужно в эти мгновения, заставить пушку умолкнуть, а для этого надо отогнать от нее прислугу фашистских солдат, загнать их в окопы.

Пикируя, поливая площадку пулеметным огнем, Тамара видит, как солдаты, поспешно оставив установку, словно мыши, ныряют в укрытие. Цель достигнута - огонь подавлен. Но и этого недостаточно. Пушку надо уничтожить. Продолжая идти по прямой, Тамара берет ее в прицел, кричит своему воздушному стрелку:

- Шура! Бросаю бомбу. Проконтролируй,

- Есть, командир! - вскоре отвечает стрелок.- Порядок!

Полет продолжается. Разведчик идет на высоте шестьсот метров. Впереди, на небольшом удалении, - группа штурмовиков. Сзади и выше - истребители. Они охраняют и разведчика и штурмовиков, они ежеминутно готовы к бою. Но "мессеров" пока

нет. Бьют только зенитки. И штурмовики посылают в направлении огневых вспышек пулеметно-пушечные очереди. Так, подавляя огонь, расчищают они дорогу разведчику.

Тамара видит Ил-2 Обелова и, будто воочию, представила Леву, сосредоточенного, непреклонного. Временами снаряды рвутся совсем рядом с его машиной, сбивают ее с заданных курса и высоты, но Обелов точно и быстро ее выправляет, упрямо идет вперед.

И вдруг появились фашистские истребители. Чего Тамара опасалась, то и случилось.

- Впереди выше "мессеры", - предупреждает она товарищей.

Преимущество на стороне фашистов - количественное и тактическое: их двенадцать, они идут значительно выше.

- Увеличить скорость! - командует Чекин, и Тамаре понятен его замысел. Запас скорости необходим и для оборонительного боя: атакующего врага надо встретить огнем.

Фашисты перестроились. Три звена идут одно за другим. Идут навстречу. Но атака на встречных курсах крайне сложна: не успеешь прицелиться - и разминулись. А может, они не видят разведчиков? Вполне вероятно. Хорошо виден тот, кто находится выше, на фоне неба. А тот, кто ниже, - плохо, он скрывается на фоне земли. Нет, решает Тамара, фашисты их видят. Иначе зачем перестраиваться?

Изогнув прямую полета, немцы переходят в пике. Теперь уже видно: удар нацелен на группу штурмовиков. Первые два звена ударят по ним, третье, очевидно, атакует разведчика. Зенитки не бьют, не мешают своим истребителям.

- Переходим в атаку! - командует Чекин.

Имея запас скорости, он переводит "ил" в крутой набор высоты навстречу Ме-109 и сразу же открывает огонь. Тамара видит: ведет огонь неприцельно, просто в направлении группы, до которой еще далеко, и тоже бьет навстречу фашистам. Ей понятен замысел Чекина: сорвать атаку, используя отведенные обстановкой секунды. Угол набора, с каким "илы" идут навстречу фашистам, предельный, у мотора не хватает мощности, скорость быстро погасает.

Замысел Чекина оправдался. Напоровшись на огненный смерч шестерки штурмовиков, фашисты не выдержали, бросились в сторону. Но не ушли. Развернувшись, приближаются к группе слева. Пока не атакуют, идут параллельным курсом, остерегаясь наших истребителей. Запасшись скоростью, эшелонируясь по высоте, они носятся "змейкой" сзади разведчика.

- Приготовиться к бою! - командует Чекин.

Это значит - к защите разведчика. По этой команде, не

переставая следить за воздухом - может появиться еще одна, а то и две группы истребителей, - надо приготовиться к отражению атаки тех, что идут слева. Так понимает Тамара. Но разведчик немного отстал от своих защитников, вернее, "илы" ушли немного вперед. Ушли из тактических соображений - чтобы первым встречать зенитный огонь. А теперь надо его подождать, подпустить разведчика на дистанцию сто - сто пятьдесят метров, взять его под защитный огонь воздушных стрелков. Будто услышав Тамару, Чекин командует:

- Прибрать обороты мотора!

Фашисты переходят в атаку. Атакуют одновременно: первое звено штурмовиков, второе - разведчиков, третье - истребителей. "Схема атаки классическая, - думает Тамара, - как на картинке". Но только просчитались фашисты, распылили силы.

- Спокойнее, Шура!- подбадривает Тамара стрелка.- Бей точнее, не торопись.

Тамара слышит рокот оружия, видит трассы огня свои и чужие, чувствует запах сгоревшего пороха. Привычная картина боя.

- Командир! Один готов! Наши истребители сбили.

Отбитые дружным огнем, фашисты выходят из атаки. Хорошо видно: в третьем звене одного не хватает. Тамара смотрит вниз, там, резко выделяясь на фоне земли, плывет белый купол парашюта.

- Задание выполнил! - передает разведчик.- Беру курс на свою территорию.

Пришло время - и вот Тамара летит на разведку сама. В этом полете ей надо детально обследовать один из объектов, по которому будет действовать полк. Надо посмотреть, как расположены части противника, его техника, артиллерийские и зенитные позиции.

Под крыло уходят лесные массивы, поля, дороги. Уже позади линия фронта. Переднюю полусферу Тамара охраняет сама: на случай встречи с истребителями противника у нее четыре ствола: две пушки и два крупнокалиберных пулемета. Заднюю полусферу защищает воздушный стрелок Мукосеева, ее надежный товарищ. Но что она может сделать против зениток?

Когда Тамара вышла на цель, замаскированные зенитки ударили во всю свою мощь. Тамара долго металась в этом черно-багровом аду. Хотелось бросить машину в пике, потерять высоту, скрыться на фоне лесного массива, но она не могла этого сделать, не имела права. Ей надо было заметить, откуда били фашисты, где располагались орудия, зенитно-пулеметные точки.

Непрерывно маневрируя, уклоняясь от огненных трасс, она

отыскивала изрыгающие огонь орудия, направляла на них свой самолет, посылала смертоносный груз. Изредка напоминала стрелку Мукосеевой: "Следи, Шура, за воздухом"... Напоминала не потому, что стрелок может об этом забыть, а чтобы среди непрерывного гула разрывов снарядов услышать звонкий девичий голос: "Слежу, командир!" Голос боевой подруги, живой человеческий голос успокаивал, вселял уверенность, придавал силы. Быстро, навскидку прицеливаясь, Тамара бросала бомбы, посылала к земле эрэсы, поливала врага пушечно-пулеметным огнем.

Хлестко, гулко, оглушающе разорвался снаряд. Полыхнул нестерпимо яркий огненный взрыв рядом с машиной, осколками ударил по крыльям и фюзеляжу, мелким крошевом бронестекла осыпался на голову, плечи и руки. Тугая волна жаркого воздуха пахнула в кабину, опалила лицо. Откуда-то, как под давлением, брызнуло масло - горячее, с терпким запахом. Сразу стало трудно дышать. Сильным движением ног и руки Тамара вырвала машину из крена, мельком посмотрела на компас, определила: линия фронта впереди и немного правее.

Прикинула время полета. Оно было не очень большим, и это слегка успокоило, вселило надежду дотянуть до своей территории. А там не страшно, там своя земля, свои люди, можно и приземлиться, если возникнет необходимость. В крайнем случае выброситься с парашютом.

"Нет, не дотянем", - содрогаясь от нового мощного разрыва, подумала Тамара.

Самолет резко пошел на крыло. И опять Тамара упредила его попытку упасть, опять помогла ему выправиться, встать в горизонтальный полет.

"Нет, все-таки не дойдем"... Липкий, противный холодок ползет по спине, сжимает нервы в комок. "А может..." И Тамара с надеждой глядит на приборы. Но напрасно: стрелка температуры масла подходит к красной черте, скоро начнутся перебои в работе мотора. Потом он станет совсем, заклинится, сгорит, как говорят летчики, и экипажу останется только одно - прыгать или садиться вынужденно там, где застанет беда.

Немного прибрав обороты мотора, Тамара идет со снижением. С небольшим, почти незаметным. Чтобы меньше терять высоту и в то же время уменьшить нагрузку на двигатель. Чтобы он подольше протянул. "Шура, смотри за воздухом". Самое неприятное, если в эти последние минуты жизни мотора налетят истребители. Подбитый, обреченный штурмовик для фашистов легкая добыча,

"А как же разведка? - внезапно мелькает мысль.- Ее

результаты? Доклад на командный пункт?" Оказавшись в беде, Тамара чуть не забыла самое главное: сообщить результаты разведки, предупредить товарищей о том, как защищен объект, какова плотность огня зениток, где они расположены. Летчица жмет на кнопку радиосвязи, торопливо передает самое нужное, необходимое.

Наконец мотор стал, заклинился. Наступила непривычная тягостная тишина.

Тамара глядит вперед. Под крыло уходит дорога, сгоревшая деревенька, поле, изрытое снарядами. Прозмеилась речушка. Мелькают окопы. Чьи? Наши или еще немецкие?..

Чем ниже летит самолет, тем быстрее бежит земля. Уже несется стремглав. С калейдоскопической быстротой мелькают лощины, балки, черные плешины на траве - следы огня. Снова окопы, ходы сообщений. Чьи? Разберись попробуй. Земля бросается под самолет.

- Шура! Держись!..

Стрелок Мукосеева - опытный воин, но предупредить все равно надо. Ее внимание приковано к воздуху, к задней полусфере, откуда обычно и появляются фашистские истребители. К тому же сидит она против хода машины, и в момент приземления она должна за что-то держаться. Иначе можно удариться головой о стенку кабины.

- Держусь! - кричит Мукосеева.

Самолет приземлился, пополз, с грохотом роя землю винтом, радиатором. Но вот зацепился за что-то крылом, развернулся и затих. Свежий, чуть влажный ветер обдувает лицо, проникает под комбинезон, приятно холодит разгоряченное тело. Тамара молчит, чутко прислушиваясь к тишине, к обстановке. В тишину врываются звуки выстрелов. Стреляют невдалеке, слева и справа.

Наверняка немцы. Окружают. Пройдут минуты, и выстрелы будут со всех сторон. Издали фрицы будут кричать: "Русс, стафайсь!" А подойти побоятся, знают: в задней кабине "ила" есть пулемет.

- Плохи наши дела, Шура, - говорит Константинова.

- Вижу, что плохи, - подтверждает Мукосеева.

- Что будем делать?

- Что скажете, командир, то и будем.

"Ты настоящий солдат, Мукосеева, настоящий товарищ, боевой помощник своего командира", - думает Тамара о своем воздушном стрелке и невольно об их отношениях, об их необычной дружбе.

А дружба у них действительно необычная. Тамара - взрослая женщина, мать, зрелый воздушный боец. Шура - почти девчонка.

И внешне выглядит так же: незаметная, маленькая.

- Скажу, Шура, только одно: живыми фашисты нас не возьмут.

- Окружат, будем отстреливаться, - согласно кивает Шура, - последний патрон каждый оставит себе.

- Так и будет, - решает Тамара. И говорит это таким тоном, будто разговор идет не о жизни и смерти, а о чем-то другом, постороннем. Но это не безысходность, не отрешенность. Натура незаурядная, волевая, Тамара надеется на лучший исход, на какую-то помощь извне. И не зря надеется.

Дело в том, что приземлились они не на вражеской территории, а на нейтральной, ничейной. Самолет, идущий на посадку, был виден и нашим и немцам. Поэтому и началась перестрелка.

Обстановка вскоре прояснилась. Приподнявшись в кабине, Тамара увидела ползущих, пробирающихся от воронки к воронке людей. Это были наши солдаты. Тамара узнала их по цвету одежды, а через минуту-другую и по выражению лица. Авиаторов, особенно штурмовиков, пехотинцы считали за кровных братьев.

Так закончился этот полет, сложный, опасный, чуть не стоивший жизни летчику и стрелку. Остается только добавить, что доклад Тамары по радио был принят командным пунктом полка, и вылет штурмовиков состоялся. Летчики, летя на задание, знали, как их встретит противник, заранее приняли меры, позволившие им подавить зенитные средства, успешно выполнить боевое задание.

"Володя, - пишет Тамара, - если бы ты знал, как это хорошо, когда у тебя за спиной верный, надежный товарищ. Говорю о своем воздушном стрелке Шуре Мукосеевой. Девчонка, а сколько в ней смелости, твердости. Настоящий кремень. А сколько боевого умения! Идя в атаку, я никогда не смотрю назад. Уверена, туда смотрит Шура. И смотрит, и все видит. Еще не было случая, чтобы вражеский истребитель атаковал нас внезапно. Двух она уже уничтожила. Короче, я за ней, как за стеной каменной..."

Верочка

Редко, когда в полку служат два брата, вместе летают вместе дерутся с врагом. Редко, но бывает. Бывает, когда на одном самолете летают брат и сестра, брат летчиком, сестра воздушным стрелком-радистом. Всякое бывает. Но такого, наверное, не было: мать улетает на боевое задание, а дочь, пятилетняя девочка, бегает близ самолетной стоянки, играет. Не было, но есть, И это в полку Домущея.

А что делать? Так сложились обстоятельства. Мать Тамары больна, а сестренка Августа учится. Обстановка в Калинине трудная. И вот Верочка здесь. Веселая, радостная - она с матерью,

у нее много друзей: летчики, механики, девушки-оружейницы. Кто свободен, тот с ней и занимается: присматривает, оберегает, ухаживает. И Тамара спокойна. Дочка одета, обута, накормлена. И всегда у нее на глазах. Не у нее, так у кого-то другого. И всегда в надежных руках. Что может быть надежнее, теплее, ласковее рук однополчан, боевых товарищей, друзей!

Смотрит Тамара на дочку-смуглякку, а видит Василия. Все у отца взяла: подвижность, общительность, самостоятельность. И внешне портрет отца: такие же темные волосы, такие же большие карие глаза.

- Верочка, что ты здесь делаешь? - спрашивают летчики, увидев ее с куклой у технической каптерки. - Ты ждешь маму? Может, ее прислать? Или тебя к ней проводить?

- Не надо, - подумав, отвечает девчушка, - и присылать не надо, и провожать не надо.

- А почему, Верочка? Ты разве не скучаешь без мамы?

- Скучаю, - отвечает Верочка и поясняет: - Но у мамы свои дела, а у меня свои.

- А какие у тебя дела, маленькая?

- Как какие? - удивляется Верочка. И прижимая к себе куклу, поясняет: - Дочку накормить надо, а потом спать уложить.

А время идет. Позади остались бои за Нарву и Псков. Наши войска воюют в Эстонии. Вот уже и Восточная Пруссия. Лейтенант Константинова - опытный воин, кавалер боевых орденов.

- Кузьмич, как у тебя Константинова? - спрашивает подполковник Зеленцов.- Летчик она хороший?

Николай Кузьмич - это подполковник Домущей, командир 566-го полка, а Павел Зеленцов - командир 999-го полка той же 277-й дивизии, в которую входит и полк Домущея. Значит, они командиры братских полков, друзья по общему делу. А вообще, они разные. Домущей - пожилой, солидный, медлительный. "Выка" - называют его летчики. За глаза, безусловно. Но он об этом узнал. Думали обидится, а он ничего, ему даже понравилось, что его называют медведем. Да еще по-молдавски, на его родном языке. "Медведь зверь уважаемый", - сказал Домущей в ответ на теплую шутку летчиков.

Николай Кузьмич - ветеран авиации. В начале 30-х годов летал на ТБ-3, попал в аварию. След от нее - золотые вставные зубы. Все двадцать восемь.

Зеленцов - из молодых. Недавно был штурманом дивизии, теперь командир полка, крепкий, подтянутый, быстрый на решения.

Не часто, но все же бывает, когда братские полки оказываются на одном полевом аэродроме. Вот и сейчас вместе, и

Зеленцов зашел к Домущею для решения общих дел. Дела решены, и теперь командиры беседуют просто так, по-дружески, вспоминают старых знакомых, делятся новостями, впечатлениями. Вот и спросил Зеленцов о Тамаре.

Не просто так спросил, с целью. Зеленцов знает Тамару с первых же дней ее службы в полку Домущея. Будучи старшим штурманом этой же, 277-й дивизии, он принимал у нее зачет по знанию района нарвского участка фронта. Тогда и узнал, что она бывший летчик-инструктор, убедился, что она хороший методист. Возглавив 999-й авиаполк, он снова вспомнил о ней и постоянно имеет ее в виду, постоянно к ней присматривается. Грамотный, думающий командир, летающий сам на задания, он ценит хороших воздушных бойцов, а особенно тех, кто творчески мыслит, умеет анализировать полет, умеет к нему подготовиться и подготовить других. Под предлогом, что Тамара хорошо знает У-2, много летала на этой машине, он несколько раз приглашал ее на облет линии фронта, много с ней разговаривал. Домущей, прижимистый молдаванский крестьянин, чувствуя, что это все неспроста, ворчал:

- Что ты на моих летчиков посягаешь?

Зеленцов отшучивался:

- Так я же не на летчиков, я только на летчицу.

Вечереет. На командном пункте - в обычной деревенской избе - полумрак. Две лампочки, от которых струится красноватый неяркий свет, не в силах осветить довольно просторную комнату, и хитроватый Зеленцов, сидящий спиной к свету, улыбается, наблюдая за Домущеем, его попыткой спрятать внутрь беспокойство, вызванное вопросом о Тамаре, попытку смолчать, не ответить, перевести разговор на другую тему.

"Что у тебя хорошего, нового?" - хочет спросить Домущей, но Зеленцов упреждает его:

- Так как Константинова, летчик хороший?

Домущей, поняв причину этих вопросов, тоже хитрит, отвечает уклончиво:

- Ты разве не знаешь? Прекрасно знаешь. Зачем тогда спрашиваешь?

- Темнишь, брат, - упорствует Зеленцов.- Константинова хоть и недавно воюет - летчик хороший, опытный.- Неожиданно спрашивает: - Так? - и, видя утвердительный кивок Домущея, ставит вопрос в упор: - Почему же она в рядовых ходит? Ей звено можно доверить, а она даже пару не водит. Почему? Возмущенно бросает: - Не доверяешь!

- Дело совсем не в этом! - оправдывается Домущей.

Действительно, дело в другом, дело в наличии вакантных

должностей. Нет их. Полк военного времени - единица не очень большая. Всего три эскадрильи, в каждой по три звена. Причем первое звено возглавляет лично комэск. Получается, что в эскадрилье по штату всего два командира звена.

- В чем же дело, Кузьмин, если не в недоверии? - спрашивает Зеленцов.

- В вакансии, - отвечает Домущей.- Нет у меня вакантной должности командира звена. Заняты все.

Звонит телефон. Домущей берет трубку и долго говорит с кем-то из штаба дивизии, может, с командиром, может, с начальником штаба - оба они полковники, а Домущей, обращаясь к командиру или начальнику, как и положено, называет его по званию. Но вот наконец трубка положена. Домущей молчит, считая, что дружеский, хотя и не очень приятный разговор с Зеленцовым окончен, ждет, что он сейчас спросит: "Ну что там? К чему-нибудь надо готовиться?" Но Зеленцов себе на уме. Говорит как бы между прочим:

- Извини, Кузьмич, за вмешательство, но я, как говорится, на правах друга, соседа и в порядке любопытства. Если бы должность была, ты бы Тамару назначил командиром звена?

- Безусловно! - великодушно соглашается Домущей.- И неосмотрительно попадает впросак: - Будет у тебя свободная должность, честно говорю, предложил бы Тамару на повышение. Не пожалел бы ради такого случая.

- Ловлю на слове, старый медведь, - хохочет Зеленцов.- Ловлю, дружище, на слове. Должность у меня есть, вопрос о Тамаре уже решен с руководством, и на днях будет приказ.

Домущей возмущен уже по-серьезному:

- Пройдоха! Чего же морочил мне голову?

- Мы же друзья, Кузьмич, - смеется Зеленцов.- Не мог я тебя обидеть. Но ты не жалей, это нужно для пользы дела, нашего общего дела.

Любит Домущей Зеленцова как летчика , как боевого товарища. Гордится его успехами, быстрым служебным ростом. Такой молодой, а уже командир полка, подполковник. Догнал Домущея, сравнялся со старым пилотом. Другой, возможно, обиделся, высказал бы все комдиву, а он - ничего, комдиву ни слова, а Зеленцову - звонок: "Поздравляю, Паша, с назначением". А вскоре еще звонок: "Поздравляю с очередным званием. Рад успехам твоим, подполковник. Больше того, будешь комдивом, рад буду служить под твоим знаменем".

- Знаю. Знаю, что нужно для дела, - ворчит Домущей.- Но будь на твоем месте кто-то другой, Тамары ему не видать. Объявил бы ему войну, добился отмены приказа. Но с тобой

спорить не буду. Ладно. Пусть будет по-твоему. Ну и пройдоха же ты, Зеленцов!

И вот Константинова в новом полку, в эскадрилье капитана Евгения Иванова. Молодой командир растрогал ее своей внимательностью, чуткостью и чисто воинским отношением. Когда Тамара доложила о том, что она прибыла в его эскадрилью для прохождения службы, он крепко, по-мужски, пожал ей руку. "Встретил не как женщину, слабое и капризное существо, и даже не как летчицу, а как летчика", - с благодарностью подумала Тамара. И тем более это было приятно, что она слышала об Иванове как о смелом воздушном бойце, очень толковом ведущем.

- Место, где вы будете жить с вашим стрелком и дочкой, уже подготовлено. Располагайтесь, устраивайтесь, - сказал капитан.

И это была новая неожиданность. Тамара ждала, что разговор начнется о службе, полетах, делах - так ведь всегда бывает, а он вдруг сразу о дочке, удобствах... Получилось одновременно и по-фронтовому сурово, и по-домашнему тепло и трогательно. Тамара смутилась, растерялась.

- Вы знаете, что у меня есть дочка и что она находится здесь, на аэродроме? - спросила она и почувствовав, что задала нелепый вопрос, смутилась еще больше. Иванов же понял ее и, стремясь разрядить неловкость, пошутил:

- Кто же об этом не знает! Весь Ленинградский фронт. Полк Домущея тем и прославился, что в нем служит женщина-штурмовик, а при ней пятилетняя дочка.

И все, смущения, неловкости - как не бывало. Перед Тамарой уже не командир эскадрильи, известный на фронте летчик, герой, а просто хороший товарищ, заботливый друг.

- Не ожидала, товарищ капитан, не ожидала, - в тон Иванову, смеясь, говорила Тамара, - такое неуважение к коллективу, воспитавшему и взрастившему меня, теперь вашего летчика и даже командира звена. Вы что же, заслуги таких героев, как Мачнев, Паников, Обелов, Корчагин, не признаете? А ведь они мои учителя, воспитатели; не признавать их - не признавать и меня.

И разговор начался простой, задушевный.

- А начнем мы с двухместной машины, - сказал потом Иванов, - с проверки техники пилотирования. Это закон. Его не обойдешь. Да и зачем обходить, если от этого только польза?

Под колпаком по приборам потренируемся. Тоже надо. Прибалтика в отношении погоды, сами знаете, - гнилой угол: дожди, туманы, низкая облачность. Строем походим для тренировки и для знакомства - я должен знать вашу

подготовленность. А потом - на боевое задание.

И опять началась боевая страда. В летной книжке Тамары такие ежедневные записи: "Штурмовой удар по зенитным батареям противника и удар по артбатареям", "Штурмовой удар по траншеям в районах Раушен, Шигиштиммен, Хабихтау, Бракупенен", "Удар по эшелону противника на железнодорожнолм перегоне", "Удар по танкам противника"... "Разведка..."

В эскадрилье Афанасия Мачнева Тамара летала в паре с Мачневым. В эскадрилье Евгения Иванова она летает в паре с Ивановым. По той же причине: она мастерски бомбит и стреляет, хорошо держится в строю, свободно маневрирует, не теряется в сложной огневой обстановке, она надежный товарищ. С Ивановым она летает и на разведку. Мысль использовать ее в качестве разведчика Иванову подал Зеленцов. Летая с Тамарой, он видел, как она ориентируется в воздухе, как знает район полетов, запоминает характерные ориентиры.

Вечерами, после напряженного летного дня, эскадрилья собирается вместе. Как правило, там, где живет командир. Или там, где Тамара и ее воздушный стрелок Мукосеева. Тепло у них и уютно. Потрескивают в печурке сухие поленца, пыхтит большой медный чайник. Здесь же, в кругу летчиков, вместе с Тамарой и Верочка. Летчики говорят о полетах, вспоминают погибших товарищей, мечтают о послевоенном времени. А Тамара спокойная, по-домашнему добрая, слушает их, разливает чай, ухаживает за ними. Будто сестра за братьями.

Они и любят ее как сестру. Любят и уважают. Ее душевной доброты, сердечности хватает на всех. Тамара делит с ними и опасность летной работы. И гордость за отлично выполненное задание, за удачный удар по объекту противника. И горечь утрат. И даже заботу о дочке - о ней беспокоится вся эскадрилья. Верочку любят все, а больше всех капитан Иванов. Он любит с ней разговаривать.

- О маме соскучилась? - спрашивает он Верочку, когда Тамара улетает без него с кем-то из летчиков.

- Соскучилась, - отвечает девчушка.- Все равно, пусть она полетает подольше.

- Верочка, - строго говорит командир эскадрильи и деланно сдвигает брови, - вижу, вы с мамой рассорились, и это меня беспокоит... В эскадрилье все должны быть дружны, один заступается за всех, все за одного.

- Не беспокойтесь, дядя Женя, у нас все хорошо, мы с мамой дружные, убеждает комэска Верочка.

- Почему же ты хочешь, чтобы она подольше летала?

Верочка отвечает не сразу, молчит, думает, открыть или не открыть секрет дяде Иванову, и наконец решается:

- Когда мама летает, я могу бегать везде. А при маме нельзя. Ругается: "Мины кругом, мины кругом... Взорвешься..."

Иванов нагибается, берет девочку на руки.

- Знаешь, Верочка, а ведь мама права, я хотел сказать тебе то же самое.

Верочка дружит со всеми, но больше всего с Ивановым. Бежит к нему даже от матери. Летчики смеются: "Неспроста это, товарищ командир, дети чувствительны..." Он отшучивается: - Верно, она чувствует отца-командира. Тамара его защищает, поддерживает:

- Не смущайтесь, товарищ капитан, любить детей - это большое счастье. Не каждому это дано. Я рада за вашу будущую жену и детей.

От души радовалась, но преждевременно... Не довелось Евгению Иванову испытать семейное счастье, любить жену, нянчить детишек.

...Им предстояла штурмовка опорного пункта противника. Этот пункт мешал продвижению наших войск, и его надо было разбить, подавить огневые точки. Полетели в составе шестерки Ил-2. Впереди капитан Иванов, рядом Тамара, его заместитель. Подполковник Зеленцов в ней не ошибся, она оказалась хорошим командиром звена, и ее снова повысили в должности, назначили заместителем командира эскадрильи, несколько раньше Тамара была награждена орденом Красного Знамени.

Капитан Иванов сделал все, чтобы внезапно выйти на цель: летчики соблюдали радиомаскировку, на последнем отрезке пути шли на малой высоте и только потом, сделав горку, поднялись на тысячу метров; прикрывались лучами солнца. Но враг был начеку, соблюдал постоянную бдительность. Зенитки начали бить значительно раньше, чем группа подошла к опорному пункту. Снаряды рвались вблизи боевого порядка, тугие ударные волны с силой били по фюзеляжам, крыльям, бросали машины вверх и вниз, сбивали их с курса.

- Атака! - скомандовал капитан Иванов. Разворотом влево Иванов отвалил от боевого порядка штурмовиков и бросил машину к земле. Вслед за ним развернулась Константинова.

И вот они на прямой. Тамара следит за ведущим, уточняет дистанцию. А зенитный огонь все плотнее. Особенно там, где идет Иванов. Он маневрирует, бесстрашно идет вперед. Вот пущены эрэсы. И вдруг на месте самолета яркая, словно молния, вспышка. И как молния мысль: "Попали, сбили..."

Всякое приходилось видеть, но такого Тамара еще не видела.

Самолет Иванова развалился пополам. Две части его, словно две глыбы, мелькнули среди разрывов и вскоре пропали, скрылись на фоне земли. Потом, уже после полета, Тамара поразилась тому, что она даже не растерялась. А ведь на глазах погиб человек, близкий товарищ, командир эскадрильи. Мозг, будто машина, бесстрастно отметил: "Завтра надо будет приехать сюда. Сегодня же нужно сделать все, чтобы помочь наземным войскам выбить фашистов из этого опорного пункта. Затем Иванов и привел свою группу". В душе закипает лютая ненависть к врагу. Тамара жмет на кнопку радиосвязи.

- Командир погиб! Принимаю командование. Продолжать штурмовку!

Они сделали девять заходов. Много ли это? Много. Очень много. Тем более, что перед ними не стояла задача продержаться как можно дольше над целью. Эту задачу они поставили сами себе. И прежде всего Тамара. "Экономьте боеприпасы", - сказала она в эфир, и летчики поняли так, как и следует: каждая бомба, каждый реактивный снаряд, пушечный залп должен пойти только в цель, только на поражение.

Методично летчики делали заход за заходом, скрупулезно, оценивающе выбирали объекты, тщательно прицеливались и только тогда, когда были уверены, что бомба или снаряд пойдет куда следует, нажимали на кнопку электросброса или боевую гашетку. Тамара била спокойно, хладнокровно, расчетливо. И всегда, когда нажимала на кнопку, говорила сама себе: "За Василия!.. За командира!.."

Волю слезам она дала лишь на земле, на самолетной стоянке.

Огневые точки опорного пункта противника штурмовики буквально сровняли с землей, и наша пехота, поднявшись, быстро продвинулась вперед, освободила местность, где геройски погиб капитан Иванов. На розыск упавшей машины приехали командир полка, Константинова и еще несколько офицеров. Тамара быстро нашла место падения.

Передняя часть самолета вместе с кабиной летчика ушла глубоко в землю, задняя, со стрелком, была на поверхности. Пилота пришлось откапывать, и Тамара работала вместе со всеми. И когда рыли могилу, тоже трудилась вместе со всеми. Они вместе летали с Ивановым и вместе его хоронят. И не окажись на руке Иванова перстня, так бы никто и не вспомнил, что Тамара все-таки женщина. Зеленцов нагнулся, осторожно, словно боясь потревожить погибшего, снял блеснувший на солнце перстень и отдал Тамаре:

- Память... Береги.

Вскоре Тамару вызвал полковник Хатминский. "Зачем?"-

спросила она Зеленцова, прежде чем пойти к командиру дивизии.

- Там узнаешь, - уклончиво сказал подполковник.

И Тамара узнала. Разговор шел о Верочке. Тамара догадывалась, что такой разговор рано или поздно будет. И ждала его каждый раз, когда погибал кто-то из летчиков. А погибали не так уж и редко. Еще чаще приходили домой на таких самолетах, что ремонтировать их просто не имело смысла. На таком однажды вернулся Лева Обелов. И Тамара приходила на избитой машине. С изрешеченными крыльями. С разбитым хвостовым оперением. С поврежденной маслосистемой. Последний раз - это было несколько дней назад - она добралась до дома лишь благодаря Мукосеевой, которая умело отбила атаки "мессеров".

Поврежденные в боях самолеты - обычное дело, но командир полка, обходя машину Тамары, задумчиво хмурился, качал головой, молча ушел со стоянки. И Тамара однажды вдруг поняла, что его так тревожит.

- Не беспокойтесь, товарищ командир, - сказала Тамара, - со мной ничего не случится.- И пошутила: - Я заговоренная.

Он шутку не принял, усмехнулся горько. Наверное, вспомнил всех, кто остался на поле битвы. Как их много осталось... Спросил прямо в упор:

- Что будет с дочкой, если погибнешь?

- Я об этом не думала, - ответила Тамара и, поняв, что отвечает не так, как надо, пояснила: - Не о том, что будет с дочкой, а о том, что погибну.

Она и в самом деле не думала, старалась не думать об этом. И, наверное, никто об этом часто не вспоминал. Ни Мишуткин, ни Шахов, ни Паников... Чаще думают о другом. Вот Иванов, например, после войны хотел пойти в военную академию. "И все время буду летать, - говорил он.- До старости". Разве он мог мечтать, если бы постоянно ожидал, что вот-вот его собьют?

Когда началась война, Петр Гонтаренко служил в полку истребителей. В сорок втором году он был уже старшим техником эскадрильи. Следующая должность - инженер полка. А Гонтаренко хотел стать летчиком, хотел воевать, лично бить врага. Добился, чтобы его послали на переучивание. Освоив Ил-2, прибыл в 566-й авиаполк, в эскадрилью Мачнева, пошел в первый боевой вылет. Зенитный снаряд поразил его самолет, отсек руль поворота, разворотил бензиновый бак, вывел из строя мотор. Вынужденная посадка, вернее, падение, затем госпиталь, и Гонтаренко больше не летчик. Разве он думал о том, что первый его вылет станет последним? Не думал, конечно, надеялся, что будет летать до победы.

И летчик этого полка Синяков, направивший подбитый

самолет на танки противника, тоже не думал о том, что этот его вылет станет последним. И Таранчиев, бросивший свой горящий самолет на бронепоезд врага, тоже об этом не думал.

- Ты права, - говорил Зеленцов.- Я тоже, идя на боевое задание, думаю только о том, как его лучше выполнить. Но никто из нас, и я в том числе, не застрахован... Не будем кидаться в крайность, возьмем, как говорится, менее тяжкий случай - ты ранена, у тебя нет возможности сообщить об этом в полк. Проходит день, второй, третий... Неделя.

- Бывает, - подтверждает Тамара.- Гонтаренко, летчик полка Домущея, возвратился через три месяца.

- Тамара! Пойми ты меня, представь себя на моем месте, - убеждал ее Зеленцов, - Гонтаренко один как перст, а у тебя ребенок, пятилетняя дочь. Она уже все понимает. Что с ней будет, если ты не вернешься и не сможешь о себе сообщить хотя бы несколько дней? И как себя будут чувствовать летчики, глядя на нее? И что они скажут, если я, ничего не узнав о тебе, отправлю ее в Калинин? Что подумают? Похоронил заживо, вот что они подумают...

Ни до чего они не договорились.

- Я спокойна только тогда, когда дочка со мной, - сказала Тамара.

Командир промолчал, хотя ему очень хотелось сказать, что он успокоится только тогда, когда Верочка будет в Калинине. Подумал только, но не сказал, постеснялся. Ведь Тамара в полк не просилась, он сам предложил. Еще тогда пошутил: "Беру тебя вместе с Верочкой". А теперь она вроде бы лишняя, вроде мешает. "А Домущею не мешала, - может подумать Тамара, - Домущей человек хороший, а он, Зеленцов, сухарь".

И вот Тамара в штабе дивизии. Ее встречает полковник Федор Хатминский. Тамаре нравится этот худощавый, подтянутый человек. И внешне он красив темноволосый, смуглый, с хорошей улыбкой. И внутренне - справедливый, внимательный, добрый. Вся дивизия любит его. И как человека, и как летчика. Вообще-то, командиру такого высокого ранга не только не обязательно ходить на боевое задание, но и не положено, а он ходит, откровенно предпочитает кабину штурмовика тишине штабной обстановки.

- Вы знаете, Тамара, зачем я вас пригласил? - спрашивает Хатминский, и это "пригласил" вместо "вызвал" и "Тамара" вместо "Константинова" тоже говорит о его человеческих качествах, о его такте, уважительности.

- Догадываюсь, товарищ полковник, - отвечает Тамара.

Уклоняясь от прямого ответа, она еще надеется, что разговор

с командиром дивизии не будет иметь отношения к разговору с командиром полка, не будет его продолжением. Однако надежда напрасна.

- У меня есть семья, - говорит Хатминский, - жена и двое детей, две девочки. Они живут в Ленинграде. Давайте отправим к ним Верочку. Не беспокойтесь, ей там будет неплохо.

Тамара молчит, она не знает, что говорить, не знает, что делать. Предложение так неожиданно и так необычно. Но она уже понимает главное: Верочку надо отправить.

- Ей там будет неплохо, - повторяет комдив.- Больше того - ее уже ждут. Я списался с женой, договорился, нужно только ваше согласие.

- Спасибо, товарищ полковник, большое спасибо, - благодарит Тамара.Но я не могу этого сделать, не могу обременять вас, вашу семью.

Тамаре уже понятно, что Верочку надо отправить, что она забота для всех, для командира полка и дивизии, для эскадрильи, что она, хочешь не хочешь, помеха в делах. Тамара поняла это еще в разговоре с командиром полка, теперь же, беседуя с командиром дивизии, убедилась, что это действительно так.

- Да что вы, Тамара, - убеждает ее Хатминский, - не велика разница двое детей или трое...

- Нет, товарищ полковник, дело не в том, двое их или трое. Посторонний, не свой ребенок в семье, - это и лишнее беспокойство, это и большая ответственность. Но дело не только в этом. Представьте, я не вернулась с задания. Каково будет моей матери, если после похоронки она получит и Верочку... Лучше, если Верочка будет при ней. Иначе она не переживет горя. Спасибо, товарищ полковник, и вам, и вашей жене, но я не могу принять предложение. Я отвезу Верочку к матери. Трудно мне без нее, неспокойно, но тут уж ничего не поделаешь. Нужно - значит нужно.

Летчики ушли на задание, а Тамара осталась на земле. Она улетает сегодня домой. А пока сидит на КП с Зеленцовым. Он говорит, что фашисты перешли к новой тактике. Раньше старались увеличить счет лично сбитых машин, поэтому охотились за отставшими, добивали подбитых. Теперь охотятся за ведущими, стараются максимально уменьшить число наших командных кадров, ибо от них зависит успех боевого задания. Зеленцов помолчал, подумал и добавил: "Учти, ты ведь тоже ведущая. Будь осторожна".

И вот Тамара в Калинине. Держа Верочку за руку, идет по родному городу, по улицам, на которых прошло ее детство, по которым гуляли втроем: она, Василий и Верочка. Василий держал

ее на руках, а Тамара шла рядом, любовалась обоими - и дочкой, и мужем. Нет Василия, неузнаваем город после фашистов: разбитые дома, почерневшие от дыма улицы.

Вот и дом. Как радостно и тревожно на душе.

Навстречу, улыбаясь, спешит мать.

- Тамара! Верочка! Господи, думала, мы и не свидимся...

Хорошо побыть дома с матерью, дочкой, сестренкой, но в полку ожидали дела, и Тамара в Калинине задержалась недолго, через несколько дней возвратилась в родную часть. На вопрос: "Как, братцы, дела? Что нового?" услышала:

- Погиб командир полка. Сбили во время штурмовки.

Тамара схватилась за голову...

Над Восточной Пруссией

Наступление 3-го Белорусского фронта началось 13 января. Прорыв вражеской обороны проходил медленно. Противник, ожидая наступления советских войск, уплотнил свои боевые порядки, повысил боеготовность, принял ряд мер для срыва наступления. Не способствовала и погода: летчики, прижатые к своим аэродромам низкой облачностью и туманами, не могли по-настоящему помочь войскам фронта. Прорвать оборону удалось лишь 18 января. Через неделю, 26 января, наши войска вышли к Балтийскому морю.

В это время командиром эскадрильи, в которой служила Константинова, стал Лев Захаров - грамотный и отважный летчик. И вот шестерка штурмовиков во главе с капитаном Захаровым идет на задание. Боевой порядок - правый пеленг.

Рядом с ведущим идет Константинова, заместитель комэска. Так ходила в бой с Ивановым, а заслужила это почетное место еще в эскадрилье Мачнева. Но Мачнев не сразу приблизил ее к себе, не сразу дал ей это почетное место. Только после того, как убедился, что она отлично бомбит, точно стреляет, умеет четко держаться в строю и что она надежный товарищ. Он наблюдал за ней постоянно, с первого дня, с первого совместного вылета и ни разу не видел, чтобы она замешкалась, допустила ошибку, оказавшись в зоне огня зениток, чтобы она заметалась и дрогнула в бою с истребителями, хотя бывало, что создавались труднейшие условия.

- А ты, как я замечаю, неплохо воюешь, - похвалил ее однажды Мачнев.Очень неплохо.

- Стараюсь, - сказала она смущенно, однако не растерялась, добавила: Как учили.

Все заулыбались, улыбнулся и Мачнев.

- Ну что ж, раз ты такая молодчина, отныне будешь моим ведомым...

Итак, шестерка Захарова идет на задание. До цели осталось немного. По наземным ориентирам, затуманенным синей неплотной дымкой, Тамара находит пункт наблюдения. Сегодня там полковник Хатминский. Об этом сказали еще вчера: летчики должны знать, кто управляет ими, должны знать его голос. Бывает, в радиосвязь вторгаются фашисты, вносят дезинформацию, пытаются направить группы на ложные цели.

- "Вьюга десять", я "Вьюга одиннадцать", пришел работать по цели номер восемь, - докладывает Захаров.- Разрешите выполнять.

- Работать разрешаю, - слышен голос Хатминского.

- Приготовиться к атаке! - слышится голос Захарова.

Им предстоит штурмовать третью линию траншей, танки и минометы на этой линии. По первой уже удар произведен. Там дымится земля. Курс группы Захарова перпендикулярен траншеям. Это начало маневра.

- Атака! - командует Захаров.

С высоты километра Тамара отлично видит немецкие танки, минометы и даже пулеметные гнезда. Видит, как справа, с опушки серой от дыма рощи, начинают бить "эрликоны". Будто из-под земли вылетают цепочки оранжевых шариков и одна за другой круто тянутся вверх, к строю штурмовиков. "Эрликоны" - цель для Тамары.

Ее боевая задача: подавить зенитные средства противника, обеспечить работу товарищей.

- "Вьюга тридцать один", видишь? - спрашивает Захаров.

- Вижу! - коротко отвечает Тамара и направляет машину туда, откуда летят шары "эрликонов". Со скрежетом вырвавшись из-под крыла, туда устремляется пара реактивных снарядов.

Зенитная точка подавлена, но уже действует новая. Там, откуда Захаров начал пикировать, появились дымные шапки разрывов. Их все больше и больше. Фашисты ставят заградительную стену огня, но с опозданием.

Пять самолетов замкнули круг, и Тамара осталась одна, в стороне от общего боевого порядка. Окинув взглядом район штурмовки, она вводит машину в пикирование, направляет ее на вспышки огня у пруда. Эту зенитку она подавит в первую очередь. Справа по ней бьет "эрликон". Заградительным бьет, с упреждением. Снаряды проходят чуть-чуть впереди и ниже. Вот она нажимает на кнопку электросброса. Там, где стоит орудие, взрывается бомба, вместе с огнем взлетает фонтан серой земли.

Пикируя, Тамара заранее прикинула порядок захода на "эрликон". "Загодя", как говорил Мачнев. "Думай всегда с упреждением", - наставлял он Тамару.

Бомбой она подавила и вторую зенитку. Выходя из атаки, немного прошла по прямой, развернулась на обратный курс, спикировала на "эрликон" и подавила его парой эрэсов.

- "Вьюга тридцать один", спасибо! - благодарит ее командир эскадрильи.- Сработала отлично. Пристраивайся.

Пока Тамара подавляла огонь зенитных установок, группа Захарова сделала четыре захода на цель. Но на этом работа не закончилась. Согласно заданию, над целью надо пробыть тридцать минут, до подхода следующей группы. Следующая, вторая, над нею пробудет тоже тридцать минут. Надо, как говорил командующий 3-м Белорусским фронтом генерал Иван Данилович Черняховский на постановке задачи командирам летных частей и подразделений, быть над врагом постоянно, не давать ему поднять головы, подавлять его огнем и морально. "Еще пятнадцать минут, четыре захода, - думает Тамара.Надо экономно расходовать боеприпасы".

В самом деле, орудие уничтожить не просто, для этого нужно прямое попадание бомбы или эрэса. Поэтому и ставится задача не уничтожить, а подавить. Хотя бы на время, пока работает группа штурмовиков.

- "Вьюга одиннадцать", работу закончить! - командует полковник Хатминский, - на подходе вторая группа.

Задание выполнено. Захаров берет курс на свою территорию, круг размыкается, летчики один за другим догоняют ведущего, снова строятся в пеленг.

...При подходе к аэродрому получают команду по радио:

- Форсировать подготовку машин к следующему вылету.

А время идет, с количеством боевых вылетов растет мастерство Константиновой. Она уже не только хороший летчик-штурмовик, она и зрелый разведчик. А разведка - дело чрезвычайно ответственное. Бывает, разведчика ждет целый полк, готовый взлетать по первой команде. Команду на взлет может дать и лично разведчик. И даст ее прямо с воздуха, из полета, по радио. Так и скажет: "Поднимайтесь. Место встречи над пунктом..." Встретив полк в указанном месте, разведчик встает во главе боевого порядка полка и ведет его к цели.

Сначала, в прежнем полку, Тамара сопровождала капитана Обелова, когда он летал на разведку переднего края. Потом выполняла разведку самостоятельно. Охраняемая товарищами, фотографировала мотоколонны на дорогах, железнодорожные составы на станциях и перегонах, передний край обороны противника. То же самое здесь, в новом, 999-м полку. И самостоятельно, и в качестве прикрывающего. Вначале с капитаном Ивановым, теперь - с Захаровым. И недалеко то время,

когда их пара появится над Кенигсбергом, городом-крепостью, цитаделью прусского милитаризма. Они будут фотографировать укрепления, и по их данным полки дивизии Хатминского будут ходить на штурмовку и бомбардировку этих укреплений. Потом, спустя много лет после войны, пионеры советского Калининграда, бывшего прусского Кенигсберга, сообщат Тамаре интересную и трогательную для нее весть: в одном из бункеров, ныне ставшем музеем боевой славы, будут написаны фамилии летчиков, особо отличившихся в боях за город, и среди них - имена Героев Советского Союза Евгения Иванова, Льва Захарова и ее, Тамары Константиновой.

Логово врага... Захаров, Константинова, Коротков увидели Восточную Пруссию раньше пехотинцев, танкистов, артиллеристов, раньше своих механиков, техников. Возвращаясь с боевого задания, Тамара рассказывает, как выглядит с воздуха вражеская земля. Конечно, главным образом она отмечает то, что представляет интерес для нее, летчика. Очень много дорог железных, шоссейных, улучшенных грунтовых. Смотреть с воздуха - паутина! Но в ней легко разобраться, и это облегчает детальную ориентировку, а летчику-штурмовику это и нужно, для него это главное.

Населенные пункты тоже имеют особенность. Их очень много. Они так часты, что вся Восточная Пруссия кажется одним большим населенным пунктом. Располагаются они вдоль дорог, и сама дорога является улицей. Крыши домов красная черепица.

И реки не как у нас. Наши, российские, осокой, будто зеленым бархатом, оправлены, а немецкие окованы камнем. Подравненные на изгибах, сверху кажутся не извилистыми линиями, а ломаными.

- Какая же, товарищ лейтенант, зелень, осока, если зима на дворе? улыбается один из механиков.- Зима, правда, не нашенская, слякотная, но все равно, не лето...

Тамара молчит; улыбается тихо, мечтательно. И все понимают: русский человек, где бы он ни был, всегда видит свое, родное, и если не глазами видит, то сердцем, душой чувствует.

Под вечер свежеет, лужи затягивает хрупким ледком, глинистая земля застывает, и к утру самолеты будто в капкане. Не вытащишь.

Но авиаторы приспосабливаются к любым условиям. Истребительная дивизия Александра Ивановича Покрышкина несет боевую работу, используя в качестве аэродрома кусок Берлинской автострады. Летчики-бомбардировщики Ивана Семеновича Полбина, чтобы облегчить самолет перед трудным взлетом, летают с ограниченным запасом горючего. А полки

штурмовой дивизии Федора Хатминского, взлетев на задание с утра "по морозцу", садятся затем на другую, более приспособленную для работы площадку и летают с нее до вечера, а вечером, опять "по морозцу" возвращаются домой. Техники, чтобы утром не вырубать колеса машин из окаменевшей земли, подмащивают их досками, кирпичом, даже соломой.

Бывают дни, когда летать вообще невозможно.

И в такие дни авиаторы не сидят без дела. Сегодня идет дивизионная летно-тактическая конференция. Тому, что она проводится в дивизионном масштабе, способствует и нелетная погода, и то, что все четыре полка - 566, 943, 999 и 15-й гвардейский собрались на одном аэродроме.

В столовой Тамара встретила старых своих товарищей, однополчан капитана Обелова, старшего лейтенанта Чекина, капитана Мачнева. Встретилась с новыми, пришедшими в полк уже после нее, летчиками Юрием Хухриковым, Виктором Сперанским, Николаем Матвиенко. С новыми, но уже знакомыми ей товарищами. Она познакомилась с ними еще на аэродроме Сабьяны спустя какое-то время после убытия в 999-й авиаполк. Летала в Сабьяны по делу, по распоряжению командира полка. А они, молодые пилоты, только что сдали экзамены, как это положено по прибытии к новому месту службы, только что стали летать. Встретив ее тогда на стоянке, обступили, начали разговор. Их интересовало все, что касалось полетов, боевой работы. И, конечно, им было приятно побеседовать с женщиной-летчиком, о которой столько были наслышаны. Со стоянки они вместе пошли в столовую, вместе обедали.

- Хорошие вам достались ребята, - сказала тогда Тамара, встретив их командира Василия Мыхлика.

- Хорошие, - подтвердил капитан, - только очень наивные.- И пояснил: Боятся, что война скоро закончится, подраться не успеют...

И вот встретились снова. Снова вместе сели за стол. Ребята уже с орденами. Держатся солидно, уверенно. Особенно Хухриков. Он уже водит звено.

- Тогда было вас четверо...- говорит Тамара, пытаясь, вспомнить фамилию: - Где же четвертый?

- Торопов...- помогает ей Хухриков.

- Да, да, Торопов...

Молчание.

Сколько раз Тамара слышала это молчание, сколько раз вот так прерывался разговор о старых знакомых, друзьях. Вот и теперь. Тамаре все ясно, понятно. Молчит, стараясь припомнить того молодого пилота, которого видела только единожды.

- Да, Гена погиб, - подтверждает Юрий Хухриков. И вот они в классе. Как всегда, коротко и ясно выступает полковник Хатминский, обрисовал обстановку на фронте, сказал перспективу предстоящих боев, определил задачи конференции.

Выступает капитан Николай Полагушин, командир эскадрильи гвардейцев, белокурый, невысокого роста. Тамара знает его как отважного летчика.

На конференции присутствует заместитель командира полка истребителей капитан Александров. Летчики с ним знакомы. Возглавляя группы Ла-5, он не раз прикрывал их во время штурмовки. Прикрывал надежно и смело. Теперь он стоит у доски, чертит схему боевого порядка атакующих штурмовиков и прикрывающих истребителей. Как и обычно, штурмовики ходят над целью в боевом порядке "левый круг самолетов". А истребители?

- Внешне, если посмотреть на схему, все остается вроде по-прежнему, говорит капитан Александров.- Но это лишь внешне. Раньше, прикрывая вас во время штурмовки, мы ходили над вами тем же курсом, что и вы. И если кому-то из вас в хвост заходил истребитель противника, мы атаковали его сверху сзади. Теперь все будет иначе. Мы будем ходить на встречных курсах. Это позволит нам отгонять "мессершмиттов" от ваших хвостов, а вам - от наших. И бить мы их будем не в хвост, как прежде, а в лоб. Это понятно, товарищи?

- Вполне, - отвечает после некоторого раздумья капитан Захаров.Непонятно только одно: зачем понадобилось, чтобы мы, штурмовики, прикрывали вас, истребителей?

- Этот вопрос я хотел услышать, - улыбается Александров.- Отвечаю: чтобы мы, истребители, одновременно с вами тоже могли штурмовать наземную цель.

- Еще вопрос! - Это уже Тамара.- Чтобы истребители и штурмовики, выполняя общую задачу, не мешали друг другу, вполне очевидно, истребители должны ходить по большему кругу. Так, я полагаю?

- Именно так, - подтверждает капитан Александров, - штурмовики должны находиться внутри круга истребителей.

Предложение Александрова ново, думает Тамара, оригинально и вполне соответствует духу времени: все должно быть нацелено на разгром врага, и от этого только польза, если и истребители, не теряя времени дарома будут штурмовать наземные цели. Понятно, конечно, что сбить истребитель противника на встречном курсе труднее, чем на попутном: не успеешь прицелиться, но сбить - это не главное. Глазное - сорвать атаку, обезопасить нас, штурмовиков, дать нам возможность

выполнить боевое задание. Молодцы истребители! Вот что значит иметь хороший боевой опыт, творчески мыслить, искать новое в тактике! Кто же придумал этот новый тактический прием? Александров, наверное. Раз не назвал автора, значит, сам и есть автор.

- Прием проверен в бою? - спрашивает Тамара.

- Пока еще нет, - отвечает Александров.- Но рассчитан в нескольких вариантах...

- Расчеты проверены, - подтверждает полковник Хатминский, - вражеский истребитель может быть атакован в любой точке боевого порядка. Причем не одним нашим истребителем, а последовательно каждым, идущим ему навстречу. Естественно, истребители будут штурмовать наземные цели только тогда, когда нет вражеских истребителей, но если они появились, то им все внимание, им весь огонь...

Выступают летчики, делятся опытом. И молодые, чтобы проверить себя, и зрелые, чтобы других научить. Выступает Григорий Паршин - начальник воздушно-стрелковой службы 943-го штурмового полка, выступает Петр Голодняк, заменивший командира полка Зеленцова, выступает Тамара...

Над крышами фольварков

Весна. Ее дыхание во всем, и прежде всего, в неустойчивой - то солнечной, то пасмурной - погоде. Неожиданно налетают снежные заряды и так же неожиданно проходят. Тамара зашла на метеостанцию, посмотрела сводку погоды. Высота облаков по шаропилотным данным - шестьсот метров, видимость ограниченная, в воздухе вот уже несколько дней стоит довольно плотная дымка.

- Тем лучше, - говорит Тамара лейтенанту Короткову, - больше гарантии, что истребители противника нам не помешают.

Константиновой и Короткову предстоит полет на разведку. Им надо обследовать район юго-восточнее населенного пункта Шёнлинде, выявить места сосредоточения живой силы и техники противника, наличие эшелонов на станциях и перегонах, направление движения войск по шоссейным дорогам.

- Кроме того, - сказал командир полка, - посмотри, нет ли в этом районе вражеского аэродрома. По всем данным, здесь он должен быть, но пока что не обнаружен.

- Будь, Евгений, повнимательнее, - говорит Тамара Короткову, - следи за воздухом. Задание у нас большое и сложное, столько всего надо увидеть и выявить! Я буду смотреть только на землю, ориентировку вести и цели искать, твоя задача - бдительность. Чтобы мы не попали под внезапный удар истребителей. При встрече с ними - доклад немедленный и немедленный уход в

облака. Парой. Строй поэтому - сомкнутый...

- Ясно, товарищ командир! - неспешно, но четко отвечает Коротков.

...Высота пятьсот пятьдесят метров. На этой высоте они и пойдут вблизи нижней кромки рваной, неровной облачности. Выше уже нельзя, выше ухудшается видимость и земля просматривается слабо. Ниже тоже нельзя - не успеешь нырнуть в облака в случае встречи с истребителями противника.

Разведчики идут над вражеской территорией. Твердой, стабильной, резко выраженной линии фронта не существует. Враг отступает. Чтобы не подвергаться обстрелу, уменьшить вероятность обнаружения своих самолетов наземными постами воздушного наблюдения противника, летчики идут в стороне от шоссейных и железных дорог, обходят населенные пункты.

Весна, снег начинает сходить. Местами видны большие проталины. В поймах рек и низинах белой ватой плотно лежит туман. Местами, по мере прогрева земли, туман уже поднимается, набухая, плывет клубами белого пуха. Тамара смотрит вперед. Лесисто-болотистая местность постепенно сменилась равнинной, открытой. Здесь надо быть начеку, здесь можно попасть под огонь. Только подумала, как впереди справа воздух всколыхнули разрывы снарядов зениток. Тамара командует:

- Переходим в пике!

Это лучший метод ухода от поражения. Но Тамара не только уходит от снарядов зениток, она зорко следит за землей. На дороге и в перелеске видит автомашины, танки и тягачи. Вот она, "пропавшая" колонна противника. Замаскировалась, укрылась в лесу.

Сложное дело колонну найти. Немцы, пока их не увидишь, таятся, огонь не открывают. Надеются: вдруг разведчик мимо пройдет, не обнаружит. Но если они поняли, что их обнаружили, тогда берегись. Все сделают, чтобы ты не ушел, не донес до своих результаты разведки.

Так было всегда. Так, обучая Тамару искусству разведки, рассказывал Лев Обелов. Но ныне фашист не тот, что был раньше, фашист пошел иной слабонервный, невыдержанный. Тамара еще и не видела эту колонну, но немцы уже открыли огонь. И тем самым себя обнаружили. Ну что ж, тем хуже для них. А для разведчиков лучше. Они сделали то, что нужно, колонну нашли. Но это еще не все, разведчики должны ее обстрелять, нанести ей какой-то ущерб, показать, что она обнаружена, вызвать в стане фашистов беспокойство и панику.

Выбрав наиболее подходящую цель - бензоцистерну, Тамара довернула на нее самолет, подвела перекрестье прицела. Легкий

нажим на гашетку, и дымные трассы снарядов круто метнулись к земле. Увидев полыхнувший огонь, Тамара потянула самолет к горизонту, положила в боевой разворот, осмотрелась. Солдаты разбегались в разные стороны. Огненный смерч, раскидавший цистерну с горючим, охватил стоящие здесь же другие машины, они запылали, черный бензиновый дым поднялся к небу.

Встав на прежний курс, Тамара спросила стрелка:

- Ну что там, Шурочка, сзади?

- Машины, по которым били, горят. В воздухе чисто, - отвечает стрелок Мукосеева.

То, что в воздухе нет "мессеров", - это самое главное, это и надо знать командиру, и Шуре это понятно. Но не может она промолчать, не может не порадоваться, что удар, нанесенный их экипажем, удачен, поэтому и говорит об этом в первую очередь.

Тамара берет планшет, отмечает на карте место колонны, пишет нужные цифры: 60-70. Число обнаруженных здесь машин. Все остальное должно быть зафиксировано памятью и расшифровано уже на земле, при докладе командиру полка.

Теперь курс на ближайшую железнодорожную станцию. Там зенитный огонь неминуем. Станции, находящиеся на них эшелоны немцы прикрывают всегда. И Тамара, здраво оценив обстоятельства - мало ли что может случиться, нажимает на кнопку радиосвязи и условным, ранее установленным кодом, передает данные об уже обнаруженной и атакованной цели.

Трудное дело - разведка... Надо не просто смотреть на местность, надо искать и находить, оценивать найденное в условиях быстро меняющейся обстановки, мгновенно принимать решения и быстро действовать. Для этого надо иметь опыт, знания, обладать силой воли.

Под крыло уходят дороги, каналы, населенные пункты, окруженные садами большие дома с яркими черепичными крышами.

Впереди показалась водонапорная башня, крыши высоких строений пристанционный поселок. Еще минута полета - и глазам открылась панорама железнодорожной станции, плотно забитой эшелонами. Восемь эшелонов, сгруппировавшихся на основных и запасных путях. Дымят два паровоза.

- Бьем эрэсами! - предупреждает Тамара ведомого и тут же стрелка: Шура, смотри за воздухом.

Направив машину к земле, оглянулась вправо назад: ведомый на месте. Нажала на кнопку фотоаппарата - пленка должна зафиксировать все: количество эшелонов, расположение их на путях, место относительно станции. Это потребуется для бомбардировщиков и штурмовиков. Возможно, они поднимутся

сразу, не дожидаясь прилета Тамары, поднимутся после ее доклада с воздуха, после короткой зашифрованной радиограммы. Скорее всего, так и будет, и тогда пленка станет просто отчетом, подтверждением выполненного задания.

По эшелонам, когда их так много, можно бить не прицеливаясь- не промахнешься, но Тамара всегда старается выбрать наиболее подходящую, наиболее уязвимую цель. В одном из эшелонов она видит несколько бензоцистерн, на них и направляет машину. Ведомому не подсказывает, знает, что он сделает то же самое. Не зря же, переняв опыт Обелова, Чекина, Мачнева, она не раз говорила об этом с Коротковым.

Тамара нажимает на кнопку электросброса. Сорвавшись с направляющих балок, пара эрэсов, будто пара комет, устремилась на цель. Виден их яркий огненный след. Удаляясь, он блекнет, тускнеет и вдруг, когда вот-вот погаснет совсем, разражается взрывами. Огненный вихрь, смешавшись с черным бензиновым дымом, вздымается вверх багровым столбом.

Не меняя курса, разведчики несутся вперед, к эшелонам. Здесь, где полыхает пожар, безопаснее. Здесь уже не обстреляют. Фашистам здесь не до этого. Они знают, что штурмовики, как правило, одним заходом не ограничиваются, и надо, пока есть возможность, спасаться. "А может, и в самом деле ударить еще", - думает Тамара, разгоряченная удачной атакой, но сразу же оставляет эту мысль. Нельзя. Фашисты ошеломлены, но это сейчас пройдет. Они задействуют все огневые средства, они сделают все, чтобы пара разведчиков не вернулась на свою базу, не доложила об увиденном, обнаруженном. Кроме того, эта станция - не последний объект разведки. Надо обследовать еще две станции, посмотреть шоссейные дороги, разыскать фашистский аэродром. Для него также надо оставить какую-то часть боекомплекта.

Вот только зря она не сбросила бомбы при ударе по мотоколонне. Бомбы снаряжены взрывателями мгновенного действия, и высота, с которой их надо сбрасывать, - четыреста метров как минимум. А облачность, чем дальше на запад, тем ниже и ниже. Теперь уже триста. Сбросить с такой высоты, значит, подвергнуть свои экипажи огромному риску. Взрывная волна может разрушить машину. И надежды на улучшение погоды, как видится, нет. Больше того, она ухудшается.

Не меньший риск - привезти бомбы обратно. Они могут взорваться при грубой посадке. Константинова - опытный летчик, и плохая посадка случайность. Тоже можно сказать о Короткове. Но для удара по мотоколонне они прорывались сквозь зенитный огонь, покрышки колес могут оказаться разбитыми, и грубой

посадки, а может, даже поломки машины не избежишь.

Полет продолжается. То идя бреющим, то делая гигантские прыжки - от земли до трехсот метров. Тамара выскакивает на шоссейные дороги, железнодорожные станции, фиксирует движение мотоколонн, эшелонов, штурмует их, снимает на пленку, дает на КП радиограммы.

Осталось разведать последнее - аэродром, а если точнее - полевую площадку, ибо аэродромы настоящие, стационарные, все давно обнаружены, все на учете, а площадку еще надо найти и сделать это не просто. Еще на земле до взлета Тамара вместе с лейтенантом Коротковым просмотрела карту этого района, оценила рельеф, определила наиболее вероятные места площадок, пригодных для авиации. И вот эти места - их три, - и надо теперь посмотреть, построив маршрут полета так, чтобы меньше было изломов, меньше тратилось времени. Ибо время теперь играет не на разведчиков. Появляясь внезапно в разных местах, нанося неожиданные штурмовые удары, они, безусловно, всполошили в этом районе всю систему противовоздушной обороны противника, и их теперь ищут истребители, поджидают зенитчики.

Уже давно, начиная с боев под Нарвой, немецкие радиопосты неожиданно услышали женский голос, единственный среди мужских голосов, находящихся в воздухе. Вначале голос был тихий, не очень уверенный. Потом с течением времени он постепенно окреп. Потом в нем появились командные нотки, а лексикон расширился. От обычных информаций-докладов "вас вижу", "вас поняла", "выполняю" появились команды: "атака", "повторяем заход", "работу закончить! Сбор..." Сопоставляя эти команды с временем и местом ударов штурмовиков, немцы определили, что женщина-командир летает на "черной смерти". Немецкие радионаводчики стали за ней охотиться, стали предупреждать своих истребителей: "Русская фрау в воздухе!", "Русская фрау ушла за линию фронта,.."

Зачем это нужно фашистским наводчикам и летчикам-истребителям, сказать трудно. Другое дело, была бы Тамара летчиком-истребителем, асом, представляющим особую опасность для немецких бомбардировщиков и разведчиков. Но ведь она штурмовик. И ничем особенно не отличается от своих боевых товарищей. Но наши офицеры, находившиеся на постах радиообнаружения и наведения, нередко перехватывают информации немецких наводчиков и, обеспокоенные, докладывают об этом командованию. Может, немцы специально за нею охотятся? Может, это заманчиво, сбить или, еще лучше, пленить единственную на фронте женщину, летающую на

штурмовике. Какая она? Что из себя представляет? Что ее побудило летать, воевать на таком самолете, как Ил-2? Обо всем этом Тамара прослышала, и в известной мере это ее стало настораживать.

Высота полета около трехсот метров, выше уже нельзя, не пускает облачность. Курс двести восемьдесят. Пересекли железную дорогу, шоссейную, прошли над лесом. Вот она, первая площадка. Небольшой лужок, рядом речушка. Место открытое, ровное. Площадка пуста. Ни самолетов на ней, ни строений, ни позиций зениток. Пусто. Курс триста шестьдесят. Жаль, что очень мала высота. С такой ничего не увидишь, очень ограничен обзор. Но Тамара снижается еще метров на тридцать. Обзор ограничен, но видимость лучше, не мешает размытая, неровная кромка облачности. Под крыло уходят населенные пункты, дороги, поля. Проходит пять минут, скоро должна быть площадка. Но ее почему-то не видно. Где же она?

И вдруг... Яркие разноцветные трассы снарядов "зрликонов" хлестнули слева, прошив пространство рядом с крылом и чуть впереди мотора. Почти инстинктивно Тамара рванулась влево, мгновенно изменив высоту и курс самолета.

И сразу же мысль: немцы стреляют не зря, не случайно. Что-то здесь охраняют, и наверняка важное.

Взгляд вправо: овраг, лес, близ леса проходит дорога, от нее ответвление влево, сюда, под крыло ее самолета. Мелькает догадка. Тамара кладет самолет на крыло, смотрит вниз. Точно! Вот они, бомбардировщики! Будто большие темные птицы, распластались "юнкерсы", "хейнкели". Две стоянки крылатых машин. Одна против другой. Но самолеты стоят не плотно, рассредоточены в шахматном порядке и закрыты маскировочными сетями. Получилось, что, сами того не заметив, разведчики оказались над центром аэродрома, под ударом зенитного огня. Уходить надо немедленно.

- Держись! Пикируем!..

Тамара, резко снижаясь, идет с разворотом вправо на лес. Коротков на месте - сзади справа. Огненные трассы сопровождают их почти до верхушек сосен. Две-три минуты полета с курсом на север, две-три минуты раздумий: на оценку обстановки, выбор способа бомбоудара, принятие решения.

- Разворот!..

Курс на аэродром. Тамаре надо осуществить свое решение, осуществить тот дерзкий план, который созрел у нее при уходе от внезапно обнаруженного аэродрома. Несмотря на низкую облачность, она будет бомбить самолеты противника. Но как бомбить? Каким способом?

Тамара решила бомбить неприемлемым и едва ли когда применяемым способом. Способом, не гарантирующим точность удара - с виража. Не с пикирования, не с горизонтального полета, а с виража, с крутого разворота. Такого способа нет, о нем не упоминается ни в учебниках, ни даже в разговорах между летчиками. Но Тамара об этом способе думала.

Тамара мысленно представляет динамику бомбоудара. Она выйдет на северо-западную часть аэродрома, на которой расположены самолеты. Они занимают всю часть, всю эту площадь. Не дойдя до границы аэродрома, она положит машину в левый вираж, создаст перегрузку.

По ее приближенным расчетам, кнопку электросброса надо нажать в тот момент, когда крен станет максимальным, а перегрузка, следовательно, наивысшей. От перегрузки возникнет огромная центробежная сила, она и бросит бомбы в сторону цели, заставит их какое-то время лететь по горизонту. Потом под силой собственного веса они пойдут со снижением и упадут где-то в середине стоянки. Но к этому времени, то есть к моменту их взрыва, самолет уйдет далеко, и взрывная волна его не настигнет.

Значит, главное здесь - своевременно начать разворот, Начнешь его раньше - бомбы не дойдут до стоянки, начнешь позже - уйдут за нее. И еще надо плавно увеличивать крен самолета, плавно доводить перегрузку до максимальной.

Но поймет ли ее ведомый? О бомбоударе он, конечно, не думает. Он думает, что Тамара идет к аэродрому затем, чтобы уточнить расположение самолетов, запомнить характерные ориентиры, по которым можно будет найти обнаруженную полевую площадку, и, если нанести удар, то, конечно, не бомбовый, а пулеметно-пушечный.

- Женя, будем бомбить, - говорит Тамара Короткову.

Евгений удивлен, но не обескуражен. Спрашивает:

- А как? Из-за облаков?

Из-за облаков бомбить, конечно, можно, но при условии, если облачность не сплошная, а с "окнами", сквозь которые видна земля. Но сейчас облачность плотная, без единого разрыва, и неизвестно, какова высота ее верхней кромки.

- Нет, - отвечает Тамара, - бомбить с виража.

Коротков молчит, осмысливает.

- Дистанция сто метров. По команде пойдешь в разворот, по команде сбросишь бомбы. Стоянку видишь? Приготовиться к развороту.

Коротков молчит. Проходит секунда, вторая, третья...

И вдруг радостное:

- Понял! Командир, понял!

Стоянка приближается. Зенитки молчат. Немцы не предполагают, что пара разведчиков, благополучно уйдя от огня, может возвратиться. Но они возвратились. До стоянки осталось метров семьсот - восемьсот.

- Разворот! - командует Тамара.

Увеличивая крен, добавляет обороты мотору, выводит его на полную мощность, с силой тянет ручку управления. Мотор гудит, перегрузка давит на плечи, вжимает в сиденье, припаяла ноги к педалям. Трудно дышать. Нос самолета несется по горизонту. Стоянку уже не видно - она закрыта крылом, но Тамара видит дорогу, которая проходит севернее аэродрома. Она параллельна стоянке. Самолет находится между стоянкой и этой дорогой. Сейчас он подходит к той точке разворота, из которой прямая полета бомб пойдет перпендикулярно стоянке.

- Приготовиться! - Проходит секунда, вторая, третья. Пора! Тамара нажимает на кнопку электросброса, дает команду ведомому: - Бросай!..

Еще несколько секунд, и вывод из разворота. Аэродром позади. Ведомый на месте, сзади справа, Докладывает; все у него нормально, бомбы сбросил, как и было приказано - по команде.

А что со стрелком? Почему молчит Мукосеева? Жива ли? Шура оказалась живой и здоровой, но страху натерпелась изрядно. Тамара не предупредила ее о своем замысле, и Шура, когда они приближались к аэродрому, следила лишь за воздушным пространством, была в готовности к отражению атак истребителей. Резкий маневр и невиданной силы перегрузка сбросили ее с подвесного сиденья на пол кабины. Ни жива, ни мертва, не в силах пошевелиться, она ожидала удара о землю. Она думала, что их сбили зенитки, что самолет несется к земле.

- Шура, ты чего-нибудь видишь! Что там на аэродроме? - спрашивает Тамара.

- Вижу. Три очага пожара. А что горит, сказать не могу. Можно только предполагать, самолеты или бензозаправщики. Дым у них одинаковый, черный...

- Спасибо, Шура, спасибо! - кричит Тамара и, развернув самолет в сторону своей территории, нажимает на кнопку радиосвязи, условным кодом передает данные об аэродроме противника.

Завершающие удары

Нелегок путь к победе. 18 февраля 1945 года погиб командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. Иван Данилович погиб на посту, погиб, не успев завершить задачу, поставленную перед войсками фронта: ликвидировать крупную группировку противника -

хейльсбергскую, сосредоточенную южнее Кенигсберга. Враг чувствовал уже свою обреченность. Но тут весна помешала: испортились дороги, вышли из строя аэродромы.

13 марта после тщательной подготовки войска фронта возобновили боевые действия по ликвидации группировки. Противник сопротивляется яростно, но наши войска упорно жмут его к берегу Балтики. Прижать, рассечь группировку на части и уничтожить - такова задача.

Огромная роль в этом принадлежит авиаторам. Совершая систематические полеты на объекты тыла противника, советская авиация нарушает его коммуникации, энергосистему, сжигает склады боепитания, уничтожает военную технику, нарушает железнодорожные перевозки.

Одновременно с налетами небольших групп самолетов

советское командование начинает планировать и массированные налеты. По масштабу это уже не тактические, совершаемые в интересах одной наземной дивизии, а оперативно-тактические, совершаемые в интересах целого фронта, 3-го Белорусского, который возглавляет теперь Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, заменивший генерала армии Черняховского. Задачу участвовать в массированном налете получила и 277-я дивизия, получили ее полки, в том числе 999-й. О характере боевых действий летчикам накануне не сообщили, чтобы сохранить тайну замысла и не будоражить понапрасну людей.

- Уложите людей пораньше спать, - распорядился Хатминский, поставив боевую задачу командирам полков.- Хороший отдых - лучшая подготовка к работе, полетам.

В самом деле, какая разница летчикам, как они полетят, полком или дивизией, все равно они будут идти в составе своих эскадрилий. И если в воздухе будет дымка, увидят только свой полк. Конечно, зная о том, что идут в составе армады, они будут чувствовать силу, уверенность, моральную приподнятость, гордость... Но о том, что они летят не одни, можно сказать и утром, непосредственно перед полетом. Важность сказанного от этого не уменьшится, скорее, наоборот, увеличится. Такая новость перед полетом послужит дополнительным зарядом энергии, вызовет прилив сил.

Спать легли рано, сразу же после ужина, и рано поднялись. После завтрака собрались в штабе полка. Развернули полетные карты.

- Полетим на Инстенбург, - говорит командир полка, - предстоит штурмовка живой силы и техники. Цель расположена близ южной окраины города. Очень много зениток, это

подтвердила вчерашняя воздушная разведка. Но мы пойдем напрямую, никаких обманных маневров...

Летчики глядят удивленно. Тамара пожимает плечами.

Это же главное, обмануть зенитчиков. Обмануть, нагрянуть внезапно, ошеломить врага первым ударом - основа успеха. Потом расправляйся с ним беспрепятственно.

- Да, никаких обманных маневров, - повторяет подполковник Голодняк.Мы идем напрямую. Особенность сегодняшнего боевого задания - удар большими силами. Налет будет массированным! На врага пойдет чуть ли не вся воздушная армия. Впереди - две дивизии бомбардировщиков, затем штурмовые: 1-я гвардейская генерала Пруткова, наша, 277-я, дивизия полковника Шевченко... Полки взлетят с аэродромов Сабьяны, Керелян, Цургайтшен, Вормдит, Витенберг. Сбор в общую колонну над автострадой, проходящей через Сабьяны. Высота полета дивизий различна: от тысячи до двух тысяч метров. Мы пойдем на высоте полторы тысячи. Боевой порядок дивизии - колонна полков. Боевой порядок полков - колонна эскадрилий. Эскадрильи идут в клину звеньев. Дивизию поведет полковник Хатминский, наш полк идет замыкающим. Порядок штурмовки: удар с ходу сначала эрэсами, затем, при подходе к цели вплотную, - бомбами. И все, задача выполнена, отход от цели влево со снижением, чтобы освободить место для группы, идущей сзади. Взлет по сигналу с командного пункта. При подходе к линии фронта всем слушать указания по радио с земли. Нас могут перенацелить, предупредить о появлении вражеских истребителей...

Боевая задача поставлена.

- Какие будут вопросы? - спрашивает командир полка.- Кому что непонятно? Кажется, вам, Константинова? Такое впечатление, что вы все время что-то хотели спросить. Может, это мне показалось?

Немного смутившись - ведь только к ней командир обратился с вопросом, - Тамара встает, отвечает:

- Нет, вы не ошиблись. Только я хотела не спросить, а сказать...

- Что именно?

- Почетна задача - идти во главе всего боевого порядка, но идти напрямую, в огонь... Честно скажу: не завидую тем, кто пойдет в качестве флагмана.

Тамара имеет в виду первую, ведущую, эскадрилью дивизии, которая пойдет во главе всего боевого порядка. Конечно, весь огонь падет на нее. От вражеских истребителей ее защитят свои истребители, но кто защитит от зениток? Путь от линии фронта до цели около сорока километров, это десять минут полета, и в

течение этих десяти минут по самолетам будут стрелять непрерывно, а в районе цели надо ждать ураганного огня.

- Вот что значит привычка летать малыми группами, когда надо таиться, хитрить и обманывать, - говорит командир полка.- И верно, при действиях малыми группами это и нужно. Зачем же лезть на рожон? Но армаду в несколько сотен самолетов не спрячешь, от вражеских глаз не укроешь. Да и надо ли это?

И Тамаре становится ясно: не надо. Напротив, надо ее демонстрировать. Надо подавить врага огромной своей численностью, подавить морально, психологически, лишить его способности к сопротивлению и добить силой оружия, эрэсами, бомбами, огнем бортовой артиллерии. В этом и суть массированных налетов.

И вот они в воздухе. Взлетели быстро, организованно, пара за парой. Собрались на кругу. Встав на курс к месту общего сбора, Тамара видит самолеты 566-го полка. Они идут впереди, несколько выше и на фоне мглистой дымки просматриваются тремя плотными группами. С поднятием на высоту дымка становится реже, небо светлее, строй впереди идущих машин виднеется лучше, четче.

Проходит какое-то время, и впереди показались другие полки. Одни несколько выше, другие пониже. Сзади, настигая штурмовиков, появились самолеты Пе-2. Соблюдая грозный, монолитный порядок, они быстро проплыли над строем. Эскадрилья за эскадрильей, полк за полком. Их место - впереди боевого порядка.

Сзади, на востоке, поднимается солнце. Его золотые лучи бьют по самолетам. Они сверкают, горят, и Тамара видит их вестниками света, идущими в сторону темного, мрачного запада. Самолетов так много, что сверкает все небо, и дымный вьющийся след эскадрилий, горящий темно-багровым огнем, закрывает весь небосвод. И Тамаре вспоминается митинг, проведенный сегодня прямо у самолетов, перед развернутым Знаменем части. Выступал заместитель командира полка по политической части.

- Дорогие друзья! Крылатые богатыри! - говорил подполковник Андросов.Сегодня знаменательный день, мы совершаем массированный налет на врага. Подобные по характеру полеты мы совершали и раньше, но такое огромное количество самолетов поднимаем впервые. Такое количество, о котором немцы мечтали в течение всей войны. Мечтали и пытались поднять под Москвой, Сталинградом, Ленинградом, на Кубани, Курской дуге. Пытались, но так и не подняли. Потому что их самолетный парк постепенно, но неуклонно таял, уменьшался. А у нас, напротив, рос, увеличивался, улучшался качественно. И

это благодаря тому, что у конвейеров, создающих крылатые машины, стояли советские люди, а у руководства страной - коммунисты, ленинский Центральный Комитет...

Миновали линию фронта, и в небе заклубились разрывы зенитных снарядов. Тамара подумала о Хатминском, ведущем дивизионной колонны, представила себя на его месте и поняла, как ему сейчас трудно, какую ему надо иметь силу воли и выдержку.

Снаряды рвались впереди, невдалеке от его самолета, но он не мог маневрировать, ибо каждый маневр его самолета, связанный с изменением высоты, скорости, курса с быстротой цепной реакции передастся на всю колонну, разбросает ее по сторонам и высотам, превратит боевой порядок в хаотичную, легко уязвимую массу машин. Это самое страшное, что может случиться в воздухе, если инстинкт самосохранения хотя бы на мгновение одержит верх над силой воли ведущего.

Рядом с Тамарой идет летчик Руденко. Он недавно прибыл из авиашколы, недавно начал ходить на задания. Даже сквозь стекло фонаря Тамара видит его юношеский румянец, его задорную улыбку. Вместе с Руденко в полк прибыл его однокашник летчик Коротченков. Программу в авиашколе они прошли за несколько месяцев. "Мальчишки, совсем мальчишки", - тепло и обеспокоенно думает Тамара.- Как-то сложится их судьба? Осталось немного, война подходит к концу, но погибнуть можно и в самый последний момент. Им бы еще учиться, а не воевать. Но они думают лишь об одном - успеть полетать, повоевать, и ей понятны их бесшабашная лихость, задор, презрение к опасности.

Будто воочию Тамара вновь видит Хатминского, думает: "Какая же на нем лежит ответственность за каждое принятое решение на земле, за каждый маневр в воздухе, если цена ошибки - жизнь вот этих ребят!"

Когда молодые пилоты прибыли в полк, Тамара "провела с ними беседу" так говорят, когда дают поручение. Такое поручение как комсомолке дал ей комсорг полка Михаил Разиньков. Командир эскадрильи Захаров сказал проще: "Поговори с ними, поучи уму-разуму". Тамара говорила о многом, что касается полетов на боевое задание, в том числе о противозенитном маневре.

- Вы не бойтесь разрывов снарядов, - наставляла она ребят, подражая невольно Мачневу.- Уж коли ты видишь дымное облачко, значит, ты жив, значит, снаряд свое отработал. Что надо делать дальше? Подвернуть самолет к разрыву. Потому что по теории вероятности, которую вы изучали в авиашколе, второй снаряд в это же самое место не попадает.

- А надо ли маневрировать до того, как начнут бить зенитки, начнут рваться снаряды? - спрашивал летчик Коротченков.

Тамара поняла смысл вопроса: не окажется ли роковым первый снаряд зенитки? И нельзя ли его упредить? И пояснила:

- Беспокойство знакомое, и если вы хотите начать маневрировать сразу же после линии фронта, то изменение курса, скорости и высоты при маневре должны быть незначительными. Иначе вы собьетесь с линии заданного пути. А вообще, я не знаю случая, чтобы цель поражалась первым же выстрелом. Первые снаряды - это пристрелочные. Только потом огонь ведется на поражение.

Рассказывая, Тамара наблюдала за летчиками, стараясь увидеть, понять, как они воспринимают ее рассказ. И видела, чувствовала, как, перенимая ее опыт, каждый из них наполняется бодростью, силой, готовностью встретить любую опасность, как довольны они, как горды, сознавая свою причастность к боевым делам своих эскадрилий, своих боевых коллективов, ко всему, что их окружает и составляет теперь главную цель и смысл их жизни.

Тамара внимательно наблюдает за воздухом - здесь, за линией фронта, в любую минуту могут появиться вражеские истребители.

- Командир, почему-то не бьют зенитки, - беспокоится воздушный стрелок.

Верный признак: если зенитки молчат, значит, где-то рядом истребители. Зенитчики им не мешают, освобождают им поле деятельности как более активному средству борьбы с авиацией. Это закон. И у нас, и у немцев.

Не зря Тамара насторожилась, не зря стрелок забеспокоился. Слева внизу, маскируясь на фоне пестрой задымленной земли, идет пара Ме-109. Следует курсом, параллельным курсу полка. Вот они обошли замыкающую эскадрилью, поравнялись со второй. Понятен их замысел: атаковать ведущего и, скорее всего, командира.

- Обнаружь их, - говорит Тамара стрелку. "Обнаружь" - это значит покажи их своим товарищам.

- Понятно, - отвечает стрелок Мукосеева и посылает в направлении пары гулкую трассирующую очередь. Дымные трассы потянулись и от стрелков ведущей эскадрильи. Фашисты уходят. Раз их обнаружили, делать им больше нечего. Тем более, что от боевого порядка "яков", идущих правее штурмовиков, отделяется пара и переходит на левую сторону строя полка.

* * *

Вот и цель. Первая эскадрилья переходит на снижение, пускает реактивные снаряды. Впечатляющая картина, если

смотреть сзади. Тамара наблюдает одну из машин, ту, что замыкает строй эскадрильи. Она не видит, как летчик нажимает на кнопку, но видит вспышку огня - кажется, что в огне весь самолет. Но это лишь мгновение. А потом из-под крыльев вылетают эрэсы и несутся к земле будто молнии. Несутся пара за парой. Если смотреть сзади сверху, то трассы четырех пар эрэсов кажутся двойной огненной цепью. И таких цепей - восемь. По числу самолетов, идущих в каждой эскадрилье. Шестьдесят четыре эрэса, восемь огненных дорожек-цепей, идущих на цель. Огненный плот, только не плывущий, а летящий, низвергающийся с фантастической скоростью.

Плот удаляется, меркнет его яркость, и вдруг там, внизу, огромная яркая вспышка. Гигантская огневая волна захлестывает огромную площадь и, не уместившись на земле, вздымается к небу. А восьмерка Ил-2 несется теперь в горизонтальном полете, и Тамара знает, что в эту секунду каждый из летчиков, нажав на кнопку электросброса, освобождает машину от бомб. Тамара не видит, как они падают, она ждет новую вспышку огня на земле. И видит серию взрывов, серию огненно-дымных фонтанов... Задача выполнена, восьмерка Ил-2 уходит от цели влево, разворачивается на обратный курс.

К цели подходит восьмерка, в составе которой идет экипаж Константиновой...

И вот полет закончен. Выключив мотор, Тамара откинулась на бронеспинку и, прикрыв глаза, отдыхала, молча, бездумно. Потом неторопливо сняла с головы шлемофон, надела его на ручку управления, все так же не спеша пригладила волосы, достала из нагрудного кармана комбинезона небольшой носовой платок, вытерла мокрое, разгоряченное лицо, шею. Достала из наколенного кармана пилотку, тщательно расправила ее, надела и, застегнув воротник гимнастерки, приподнялась в кабине, легко шагнула на плоскость.

- Ну как, командир? Что видели, кого штурмовали? - спросил механик самолета и сразу вернул ее к бытию деловому, реальному, к жесткой военной повседневности. Но прежде чем что-то ответить, она мысленно вернулась назад, за линию ˆзронта, к Инстенбургу, к городу с красивым звучным названием. Полк точно ударил по скоплению вражеской техники и, несмотря на ураганный огонь зениток, благополучно вышел из боя. И вообще, все сложилось как нельзя лучше: четко, организованно; грамотно.

Так она и рассказывает механику. Подходит моторист, девушка-оружейница. Слушают жадно, внимательно, В этом полете есть и их доля труда, их ум, честь и совесть. В этом и в каждом другом полете. Они выпускали Тамару в воздух,

встречали, готовили ее самолет к повторному вылету, оставаясь на земле, сердцем и думами были с нею в бога. Нередко она приходила домой на разбитом, израненном "иле", думалось, как он поднимется в небо, и поднимется ли вообще, но техник, механик и оружейник уводили его под навес и начинали ремонт. Когда сил и рук не хватало, им помогали товарищи, так же, как и они им помогали. Люди работали днем и ночью, работали на открытых стоянках, в мороз, слякоть. И ни одного вздоха, ни единой жалобы. И высшей наградой для них всегда было командирское спасибо и рассказ о том, "что видели, кого штурмовали".

Полк построен у самолетов. Плечом к плечу стоят летчики, воздушные стрелки, техники, механики, младшие авиационные специалисты: мотористы и оружейники. Стоят, ждут, что скажет им командир авиачасти, какую боевую задачу поставит.

- Товарищи!-говорит подполковник Голодняк.- Завтра летим на Кенигсберг, город-крепость. Налет будет массированным. Это уже не ново, но честь участвовать в завершающих ударах высока. А то, что они завершающие, что наша победа уже близка, в этом никто не сомневается, ни мы, ни немецко-фашистская армия...

"Да, осталось немного, - думает Тамара.- Мы упорно и трудно шли к этой победе. Мы отступали, мы теряли товарищей, близких, но кровь их лилась не напрасно, мы шли от победы к победе, мечтая о самой большой, завершающей, и вот она уже перед нами. Она окрыляет, она позволяет мечтать, она вселяет в сердца большие надежды".

Отцы и дети (Вместо эпилога)

Воронеж, 1978 год. В семье Тамары Федоровны торжество: у Верочки день рождения. Точнее, у Веры Васильевны - ведь ей уже сорок. Но в это не просто поверить: такая она молодая, живая, подвижная. И не сразу поверишь, что взрослая девушка, студентка - дочь Веры Васильевны. Вот вместе они и встречают гостей.

С женой, сыном и дочкой приехал Борис Евгеньевич, сын Тамары Федоровны. Приехала дочь Жанна Евгеньевна, вместе с ней - ее муж, офицер, и две девочки. С женой и сыном приехал Александр Евгеньевич, младший сын Тамары Федоровны. В общем, семья собралась большая, шумная и дружная.

Накрывая столы, женщины делятся новостями, впечатлениями, ожидают мать и отца. Вот и они, Тамара Федоровна и Евгений Семенович. Вера подходит к матери, обнимает ее, целует. "Наконец-то. Что ж вы так долго?" Минута, и Таллара в окружении женщин - дочерей и невесток. Она хочет помочь им, но ей не разрешают, вежливо усаживают в кресло:

- Отдыхай, мамочка...

Да не привыкла она отдыхать. Занялась детворой. Глаза ее светятся лаской, нежностью. Бабушка... Годы есть годы. Но она очень довольна, жизнь сложилась хорошо. Два сына, две дочери, шестеро внуков. Все дороги, все близки ее сердцу. Живут дружно, обеспеченно. Верочка окончила Воронежский университет, факультет эстетики, там же преподает. Этот же университет окончил Борис, он инженер. У Жанны тоже высшее образование, она окончила институт. Младший сын, Александр, инженер-физик, лейтенант, офицер Советской Армии.

Задумалась Тамара, вспоминает. Десятилетия позади, а все было будто недавно, будто вчера. В самом конце войны повстречалась с Евгением. В своем родном 999-м полку, в который он был назначен. До этого служил в другом, но тоже в штурмовом. Летал на Ил-2, воевал. Однажды был сбит, выпрыгнул из горящей машины. Когда спускался на парашюте, фашисты вели по нему огонь, прострелили бедро.

Вместе летали до сорок шестого года, вместе ушли в запас, вместе прибыли в Воронеж, родной город Евгения. Прибыли на пепелище - дом был разрушен немецкими бомбами. Все пришлось строить заново.

Летчик без неба не может, и Тамара пошла работать в ГВФ, летала, возила пассажиров по области. До тех пор, пока не случилась авария. Перегоняли в ремонт два самолета По-2, попали в низкую, до самой земли, облачность. Ведущий зацепился за столб, Тамара за землю. Перелом бедра, ушибы" Напомнили о себе и фронтовые ранения. И дорога в небо была для Тамары навсегда закрыта,

- Жаль, - сказал Евгений, а потом добавил раздумчиво: - А может, это к лучшему, у нас же дети, пора тебе спуститься на землю.

- Пожалуй, - согласилась Тамара, - и учиться нам надо, обоим.

Но учебу пришлось отложить, надо было работать. И Тамара поступила на завод. Была бригадиром. Потом ее избрали председателем заводского комитета профсоюза. В 1954 году она поступила в вечернюю школу, в десятый класс, потом в Воронежскую высшую областную партийную школу.

Как же ей было трудно! Общественная работа, учеба, семья требовали времени, заботы, внимания. Спасибо мужу, Евгению. "С такой семьей, как у нас, вдвоем в люди не выйти, - пошутил он однажды, а добавил уже серьезно: -Ты учись, а я буду тебе помогать". Помогал от души, добросовестно, взвалив на себя все заботы по дому.

После учебы Тамару назначили заместителем заведующего Воронежским отделом социального обеспечения. Такого назначения она не ожидала. "Для этого надо было кончать не партийную школу, а экономический институт", сказала она секретарю обкома партии.

- Верно, - сказал он Тамаре, - но кому же, если не вам, фронтовику, коммунисту, взять на себя заботу о людях, инвалидах войны и труда, осиротевших и больных детях...

Окунувшись в работу, она убедилась: чтобы лучше разбираться в законодательстве, кодексах, экономике и планировании, ей надо продолжить учебу. Евгений одобрил ее решение, лишь пошутил: "А я среднюю школу закончу под старость..."

Она оказалась на редкость упорной, неутомимой, эта высекая светловолосая женщина. Она поступила на заочное отделение Московского планово-экономического института. Окончила его в 1965 году. Сейчас трудно сказать, как это ей удалось. Ведь кроме семьи, работы и учебы, на ее плечах был еще один долг - общественная и военно-патриотическая работа. Единственную в Воронеже и Воронежской области женщину-Героя повсюду хотят слышать и видеть. Она бывает везде: в пионерских и комсомольских организациях, в учебных заведениях и учреждениях, на заводах и предприятиях. Выступает, беседует, вручает награды, участвует в работе различных комиссий...

- Мама! Мамочка! Ну где же ты? - В дверях стоит нарядная улыбающаяся Вера.- Все готово! Просим тебя к столу...

Дом культуры подмосковного города Люберцы. Просторный светлый вестибюль. Стенды, отражающие боевой путь 8-й воздушной армии, вехи ее героической борьбы, славные дела ее воинов. Ветераны Великой Отечественной, Герои Советского Союза прибыли сюда по зову сердца, по приказу своего совета.

И вот они здесь, бывшие летчики и штурманы 25-го гвардейского полка легких ночных бомбардировщиков, друзья-однополчане, летчики Иван Балиашвили, Степан Дудник, Василий Воробьев, Александр Мелешков, Владимир Константинов... Штурманы Иван Лукиянов, Иван Артамонов, Сергей Сорокин. Техник Иван Сысенко. Инженер полка Александр Александрович Федоров. Все они, прибывая в полк в разное время, служили в нем до конца, до победы. Сражались с врагом отважно, самоотверженно, не жалея ни крови, ни самой жизни. Служили Отчизне и в послевоенное время, одни в армии, другие в народном хозяйстве, третьи в оборонном Обществе.

Всего два года назад снял военную форму полковник Константинов. В послевоенное время Владимир Федорович

продолжал летать на штурмовиках, затем переучился на реактивные истребители, окончил Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина. Долгое время летал на вертолетах. Летную биографию Константиновых,, их стезю военных летчиков продолжает Владимир Константинов, сын Владимира Федоровича. Он уже капитан, военный летчик первого класса, служит в транспортной авиации.

Интересна судьба и других крылатых ветеранов. Иван Балиашвили, демобилизовавшись в 1946 году, в течение многих лет возглавлял городскую организацию ДОСААФ города Гори. В настоящее время-председатель добровольного общества автомотолюбителей. Вырастил четырех детей, все они получили высшее образование. Имеет восемь внуков, один из них, Сосо, хочет стать летчиком, пойти по пути деда.

Иван Сысенко работал в аэропорту Быково, сначала техником, потом бортмехаником. Летал на Ан-2, а затем и на Ту-104. В настоящее время трудится в министерстве гражданской авиации, в отделе выставок, рекламирует технические достижения Аэрофлота.

Степан Дудник, как и многие в полку, после самолета По-2 летал на штурмовиках, позже на транспортных самолетах, потом работал на командном пункте части. В настоящее время - начальник отдела кадров проектного института.

Александр Халипский после войны долгое время летал в одном из полков. Уйдя в запас, вот уже пятнадцать лет трудится в Киеве, по-прежнему имеет дело с техникой - двигателями, приборами. Пятнадцать лет - ударник коммунистического труда, награжден значком победителя социалистического соревнования. Его портрет на одном из стендов галереи Почета.

Инженер полка Александр Федоров отдал авиации более тридцати лет. После полка лёгких ночных бомбардировщиков служил в корректировочно-разведывательном, потом был инженером дивизии. И теперь, несмотря на возраст, бодр и работоспособен, об отдыхе даже не помышляет. "Какой, - говорит, - отдых, когда столько дал кругом!..

Уволившись в запас, Сергей Сорокин работал в гражданской авиации, был штурманом отряда, летал до 1970 года на Ли-2, Ил-12, Ил-14...

Василий Ряховский после демобилизации долгое время работал в Центральном аэроклубе имени В. П. Чкалова, летал на вертолетах, удостоен звания мастера спорта СССР.

Георгий Ашаров, бывший штурман звена, стал заслуженным военным штурманом СССР. Теперь полковник запаса, работает в гражданской авиации.

Герой Советского Союза Виктор Шибанов, несмотря на ранения, многие годы летал и после войны, продолжая службу в авиации Московского военного округа. Ныне подполковник запаса, работает в Московском управлении торгового транспорта.

Герой Советского Союза Иван Оглоблин после войны окончил Военно-воздушную академию имени Ю, А. Гагарина, летал на транспортных самолетах. Ныне полковник запаса, преподает военное дело.

Не смог приехать на встречу замполит полка Николай Остромогильский. Прислал поздравительную телеграмму из Киева. К сожалению однополчан, не приехал и Сергей Чижов, бывший полковой врач, ныне доктор медицинских наук, руководитель большого отдела научно-исследовательского института.

Время неумолимо. Уже никогда не приедут на встречу подполковник Михаил Захарович Хороших и генерал-майор авиации Анатолий Захарович Калашников...

К Константинову подошел Александр Мелешков, кавалер ордена Ленина. Уроженец Сталинграда, он защищал свой город в годы войны, возвратился в него и после ухода в запас, участвовал в его восстановлении, а ныне работает экскурсоводом, рассказывает советским людям о ратном и трудовом подвиге города.

- Володя, - говорит Мелешков Константинову, - если бы ты посмотрел на наш Сталинград! Приезжай. Я тебе и покажу его, и расскажу о нем.

- Приеду, Саша. Обещаю.

- Английский премьер Черчилль предлагал оставить наш город в развалинах как мрачный памятник второй мировой войны. Но советским людям не нужен руинный мрак, им нужен свет, красота и торжественность. Таким и стал Волгоград - светлым, красивым, прекрасным городом.

- Приеду. Обязательно, Саша, приеду...

Выйдя из трамвая в Мигалово, окраине родного Калинина, Владимир и Тамара направились к Волге. "Ты не спеши, - сказала она, заметно прихрамывая, - мне за тобой не угнаться". Они остановились у обелиска павшим в боях за Родину и долго стояли, читая фамилии, ища знакомых. Потом пошли дальше. Разговаривая, вспоминая давние годы, оказались у расположенного в лесу пионерского лагеря.

- Даже не верится, так быстро дошли, - сказала Тамара, - до него ведь было не менее десяти километров. Как разросся наш город!

- Да, лагерь стал почти на окраине города, - согласился

Владимир и, вглядываясь в живописные домики, асфальтированные дорожки, спортивные снаряды, продолжил:- И стал совершенно иным. Раньше здесь были бараки. Три барака. Помнишь? На одном была огромная вывеска: "Кузница здоровья". Так назывался лагерь.

Не спеша они обогнули затихший, будто уснувший лагерь - сезон отдыха уже закончился - и вышли к речушке, а точнее, к ручью, впадавшему в Волгу. Тихий, полноводный, извиваясь, он скрывался в зарослях леса. Стоя на берегу, Владимир вспоминает:

- Бот здесь с Костей Вьюновым, моим дружком-одноклассником, мы ловили в заводи рыбу и отдавали ее в столовую. Уху ели всем отрядом.

Воспоминания пробуждались с каждым шагом. Вон на той поляне, за молодым сосняком устраивались пионерские костры-сколько радости было, сколько веселья! А вон там играли в футбол. Володька Константинов гонял мяч вместе с Санькой Соколовым. Потом они играли за городскую команду "Спартак". Санька был талантливым спортсменом.

- Жив он, Володя?

- Погиб. Петя Кашин тоже погиб. Помнишь его? Силачом был. Когда Петя гасил мяч, зрители кричали: "Ложись!" Морским пехотинцем был. И брат его, Леня, тоже не возвратился с войны.

Они вспоминали ребят, и перед ними всплывали знакомые лица: братья Либозаевы, братья Матыревы, Фокин-Большой, Фокин-Маленький, Пасынков, Богданов, Снегирев... Где они? Всех разбросала война. Многие но вернулись, многие...

Владимир и Тамара подошли к высокому обрывистому берегу Волги. "Ты помнишь, Володя?" И в памяти сразу возникла картина: заслышав шлепанье плиц по воде, горнист трубил сбор. Загорелая, красногалстучная ребятня высыпала на берег, ждала. Из-за поворота появлялся или трудяга-буксир, пыхтящий от непосильного груза, или изящный пассажирский красавец, скользящий по Волге лебедем. Ребята дружно кричали:

- Ка-пи-тан, да-ешь гу-док! Ка-пи-тан, да-ешь гудок!

С берега было видно, как рука капитана тянулась к рычагу, над рубкой всплывало облачко белого пара, по воде разносились трубные звуки. Радость озаряла лица ребят.

Брат и сестра спустились к воде, остановились у мостка, идущего в воду. Тихое, родное сердцу место. В далекие детские годы они прибегали сюда умываться, чистить зубы - водопровода в лагере не было. После зевтрака на легком дощатом пароме уплывали на пляж. Управлять перомом считалось за честь, удостаивались ее только старшие - ребята из отряда, в котором была Тамара. Владимир был поменьше, ему и его однокашникам

доверялось тянуть канат, опекать младших, смотреть, чтобы кто-то из них не свалился с парома.

- Ничего особого здесь вроде и нет, а все это воспитывало, заставляло равняться на старших, брать с них пример, прививало ответственность за порученное дело, - раздумчиво говорит Тамара. Набросив куртку на плечи-здесь, у воды, прохладно, - она присела на мостик.- Река нам тогда казалась непомерно широкой, и не всякий решался ее переплыть. Ребята, которые переплывали, считались героями.

- Нам надо бы съездить в Нигерово, в нашу родную деревню, - предложил Владимир, - посмотреть, как живут односельчане, а здесь, в Калинине, - в среднюю школу номер один, в которой я когда-то учился.

- А ты знаешь, школы уже нет, а само здание с пристроенными к нему корпусами занимает теперь Суворовское училище, - сказала Тамара.

- Змею. Потому и надо зайти, нам есть о чем поговорить с будущими офицерами: танкистами, артиллеристами, летчиками.

Вечерело. Солнце опускалось к зубчатой кромке дальнего леса. "Пора возвращаться", - сказала Тамара. Владимир согласно кивнул: "Вот только умоюсь..." Шагнув к полузатопленному валуну, он стал на колено, сомкнул ладони и качал плескать на лицо прозрачную воду. Брызги, сверкая в лучах вечернего солнца, падали золотистыми искрами. Тамара, глядя вдаль, задумчиво вполголоса напевала:

Когда придешь домой в конце пути, Свои ладони в Волгу опусти...

...Тамара и Вера сидят за столом. Перед ними куча поздравительных открыток, пока еще не заполненных. Все они разные: на одних силуэты Матери-Родины, на других - орден Победы, на третьих - воины наших дней у штурвалов боевых машин. Но надпись на всех одна: "Поздравляю с Днем Победы". Здесь же, на столе, блокнот с адресами однополчан. Их у Тамары много, ведь она служила в трех авиационных полках, и в каждом остались друзья. С ними Тамара переписывается, нередко встречается.

Последняя встреча была посвящена юбилею нашей Победы. Тамара ездила в Новгород. Там собирался 386-й ночной легкобомбардировочный ордена Кутузова Новгородский авиаполк. Тамара встретилась с командиром полка Яковлевым, комиссаром Оганесяном, полковым врачом Фетисовой и с первым своим учителем, штурманом звена Героем Советского Союза майором запаса Алексеем Пашковым.

Командир полка Яковлев, обнимая Тамару, сожалел:

- Зря, выходит, оберегали тебя, не пускали в огонь. А ты из огня да в полымя, с По-2 да на Ил-2. Не отпусти мы тебя из части, одним Героем у нас было бы больше.

- Неважно, где она стала Героем, - говорил Алексей Гашков, - важно, где она получила боевое крещение, сделала первый шаг к подвигу, и как сделала. Первый шаг Тамары был твердым, смелым, уверенным.

566-й и 999-й братские штурмовые полки дивизии генерала Хатминского встречались в Москве. Однополчане ходили к могиле Неизвестного солдата, возлагали венки. Из Крымска приезжал подполковник в отставке Домущей. Обрадовался старый "выка", встретившись со своими летчиками, стрелками, техниками. А радоваться в самом деле есть чему, гордиться есть кем. Десять Героев Советского Союза воспитал 566-й авиаполк...

Давно за пятьдесят Льву Обелову, Герою Советского Союза, а он все так же красив, представителен, строен. С открытой радостью встречает однополчан, обнимает, целует каждого. Живет в Москве, работает, возглавляет автоколонну.

Герои Советского Союза Лев Корчагин и Борис Чекин продолжают служить в армии, передают молодежи боевой и жизненный опыт. Оба окончили академию, оба полковники. Весел, приветлив Корчагин, скромен, деликатен Чекин. Служит и Евгений Короткое, он тоже окончил академию и тоже полковник.

Радовался Домущей, встретив своих сынов, любовь и гордость свою, и загрустил, узнав, что первый Герой полка Афанасий Мачнев на встречу не прибыл. Болен Афанасий, тяжело и надолго болен. Сказалась война, постоянная фронтовая напряженность, жизнь под огнем.

- Мы напишем ему письмо, - говорил Домущей, - такое письмо, от которого ему обязательно станет легче. И все подпишемся.

- Хорошие у тебя друзья, - задумчиво говорит Верочка.

- Очень хорошие, - подтверждает Тамара.- Я видела их в годы войны, вижу сейчас. Это люди с чистой совестью. Их боевые дела, их жизнь - пример для нового поколения воинов, патриотов, пример беззаветного служения Родине, пример выполнения гражданского долга и высокой ответственности за судьбу своего государства.